

С ЧЕМ ВЫ СМЕШИВАЕТЕ СВОИ КРАСКИ? 3

ДМИТРИЙ СОЛОВЕЙ

Закончилась эпоха брежневского застоя. Страну ждали изменения. Какие именно, в курсе был только Александр Петров. Он не принёс каких-то знаний из будущего, не прогрессорствовал. Как истинный комитетчик, незаметно удалял тех людей, что проявили себя в предыдущей реальности не с лучшей стороны. Горбачёв уже не придёт к власти, не приедет из Томска в Москву Лигачёв. Выжил Машеров, да и Семичастный ещё помнит, что существует некий предсказатель в рядах КГБ. Что-то глобально изменить в мире наш герой не сможет. Не в его власти повлиять на цену за баррель нефти, убрать президентов, но история уже свернула по другому пути.

Dmitriy Nightingale

С чем вы смешиваете свои краски? 3

Закончилась эпоха брежневского застоя. Страну ждали изменения. Какие именно, в курсе был только я. Оглядываясь на те года, что прожил в этой реальности, невольно подводил итоги. Каким-то прогрессорством я не занимался, можно сказать, просто устраивал свою жизнь. И кто сказал, что это плохо? У меня есть жена, сын Ромка, ставший по-настоящему родным отец, друзья, и буду надеяться, что отсутствуют враги.

Вечером по телевизору всем семейством смотрели повтор похорон Брежнева.

— Да нет же, было слышно, как гроб уронили, — доказывал мне отец.

На записи в программе «Время» звука, напоминающего падение, не было. Позже это станет одной из легенд похорон. То, что опускание гроба совпало с первым залпом орудий, поняли не все. Отцу тоже показалось, что гроб уронили, когда тот с грохотом опустился в могилу. Пришлось растолковывать нюансы церемонии.

Люди, смотревшие прямую трансляцию по телевизору, не увидели того человека, который давал отмашку для пушек. Безусловно, этот момент был отрепетирован заранее. Кто-то, оставшийся за кадром, чётко следил или отмерял время. Ровно в 12:45 гроб стали опускать, тогда и громыхнул первый залп. Опять же по телевидению мы не видели, что в могиле были оборудованы специальные направляющие. Всем показалось, что слишком быстро произошёл спуск.

Владимиру Петровичу о дате смерти Брежнева я сообщил почти за три месяца до этого события, в очередной раз удивив генерала своими предсказаниями. Вообще-то я и сам поразился, как всё совпало до малейших деталей. С другой стороны, если я где-то и вмешался в ход истории, то на здоровье Брежнева это никак не отразилось.

Хотя десятое ноября ждал с волнением. Ещё на работе проверил, что показывают по телевизору. У Ильи в кабинете стоял сей предмет. Как и ожидал — все развлекательные, спортивные и детские передачи заменили на концерты симфонической музыки.

Вечером я выслушал возмущения от Сашки. Погода была такая, что с мелким долго не погуляешь, а дома просто сидеть без телевизора скучно. Ромка у нас классный пацан. Возможно, я, как и многие родители, преувеличиваю, но двухлетний сын казался мне невероятно смышлёным. Жаль, времени, свободного для семьи, у меня оставалось немного.

В этот год много чего закурилось. В конце января умер Суслов, называемый в народе «серым кардиналом». После его смерти начались перестановки в верхах. Мало кто понял, что на самом деле происходило. С согласия Громыко, Тихонова и Устинова на место генерального секретаря ЦК КПСС стали готовить Андропова. Однако по политическим соображениям глава КГБ сразу не мог со своей должности стать генеральным секретарём. Пока Суслов сидел на Старой площади, Андропову путь вверх был закрыт. После же его похорон начались перестановки.

Естественно, что без согласования с Брежневым ничего не делалось. В мае 1982 года Юрий Владимирович покинул пост председателя КГБ в связи с избранием его секретарём ЦК. «Серый кардинал» наверняка в гробу перевернулся от такого решения. К слову, многие не понимали, как можно было комитетчика поставить заниматься идеологической работой. Это Суслов был всей душой предан тому, чем занимался, и посвятил воспитанию советских граждан всю свою жизнь.

Фактически это он руководил Госкомитетом по кинематографии, Госрадио, печатью,

молодёжными организациями, Министерством культуры. Вся идеология и пропаганда как у нас в стране, так и за рубежом была завязана на «сером кардинале». Суслов писал многие тексты Брежневу и другим членам Политбюро для выступлений перед народом. Советская пропаганда этого периода всеми своими достижениями была обязана именно Михаилу Андреевичу.

Неугодные Сулову люди не появлялись на экранах и прочих публичных площадках. Зато те, кого он «пригрел», получали небывалые возможности. Любимчик «серого кардинала» Илья Глазунов свободно путешествовал по всему миру, рисуя портреты руководителей стран и видных политиков.

Если кто-то спросит меня, как я вижу образ классического коммуниста, проникнувшегося идеалами Ленина, то в моём представлении это будет Михаил Андреевич Сулов. На полном серьёзе! Несмотря на свою высокую должность, он не пользовался теми благами, что она давала. Это был совершенно неподкупный человек, довольствующийся минимумом в еде и вещах. К тому же педант, расписывающий по минутам свой день, строго соблюдающий субординацию и требующий этого от других.

Представьте себе одного из могущественных людей страны с маниакальной честностью и скромностью. Идеалист и утопист с заостренным взглядом на жизнь. Менялся мир, развивалась наука и техника, трансформировались представления людей, жёны и дочери верхушки власти скупали бриллианты, советская молодёжь мечтала об американских джинсах, «жигулях» и прочих благах. Только Сулов надеялся всех перевоспитать, загоняя в рамки идеологии марксизма-ленинизма. И буквально «сгорел» на работе.

Ходили слухи, что причина смерти Сулова крылась в сильных переживаниях по поводу польских событий и таинственного самоубийства генерала Цвигуна. Заместитель председателя КГБ СССР генерал армии Семён Цвигун покончил с собой 19 января, а Сулов умер двадцать первого. По мне так эти два события притянуты друг к другу с большой натяжкой. Сулов был пожилым человеком. Семьдесят девять лет вполне достойный возраст, чтобы помереть и от других причин. По поводу шестидесятичетырёхлетнего Цвигуна вопросов было больше.

Наше управление в расследовании этого самоубийства задействовано не было. Даже Владимиру Петровичу пришлось довольствоваться скухими строчками официальной версии, согласно которой Семён Цвигун тяжело болел раком лёгких и, не став дожидаться естественной смерти, застрелился. Дядя Вова с Цвигуном был знаком, пусть и не приятельствовал, но знал, что десять лет назад он перенёс операцию на лёгких. И вполне успешную. К тому же на руки семья Цвигуна получила свидетельство, где причиной смерти указывалась «острая сердечная недостаточность».

Илья попытался расспросить меня что-то по этому делу, но я развёл руками. Пусть и помнил заместителя Андропова по фамилии, но личной биографией никогда не интересовался и насчёт самоубийства генерала ничего сказать не мог. Илья перечислил гуляющие «среди своих» версии. По одной из них Цвигуна обвинили во взяточничестве в одном крупном деле о коррупции и он решил не дожидаться расследования.

Проблемы онкологии также отметить не стоило. Был рак лёгких, могли образоваться метастазы. Чем не предпосылки к самоубийству?

Ну и главным обсуждаемым вопросом была ссора Цвигуна с Суловым по поводу любовника Галины Брежневой, артиста Большого театра Бориса Буряце. Этот роковой цыган был связан с уголовной группой, похитившей бриллианты у знаменитой дрессировщицы

Ирины Бугримовой^[1]. Ситуация там выглядела паршиво. Сомнительные свидетели уверяли, что видели некоторые украшения на Галине Брежневой. В ходе расследования её имя любому всплыло бы. И как отреагировал бы на это папа?

Из закрытых источников Владимира Петровича мы с Ильёй узнали, что скандал между Сусловым и Цвигуном вышел знатным. Оба психанули и разругались. Суслов был категорически против, чтобы в деле фигурировало имя Галины Брежневой. Бескомпромиссный и честный «серый кардинал» стоял на защите партийной идеологии, потому считал, что подобная огласка скомпрометирует не только семью Брежнева, но и всю партию (как будто в народе слухов о Галине и бриллиантах не ходило!).

А теперь сложите все эти события воедино и станет понятно, что поводов для самоубийства у Цвигуна хватало. То, что он не написал предсмертную записку, действовал спонтанно, воспользовавшись не личным табельным оружием, а пистолетом охранника, подтверждало эту версию. Замордованный, больной и усталый генерал приехал на дачу, где и свёл счёты с жизнью.

Суслов же в какой-то мере чувствовал свою вину и тоже переволновался. Пусть они с Цвигуном не дружили, но точки соприкосновения по идеологической работе имели. Семён Цвигун писал автобиографические книги о партизанских подвигах выдуманного персонажа майора Млынского. По этим книгам были сняты фильмы «Фронт без флангов», «Фронт за линией фронта», где в главной роли снимался Вячеслав Тихонов. Суслов высоко оценил сюжет фильмов, лично хлопотал о награждении премией Ленинского комсомола сценариста Семёна Цвигуна. Правда, в титрах тот упоминался, как Семён Днепров.

Когда же оба проявили принципиальность, то не смогли договориться, и ссора между Сусловым и Цвигуном стоила обоим жизни.

— А могли его и наши комитетские устранить, — не принял Илья ни одну из версий по Цвигуну.

— Могли, — не стал я отрицать. — Зачем только? Не помню я ничего такого-эдакого по этой личности. Был генерал, служил заместителем Андропова, ведал тайнами, но не такими, за что его могли убили.

— Возможно ты не в курсе, сам же говорил, что не интересовался биографией Цвигуна, — не соглашался друг.

— Илья, да какая нам разница?! Событие уже случилось, ничего не изменится и поиск кого-то причастного роли не играет.

С этим Илья согласился. Зато какие начались движения в верхах после смерти Суслова! Должность главного идеолога досталась Андропову. У многих такие перестановки вызвали недоумение. Прежде всего сами комитетчики удивлялись и ворчали по поводу замены и нового руководителя. На место председателя КГБ утвердили Виталия Васильевича Федорчука, что стало для меня откровенным сюрпризом. Дядя Вова меня ни о чём не спросил и не упрекнул. Он привык, что мои «озарения» случаются спонтанно. Зато Илья высказал, что думал. Мол, чего не предупредил?

— Да не помню я! Не помню такого человека.

— История свернула на другой путь? — озадачился Илья.

— Если бы. Предполагаю, что в моей памяти такая личность просто не зафиксировалась.

Федорчука перевели в Москву с Украины, где он был председателем КГБ союзной республики. Выбирал и назначал генерала армии лично Брежнев. На Лубянке такие

изменения приняли молча и без особого энтузиазма, поскольку все прекрасно знали о нелюбви Андропова к Федорчуку, которому пришлось своё любимое детище передавать в «чужие руки». К тому же приказы и деятельность нового главы вызвали ропот и недовольство у личного состава.

До нашего управления доходили странные распоряжения и указания. Даже я, не испытывающий каких-то особых симпатий к Андропову, и то сожалел, что он нас покинул. За знание языка офицерам платили пять процентов от зарплаты. За второй язык ещё пять. Но в сумме не более десяти процентов, независимо от того, сколько иностранных языков ты знаешь. И вдруг с подачи Федорчука потребовали аттестацию и экзамены на подтверждения языка. Всё это отнимало не только время, но и действовало на нервы.

Владимир Петрович ходил мрачный и порывивал на всех подряд. Чтобы как-то поддержать генерала, я ему и подсунил листок с датой смерти Брежнева и тем, кто станет генеральным секретарём. Владимир Петрович просчитал ситуацию на раз. Вслух ничего говорить не стал, но явно прикинул, что Федорчук задержится на должности председателя КГБ до ноября-декабря, а дальше предстоят очередные изменения в руководстве. Не оставит его Андропов главой. Жаль, имени следующего председателя я не помнил.

— И всё же гроб уронили, — вернула меня к просмотру программы «Время» Сашка. — Два человека не могли удержать такую тяжесть.

— Пушки это громыхнули, — повторил я.

— А почему тогда на повторе не гремят? — не сдавалась жена, подразумеваемая запись кадров в программе «Время».

— Чтобы люди слухов не плодили. Ладно, вы тут досматривайте, кто кому руку пожал и соболезнования высказывал, а я Ромку пойду спать укладывать и сам лягу.

Устал я за эти дни так, будто лично нёс на своих плечах гроб с Брежневым. Предыдущие три дня выдались особо хлопотными. Нас всех срочно и без исключения задействовали во встрече иностранных гостей, которые стали прилетать в Москву уже двенадцатого ноября. Практически все внутренние авиарейсы в столицу были отменены. Иностранные делегации прибывали круглые сутки. Сказывалась разница в часовых поясах. К тому же гостям рекомендовали прилететь заранее из-за погодных условий.

Руководителей братских социалистических стран встречали и провожали высокопоставленные лица, но представители КГБ в сопровождении были обязательны. Явно с подачи Владимира Петровича меня, в качестве переводчика и сопровождающего, на машине с водителем и одним охранником отправили встречать Генерального секретаря Компартии Великобритании товарища Макленнана. Собственно, мне было всё равно, кого сопровождать, но представитель англоязычной страны был в приоритете.

Такого беспорядка в Шереметьево мне ещё не доводилось раньше видеть. Москва была закрыта для въезда уже десятого числа, но на организационных вопросах это не сказалось. В аэропорту был полный бедлам и неразбериха! А какие лица толпились на выходе! Фиделя Кастро я узнал легко, а после с недоумением наблюдал, как он не менее часа ждал, пока подадут машину.

Обязательно по протоколу гостям положено было по прибытии произнести слова соболезнования. Для этого дела в Шереметьево дежурил председатель Совета Союза Верховного Совета СССР Щитков. К тому моменту, как я подвёл представителя шотландского народа, Щиткову уже было на всё наплевать. От него шёл запах крепкого алкоголя, но на ногах Щитков держался, хотя и с постной миной выслушал мой перевод слов

Гордона Макленнана.

Нашей же группе сопровождения нужно было продолжать предписанные мероприятия. Сразу из Шереметьево гости отправлялись в Колонный зал, чтобы там возложить венки. Тот венок, с которым прилетел Гордон Макленнан, неожиданно потерялся. Кто взял и куда унесли, мы не заметили, но шотландца я успокоил, пообещав, что подберём любой венок на месте и возложим (их там с запасом должны были привезти). Главное, чтобы багаж доставили по назначению, а то будет совсем неловко.

Пока ждали автомобиль, неспешно беседовали о погоде. В Москве было два градуса, в Лондоне, естественно, теплее. Тема беседы быстро исчерпала себя. Шотландцы народ своеобразный. Из принципа могут сделать вид, что классический английский им незнаком. Кельтский язык, на котором любят говорить шотландцы, нужно знать, чтобы понять, а не вслушиваться в произношение, выискивая схожий аналог английских. К примеру, *caileag* — девочка на кельтском, *girl* на английском, произносятся и пишутся по-разному. Ещё шотландские существительные и местоимения имеют только мужской и женский род. Средний род исчез где-то в глубине веков, когда этот диалект трансформировался из древнеирландского языка в тот, что существует сейчас.

Мои познания в шотландском Макленнана сильно удивили. К тому же я поинтересовался, имеет ли Гордон отношение к шотландскому клану *McLennan*, и выслушал довольно интересную историю его родни. После мы переключились на футбол (на шотландском *football* произносится как *fitby*). Автомобиль наш всё не подавали, и я решил рассказать шотландцу анекдот про англичан.

Не знаю, появилась ли в это время мода перед футбольными матчами размахивать флагами, но в начале двадцать первого века это было очень популярно. В преддверии чемпионатов мира англичане, помешанные на футболе, разъезжали в автомобилях, украшенных флагами с красным крестом. Мой анекдот был из того времени.

— The government is concerned about how many English men have smaller than average penis so they asked all men who have this problem to fly a St. George flag from the windows^[2].

Макленнан понял всю тонкость юмора без моих подсказок и хохотнул, но быстро взял себя в руки, сообразив, что смешки на траурной церемонии немного неуместны. Однако всю дорогу до Колонного зала шотландец нет-нет да начинал всхлипывать, сдерживая рвущийся наружу смех. Вот уж не знаю, что написали в отчётах водитель и охранник, но они с подозрением косились на «рыдающего» Макленнана, явно поражаясь тому, как так можно убиваться из-за смерти руководителя СССР.

К моему большому удивлению, в помещении, соседствующем с Колонным залом, где стоял гроб с телом Брежнева, шотландец отыскал венок с флагом Великобритании и резво потащил его возлагать. Тот это был венок, с которым прилетел Гордон, или другой, уточнять я не стал. Мы вполне могли умыкнуть венок, предназначенный для министра иностранных дел Великобритании, тоже прибывшего на похороны.

Покончив с обязательными мероприятиями, занялись размещением шотландского коммуниста в гостинице. Позже вместе обедали и ужинали. Где-то гулять по Москве прибывшим иностранцам не рекомендовалось, но у себя в посольстве Макленнан отметил (без моего участия). Снова я сопровождал его уже непосредственно в день похорон. Выдвинулись мы заранее в восемь утра и сразу отправились на Красную площадь. Совсем близко на автомобиле подъехать не получилось. Пропуск у нас имелся, но оцепление пропускало пеших иностранцев без сопровождающих и переводчиков. Оргкомитет по

похоронам разрешил проходить к мавзолею только гостям.

Так случайно получилось, что пока один милиционер разглядывал пропуск и пояснял охраннику, почему тот не может пройти, я болтал с Гордоном. Одежда у меня всегда немного выделялась на фоне того, что носят наши граждане. Илья уверял, что и внешне я держусь и веду себя не как среднестатистический советский человек. Мажор, одним словом. В общем, в оцеплении меня посчитали тоже иностранцем и пропустили дальше, показав, куда именно нужно идти.

Представителей от социалистических стран и глав компартий собрали слева от мавзолея, остальных справа. На кадрах программы «Время» кажется, что мы все стоим организованной компактной группой. На самом деле толчея была ещё та.

Прибыть на Красную площадь рекомендовалось в восемь тридцать утра, а опустили гроб с телом в 12:45. Всё это время пришлось стоять на холоде и выслушивать нудные речи, звучавшие с трибуны мавзолея. Кроме меня, переводчиков с английского не было, и к нам с Гордоном протиснулись ближе те, кто жаждал услышать перевод речей. У меня же было одно желание, чтобы это всё побыстрее закончилось. Никакого пиетета и сожаления по почившему руководителю страны я не испытывал. Если кого и волновали, какие последуют изменения в руководстве страны, то точно не меня.

Владимиру Петровичу нарисовал очередное озарение — символичную могилку с надписью «*Ю.В. Андропов. Дата смерти февраль 1984*». Нужно ли говорить, что такой прогноз генерала сильно озадачил, но он не усомнился. К тому же когда умрёт Брежнев, я предсказал безошибочно.

В комитете о смерти Брежнева узнали сразу, но всем рекомендовалось не распространять информацию до официального сообщения. Чуть полная. Какая разница и что это могло изменить? Придя домой вечером, я сразу сказал, что праздничного концерта, посвящённого Дню милиции, не будет.

— Саша, родителям не вздумай звонить, — предупредил жену. — Завтра они всё узнают.

Вообще-то тёща сама заинтересовалась такими странностями: отчего отменили концерт, что за ерунда показывается по телевидению, но ответов она не получила.

— Завтра в десять утра узнаете, — повторил я. — А пока смотрите фильм «Депутат Балтики».

— Шурка, а сведения точные? — недоумевал отец. — Седьмого ноября Брежнев всех приветствовал.

Я демонстративно закатил глаза, отвечая таким образом на все вопросы сразу и выражая мнение о той речи, где «сосиски сраные»^[3] чередовались с не менее изысканными перлами «дорогого Леонида Ильича».

Примерно как в том анекдоте: «Правда ли, что Брежневу собираются присвоить звание генералиссимуса?»

«Правда. И если он это слово сумеет ещё выговорить, ему также дадут народного артиста».

— А кого выберут вместо Брежнева? — не отставала Сашка с расспросами.

— Андропова.

Так-то его ещё только двенадцатого ноября изберут генеральным секретарём, но я выложил эту информацию.

— И что же будет? — поохала Саша.

«Что будет и как нам дальше жить?» — задавались вопросом многие. Не то чтобы все поголовно любили Брежнева, но он давал людям иллюзию стабильности. К переменам и чему-то активному наш народ пока не привык. Тут ещё всяческая траурная символика на улицах создавала гнетущее впечатление. На зданиях различных организаций, школ, вузов крепили красные флаги с чёрными лентами.

Имеющиеся специальные крепежи для флагов предусматривали немного другое расположение древка. Стоя на светофоре в ожидании зелёного сигнала, я наблюдал, как мужики пытались на фасаде какого-то НИИ закрепить флаг строго горизонтально к поверхности. Получалось у них не очень, но работники старались привязать флаг под нужным углом.

У нас в управлении тоже чёрных ленточек и портретов развесили. Илья как член парткома провёл собрание в коллективе. Формальность полная. Невольно я смотрел на это действо как бы со стороны. Вроде и правильные слова говорят люди, но не верю я в их искренность. С Ильёй-то всё понятно. Он рвётся по служебной и партийной лестнице, пока есть такая возможность. А другие коммунисты произносили речи именно потому, что так положено.

По негласному правилу, действующему в КГБ, весь офицерский состав должен быть партийным. Как будто это влияет на характер или суждения человека! К началу восьмидесятых годов вера в идеалы коммунистического строя сошла на нет. Безусловно, истинные и ярые партийцы переживут девяностые годы. Компартия будет существовать и двадцать первом веке. Другой вопрос, что вступать в коммунистическую партию будут по желанию, а не потому что так надо и в обязательном порядке.

Пока же мы слушали выступление Ильи о «пламенном борце, дорогом и любимом Леониде Ильиче».

Андропов за преобразования страны взялся сразу и серьёзно. Советский народ сильно удивился, когда генеральный секретарь заявил, что надо укреплять дисциплину, стимулировать хорошую работу рублём и наоборот:

— Плохая работа, бездеятельность, безответственность должны самым непосредственным и неотвратимым образом сказываться и на материальном вознаграждении, и на служебном положении, и на авторитете работников, — заявил новый руководитель страны.

Чем это всё закончится, мы с Ильёй давно обсудили. Больше волновал вопрос, кто встанет «у руля» после смерти Черненко. В прошлой реальности это был Горбачёв. Тогда он имел должность секретаря ЦК КПСС. По логике, кто занимает эту должность сейчас, то будет следующим претендентом. На самом деле всё гораздо сложнее и запутаннее.

Машеров не погиб два года назад в аварии, и Брежнев его приблизил. Симпатии и антипатии Брежнева к Петру Мироновичу напоминали качели. Леонид Ильич то проявлял лояльность, то, напротив, опасался усиления власти Машерова и отдалял его. К тому же Петра Мироновича не любил Сулов, курирующий идеологию. Но через месяц после смерти Сулова Машеров стал секретарём ЦК КПСС. Считалось, что выдвинул его на эту должность Леонид Ильич. Лично я сильно сомневался в том, что Брежнев в этот период самостоятельно принимал какие-либо решения.

Машеров за годы своей деятельности неплохо поднял народное хозяйство республики. Белоруссия по уровню благосостояния населения стояла на пятом месте среди союзных республик. На первом месте была Эстония, на последнем — Туркмения.

Отношение Андропова к Машерову было ровным. Тот не видел в нём ни конкурента, ни преемника. Сам Юрий Владимирович, судя по первым неделям работы, рассчитывал править страной долго и плодотворно. И конечно же, он собирался прижать и приструнить недругов. Давний конфликт структур КГБ и МВД нашёл своё воплощение в противостоянии руководителей. Позиция Щёлокова конкретно пошатнулась ещё в 1980 году.

Убийство «на Ждановской» всё же случилось. Пусть я и предоставил Владимиру Петровичу данные, но не указал конкретной даты. Написал, что это будет конец декабря. Поскольку это дело никак не было завязано со шпионажем, наше управление не могло выделить людей. Генерал так и не придумал, под каким предлогом задействовать личный состав. Последние две недели перед Новым годом кто-то дежурил, но, судя по результату, без особого рвения.

Последующий сценарий этого дела прошёл всё же по-другому. Комитетские службы мгновенно отреагировали на исчезновение майора КГБ. Из плюсов моего предсказания было то, что не пришлось гадать кто и чего и строить ложные версии. Милиционеров арестовали в тот же день и начали раскручивать дело. Ожидаемо было много препон со стороны руководства МВД и лично Щёлокова. Дальше стали вскрываться такие факты, что никакой авторитет главы МВД не смог их прикрыть. Не помогли и дружеские отношения с Брежневым.

И если этот случай Андропов мог «забыть», то за подготовку собственного ареста мстить собирался серьёзно. С этим несостоявшимся арестом история случилась мутная. Тут как раз стоило задуматься на тему того, кто от лица Брежнева мог отдавать распоряжения.

Возможно, сам Брежнев под воздействием тех лекарств, которыми его пичкали, менял свои решения, проводя «игру», перетасовывая людей на руководящих постах, одобряя действия тех или иных лиц, и в частности Щёлокова.

После переселения Андропова на Старую площадь и заступления на новую должность произошли некие события, породившие много разговоров. Якобы Брежнев дал добро на арест, когда ему предоставили некие доказательства того, что к задержанным сотрудникам милиции (по делу на Ждановской) применяются изощрённые пытки.

Допустим, не совсем корректными методами допроса в нашей среде никого не удивить, да и Брежнев прекрасно знал, как работает КГБ. Но в данном случае МВД втиснуло данные о подготовке антиправительственного мятежа. Ошибка Щёлокова состояла в том, что он не учёл очевидного. Несмотря на нового главу КГБ, столичные комитетчики продолжали добросовестно доносить обо всём подозрительном не Федорчуку, а Андропову. В частности, сообщили о том, что коммунальщики обрезали ветки деревьев у дома Андропова на Кутузовском проспекте, создавая идеальные условия снайперам.

Когда десятого сентября к дому Юрия Владимировича выдвинулись три группы милицейского спецназа, их уже ждали. Только одной из групп удалось прорваться к нужному адресу, завязался бой, в ходе которого было убито два милиционера, но дело быстро замяли.

Изначально предложение Андропову от Брежнева перейти на Старую площадь вызвало много вопросов. Никто так и не понял, видит ли Леонид Ильич замену Суслова или ему нужен ещё один секретарь. Среди комитетчиков поползли слухи, что это только предлог, а реально Андропова просто хотят убрать из КГБ.

Владимир Петрович присутствовал на прощальном собрании, где генералы благодарили Андропова за совместную работу. Заместитель Цинёв сказал проникновенные слова о совместных годах, проведённых на Лубянке.

Вот что интересно, были у Андропова два зама: Цвигун и Цинёв. Оба ставленники Брежнева. Доверенные люди, хорошо разбирающиеся в своём деле. Цвигун покончил жизнь самоубийством, а Цинёв якобы тяжело заболел. В результате оставить свой пост кому-то из Москвы у Андропова не получилось, пришлось передавать дела тому, кого прислал Брежнев.

В ответной речи перед комитетскими генералами Юрий Владимирович ни слова не сказал о борьбе со шпионажем, контрразведке и других не менее важных областях деятельности. Основное внимание он уделил диссидентам.

— Как будто у нашей страны это единственный враг, — проворчал дядя Вова, пересказывая своими словами прощальную речь бывшего председателя КГБ.

Личная охрана у Брежнева поменялась. Вплоть до самой смерти его охраняли сотрудники КГБ. А после у Андропова появилась возможность припомнить всё Щёлокову и завести на него дело. Не так-то и сложно это было проделать. На министра МВД имелось столько компромата, что комитетчикам особо и трудиться не пришлось.

К примеру, накануне московской Олимпиады немецкая компания «Мерседес-Бенц» презентовала МВД три новеньких автомобиля — «для обеспечения безопасности движения в связи с проведением летних Олимпийских игр 1980 года». Немцы надеялись, что, убедившись в высоком качестве их продукции, министр Щелоков сделает им большой заказ и оснастит зарубежными автомобилями всю советскую милицию.

Щелоков поступил иначе. Получив разрешение в правительстве, один мерседес оформил на себя, а второй на дочь. Третья машина досталась его сыну Игорю. Жене

Щелоков подарил БМВ, который тоже был бесплатным.

Почти одновременно с Щелоковским завели дело на первого секретаря Краснодарского крайкома Сергея Медунова. Он был хозяином края с 1973 года. Когда Брежнев стал вспоминать военные годы и свои подвиги, то больше всех от этого выиграл Медунов. Знаменитая «Малая земля», где воевал полковник Брежнев, находилась на территории Медунова. Первый секретарь крайкома позаботился о том, чтобы подвиг Брежнева был достойно увековечен. Брежнев приехал в Новороссийск, растрогался и обнял Медунова, пообещав всевозможные блага. В ответ Медунов тоже прогнулся.

Об успехах Кубани писали постоянно. На партийном съезде Медунов обещал собрать миллион тонн риса. Под это дело строили искусственное водохранилище, затопили дома, людей переселили в другие места. Весь край работал на этот миллион — в жару по колено в воде, чтобы Медунов мог доложить о своём успехе. Тот и получил «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда. Правда, потом выяснилось, что обещанный миллион — это липа. Поля загубили, экологию нарушили.

Ладно бы только поля. В прошлой жизни у моей матери была соседка, работающая в одном из институтов, занимающихся селекцией, рассказывала, как изымали посевной фонд. Получить новый сорт того же риса не так-то просто. Не знаю, как выводятся сорта в двадцать первом веке, но в середине семидесятых использовали даже радиацию для того, чтобы рис немного мутировал. После отбирались образцы, проявившие наиболее интересные качества.

Опытные делянки новых сортов расширялись, собирался урожай для будущего посева и увеличения объёма. А потом все эти выстрадавшие образцы, результат работы нескольких лет по распоряжению Медунова выгребли и тупо сдали в заготконторы.

Последний год пятилетки не радовал Кубань погодой. Лето выдалось прохладным и дождливым. Миллион тонн риса никак не набирался даже с изъятием всех резервов. Возможно, недостающие тонны приписали, как это делали в Узбекистане с хлопком, но и «по сусекам» собрали всё, что мог дать край. Мне же запомнилась скупая фраза диктора программы «Время» о том, что на Кубани сдан урожай риса в миллион тонн. И всё. Не было какого-то масштабного ликования и празднования, поскольку не было и рекорда.

Афера с рисом была малой частью того, что творил Медунов в крае. Он отличался невиданным самодурством. К примеру, приказал бульдозерами снести все парники, в которых люди выращивали для себя овощи. О ситуации в крае написала газета «Советская Россия». И тут же на защиту Медунова бросилось партийное руководство и секретарь ЦК по идеологии Зимянин.

Но отреагировать на письма и общественное мнение людей всё равно пришлось. Медунова назначили заместителем министра, он стал заниматься заготовкой плодоовощной продукции. Все понимали, что это пересадочная станция. Многие были уверены, что Медунова ждёт тюрьма. Как бы не так! Он лишился партбилета и работы, но не свободы. Спокойно ушёл на пенсию и даже сохранил «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда.

Перечень претензий к Медунову был не меньшим, чем к Щёлокову. Но бывший краснодарский секретарь никого в политбюро не интересовал — не та фигура. Зато к Щёлокову у Андропова были личные счёты и возможность поквитаться с тем, кто при Брежневе обладал серьёзной властью.

Став генеральным секретарём, но помня о старых обидах, Андропов первым делом

отправил на пенсию маразматика Кириленко. «По состоянию здоровья и по собственной просьбе», как написали в прессе. На том же пленуме решили создать экономический отдел ЦК. Поставили руководить им Николая Ивановича Рыжкова.

Уже после похорон Брежнева генерал поделился со мной и Ильёй секретной информацией. Если бы не внезапная смерть Брежнева, то буквально через неделю на пленуме ЦК он назвал бы имя своего преемника — Владимира Васильевича Щербицкого. Хорошо, что моя попаданческая деятельность не сказалась на этом событии и дата смерти не изменилась.

Меньше чем через месяц после похорон Брежнева Виталий Васильевич Федорчук был переведён Андроповым из КГБ в МВД. На этой должности он сменил Щёлокова, получил попутно звание генерала армии. После устранения давнего недруга Андропов наконец провёл через политбюро решение «о контрразведывательном обеспечении МВД СССР, его органов и внутренних войск». В третьем главном управлении КГБ (военная контрразведка) сформировали управление «А», которое теперь присматривало за милицией. Появилось также управление особых отделов КГБ по внутренним войскам МВД СССР.

Помним, что Андропов внедрил чекистов во все звенья государственной машины? Заместители руководителей из «органов» сидели в самых разных организациях: на радио, телевидении, в Министерстве культуры. По сути это были бездельники на тёплых местах, преданные главному комитетчику за то, что при нем они так высоко поднялись.

В каждом министерстве, ведомстве, научном и учебном заведении имелись официальные сотрудники комитета или чаще офицеры действующего резерва. Так называли сотрудников КГБ, которых командировали для работы за пределами комитета. В отличие от вооружённых сил, они не отправлялись в запас, а оставались на службе, но действовали под прикрытием. Очень удобно для того, кто хочет иметь теневою власть в стране. Щёлокову подобное сделать не позволили бы. А комитет прикрывался идеологией и тем, что стоит на страже социализма в стране.

Шпионы попадались очень редко (тем более далеко от Москвы), терроризма практически не существовало. Гигантский механизм прокручивался впустую, но создавал у Андропова ощущение полного контроля над страной. Получаемой информацией глава КГБ делился с Брежневым и частично с другими членами политбюро.

Формально чекисты должны были выявлять иностранных шпионов, проникших в органы внутренних дел и сражаться с коррупцией. В реальности они старались взять под полный контроль своих недавних соперников. Ни одного шпиона в органах внутренних дел не нашли. Рассказывали, что Федорчук, который всю жизнь провёл в контрразведке, установил слежку даже за своими заместителями в Министерстве внутренних дел. При Щёлокове такого не было. Федорчук же быстро освоился в милиции и обзавёлся собственной агентурой. Каждый день к нему приходили люди из аппарата и докладывали, кто из замов чем занимается.

В целом Федорчук новой должностью был вполне доволен и пользовался всеми благами. Летом он отправился на отдых в Крым. Туда же в санаторий приехал Черненко. Федорчук увлекался рыбалкой, лично ловил и коптил ставриду. Он же и потчевал Черненко ставридой собственного копчения.

Вообще-то вся еда, предназначенная для членов политбюро, проходила контроль в 9-м управлении КГБ. Ну не верю я, что личная охрана Черненко позабыла свои обязанности и инструкции!

— Отравление? — недоумевал Илья.

— Притом, что угощалось ставридой много народа, а увезли с отравлением только одного Черненко... — сделал я картинную паузу и пересказал то, что мне было известно из будущего.

Константин Устинович не умрёт, но это отравление серьёзно подорвёт его здоровье. В наши планы пока это вписывалось. Осталось, конечно, некое недоумение по поводу того, что Федорчуку всё сошло с рук. Примерно были предположения, чья это могла быть закулисная игра. Андропову не нужен был Черненко, он собирал свою команду и довольно разномастную.

Андропов перевёл в Москву ленинградского секретаря Григория Романова, затем Алиева из Баку. Думаю, что, не подсуетись мы с Ильёй, и Лигачёв был бы в этой команде. Но тут не срослось. Горбачёва и Лигачёва мы деликатно устранили.

Компромат на Лигачёва запускали в народ в течение полугода. Сами лично ездили на электричках (не забыв замаскироваться), рассказывая душещипательную историю про Томского первого секретаря обкома. В мае 1979 года в районе села Колпашево на берегу Оби весенним паводком подмыло берег, часть которого обрушилась. Вместе с грунтом в реку посыпались человеческие кости.

В сталинские годы томские чекисты вывозили туда трупы «врагов народа» и в конце семидесятых нелюбезная правда вдруг вскрылась. К месту происшествия местные комитетчики прибыли быстро и также оперативно стали скрывать следы былых преступлений. Для этого подогнали несколько речных теплоходов и, развернув их кормой к берегу, стали винтами размывать грунт. Берег снова обрушился, похоронив кости. То, что всплыло, топили в реке, привязав груз. Естественно, со всех участников операции была взята подписка о неразглашении.

А теперь представьте, что историю про то, как первое лицо области распорядился уничтожить останки невинно убиенных людей, мы с Ильёй начали полущёпотом рассказывать друг другу, находясь в электричке или метро. Нет-нет, а кто-то подслушивал и уносил рассказ с собой. Я даже Мишке поведал. Предупредил его, правда, что может пересказать тёте Розе, но не у себя на кафедре.

Не знаю уж какими путями, но через полгода этот вопиющий факт дошёл до «Голоса Америки». И я вскоре написал обзорную справку по Юрию Кузьмичу Лигачёву (отчего-то в Сибири его именовали Юрием, а не Егором).

С аналитикой я не поспешил. Припомнил всё, что знал, особенно антиалкогольную кампанию времён перестройки. Это ведь с подачи Лигачёва началась вся та катавасия. У Горбачёва своих идей на этот счёт не было, он вообще был скуден на собственные мысли. Лигачёв же, будучи первым секретарём Томского обкома, уже в конце семидесятых активно боролся с пьянством у себя в регионе, путая причину и следствие, сокращая розничную торговлю спиртным.

Мне понадобилось всего две недели, чтобы собрать весь материал воедино. Запросы в Томск я посылал раньше и статистику самогонварения имел на руках. К ней добавил тот документ, что мне прислали по запросу с Краснодарского края. Совсем чуть-чуть подтасовал данные, но вывод получался убойный. А если добавить к этому опыт американцев с гангстерами двадцатых годов, цифры по бюджету страны от продажи спиртного, «Голос Америки» с их криками о жертвах сталинизма, то перевод Лигачёва в Москву стал очень сомнительным.

У себя в области он продолжал крутиться. Не скажу, что он был плохим руководителем. По сравнению с тем же Медуновым, очень даже ничего, но пускать на самотёк его идеи с антиалкогольной компанией не стоило.

Илье я поведал, сколько было погублено виноградников на Тамани и в других местах юга страны, про то как были закрыты и заброшены винодельческие предприятия. В первой своей жизни, будучи студентом, пришлось поработать в совхозах, производящих вино. В средней полосе студентов отправляли «на картошку», в средней Азии на уборку хлопка, а юг Кубани радовал студентов разнообразием. Один год мы курсом попали на табак. Табак ломают до того, как солнце начинает пригревать, чтобы от испарений не стало плохо. Получалось, что рабочий день до обеда, а дальше развлекайся по своему усмотрению.

На другой год мы собирали виноград в винодельческом совхозе. Можете себе представить, сколько выпили того продукта при условии, что всё местное население делает домашнее вино. Покупали его вёдрами (другой тары не было) и очень дёшево. Правда, по времени длился этот «колхоз» полтора-два месяца. Те же студенты Подмосковья успевали собрать картошку за половину этого срока и возвращались к учёбе. Зато мы очень неплохо подковались в сортах вин, научившись определять из какого сорта сделано вино не хуже французских сомелье. Потому я и не мог простить вырубленные с подачи Лигачёва виноградные плантации.

Предположу, что Андропов в этой реальности не особо задумывался о включении Лигачёва в свою команду. Зато Романова он поставил секретарём ЦК по военно-промышленному комплексу. Можно только догадываться, как это не понравилось Устинову, но ничего поделать министр обороны не мог. Опытный комитетчик опасался концентрации власти в одних руках и поручил Романову руководить оборонной промышленностью и машиностроением. Старый принцип — разделяй и властвуй во всей красе.

К слову, самого Григория Васильевича Романова в Ленинграде не сильно-то любили. Особенно интеллигенция. Аркадий Райкин, не выдержав давления со стороны ленинградского начальства, был вынужден вместе со своим театром перебраться в Москву. Да и другие театральные деятели старались держаться от Романова подальше.

В столице Григория Васильевича встретили настороженно. Прибыл он без своей команды, влиятельных друзей не имел. Пошли слухи (у комитета везде свои уши), что он стал злоупотреблять алкоголем. Блестящую карьеру Романова загубил Брежнев ещё в 1975 году. Когда американский журнал Newsweek назвал будущим преемником Брежнева Григория Васильевича Романова, генеральный секретарь отреагировал должным образом, перестав привечать возможного конкурента. В борьбе за власть Леонид Ильич был очень бдительным. Андропов же вспомнил и перевёл обратно в Москву Романова. О других членах команды Андропова информации было ещё меньше или они не пытались выпячивать свои достижения.

Простой народ мнение о новом руководителе страны имел двоякое. С одной стороны, напрягало то, что стали следить за трудовой дисциплиной, устраивали проверки на дневных сеансах в кинотеатрах, банях и просто в городском транспорте. С другой стороны, советских людей воодушевили расследования по хлопковому делу, директору Елисеевского гастронома, Щёлокову и прочим коррупционерам.

Люди верили в то, что вот она, справедливость, восторжествовала и уж теперь-то жизнь станет лучше!

Дачи на Рублёвке мы с Ильёй всё же построили. Скромные такие домишки, чтобы только зафиксировать наличие строения на участке. По сути эти дачи нам были не нужны. У меня имелось владение в Валентиновке, у Ильи то, что он оформил на тещу. К тому же свободного времени на посещение дач не хватало.

Рублёвские дачи получились скромненькими и без изысков. Обычные домики на две комнаты с печкой. Туалеты во дворе. Единственное преимущество — между участками поставили общую баньку на две семьи. Дровишки для неё сами с Ильёй заготавливали, а больше никакими удобствами не заморачивались.

Не пришло ещё то время, когда здесь вместо скромных дачных домишек начнут возводить настоящие дворцы. Сейчас построить что-то большее, чем конура для собаки, сопряжено с определёнными сложностями. И дело не в стройматериалах, а в том, что разрешено возводить на даче ограниченное по метражу строение. Дурь полная, но приходилось соблюдать эти правила.

Насчёт кирпича и прочего, что необходимо для строительства, к моему удивлению, проблем не возникло. Не было сейчас повального бума строительства загородных домов. Отчего-то я помнил, как всё сложно было «достать» и строили дачи люди «уважаемые», имеющие какой-то блат в этой области.

Прожив достаточно долго в этом времени, я понял простые вещи. Народ стремился «достать» тот же кирпич на халяву, выискивая пути незаконного приобретения или хотя бы подешевле, чем по госцене. На каждом предприятии имелся отдел сбыта. Не то чтобы в него могли прийти все подряд, но и сложностей в покупке чего-либо через службу сбыта не было.

Илья съездил на кирпичный завод, оплатил в кассу, ему выписали накладную и оформили доставку грузовиком. На два домика мы взяли пятнадцать тысяч кирпича по цене 12 копеек за штуку. С учётом побочных расходов на грузчиков и прочее, обошлась эта покупка чуть меньше чем две тысячи рублей. Вполне разумная цена при нашей зарплате. Для обычного инженера это могло быть и дорого, но в моём семейной бюджете дыры не образовалось.

Строительство, конечно, дело непростое. Без личного контроля не обошлось. Но шабашников мы набрали из числа молодых студентов одного из строительных институтов. Две бригады подняли стены домишек за месяц. Могли бы и быстрее, но погода не всегда позволяла работать.

Покрыв крыши шифером и вставив окна, мы заморозили строительство до следующего года. Для выполнения отделочных работ и облагораживания домиков требовались не только рабочие руки, но и наличие материалов. А это дело хлопотное. Фанеру выписать и купить требовалось в одном месте, цемент в другом, закупить краску в третьем, обрезную доску — в четвёртом.

Проехался я в одну контору, чтобы приобрести брус. Решив ускорить процесс, продемонстрировал своё удостоверение комитетчика. Перепугал тамошний народ так, что мне категорично отказали в отделе снабжения, заверив, что сверхплановой продукции не имеют и продать не могут. Брус после купил Илья, но мы дружно решили, что с отделкой дач подождём.

Моя Сашка немного поворчала по поводу такого нерационального использования

средств, но я пояснил ей, что это вложение денег в будущее. Так сказать, приданое для Ромки.

На самом деле ситуация сейчас с жильём и дачами немного странная. Меня это всё не коснулось. Благодаря отцу проблем с квартирой я не имел. Мог бы потребовать и от комитета квартиру, но тогда пришлось бы выписываться из отцовской, чего мне не очень-то хотелось. Это жильё стоит гораздо больше, чем типовые квартирki в панельных домах. К тому же у меня ещё мастерская, которая только таковой называется, а на самом деле полноценная квартира.

У простых людей вопросов с квартирами было много. Очереди на получения большие, а на кооперативную не каждый имеет средства. В большинстве своём народ предпочитал получить бесплатно от государства, чем платить самим. Средняя двушка в кооперативе стоила пять-шесть тысяч рублей.

Продавались квартиры в рассрочку. Первый взнос составлял 30 %, а оставшуюся сумму выплачивали в последующие десять-пятнадцать лет. Знакомая такая схема ипотеки. Вот только в СССР проценты по кредиту не превышали 2 %. Для многих и это серьёзная цена. Хотя были и те, кто мог спокойно обменять квартиру на автомобиль. Машина в это время символ престижа и роскоши. И такое отношение к четырёхколёсному транспорту будет продолжаться ещё очень долго, пока внутренний рынок не насытится за счёт иномарок.

Один мой знакомый офицер (из прошлой жизни) рассказывал, как он вывез из Венгрии два автомобиля. Это был конец восьмидесятых. Советские войска покидали уже не совсем дружескую Венгрию. Поскольку вывозилось всё имущество воинской части, то для личного состава объём перевозимых вещей не ограничивали в объёмах и народ затаривался по полной. По каким-то схемам распродажи имущества военных мой знакомый приобрёл девятую модель жигулей и «Волгу».

Всех деталей той истории я уже не припомню, но знаю, что путь лежал через Минск. Там офицеру на полном серьёзе стали предлагать трёхкомнатную квартиру в обмен на «Волгу». Предположу, что и в других городах ушлые люди могли предложить подобную схему обмена. Офицер широким жестом отказался. Потому что это был 1990 год. Народ всё ещё верил в светлое будущее и в то, что государство обязано (!) обеспечить жильём военных. Зачем менять хороший автомобиль, когда квартиру и без этого дадут.

А потом начались 90-е годы. «Волга» того знакомого стала никому не нужна, как и сами офицеры РЦ с их семьями. Никакого жилья, кроме малосемейки, не получили. Приоритеты сменились, а дальше начался полный бардак в стране.

В начале восьмидесятых автомобили пока в большой цене. Нашу, вернее, отцовскую «Волгу» я продал, не задирая цену, Мишке. Он давно мечтал и приценивался. Зарплата у него с учётом каких-то публикаций превышала триста рублей в месяц. А расходов как таковых (после развода) у Михаила и не было. Обедал в столовой МГУ, ужинал на скорую руку дома тем, что попало. Иногда тётя Роза подкармливала сынка чем-то вкусным, но экономия в деньгах у него была такая, что стоило подумать о машине.

Отец на своей «Волге» уже давно не ездил. Здесь и возраст, и здоровье, и зрение сказались. Он и на даче стал редко бывать. Жаров умер в декабре 1981 года, без него в Валентиновке стало всё не так и не то. Так что продал отец автомобиль без сожаления.

Михаил же теперь рассекал на чёрной «Волге» как барин. Жениться больше не думал, ссылаясь на то, что на женщин много времени тратится и научной работой заниматься некогда. Какую-то «вдовушку» друг изредка посещал, но это для тела, а не для души. К нам

на дачу в Валентиновку Мишка, конечно, приезжал, но куда-то дальше на курорты один не ездит.

Вообще-то мы с Сашкой на море в последний раз были ещё до рождения Ромки. Маленького отставлять с тётшей или с моим отцом не хотелось. Это Илье хорошо. У него оба пацана уже большие. Он их прошлым летом по Золотому кольцу свозил. Поплевался, правда, по поводу той экскурсии и рекомендовал выбирать для путешествия регионы с более хорошим обеспечением.

— Лето, а у них ни овощей, ни фруктов. В столовой щи с прошлогодней квашеной капустой. И цвет такой, что сразу на помойку вылить хочется, — делилась впечатлениями Людмила. — В ресторан с детьми не пускали.

К тому же экскурсия только считалась, что по Золотому кольцу. Захватывала она Иваново, где туристов просвещали об истоках революционного движения Иваново-Вознесенских ткачей. Для взрослых относительно интересно, а детям совсем скучно.

Летом 1983 года Илья подбил наших жён и меня на экскурсию в Эстонию. Ромку, которому не было трёх лет, оставляли с моим отцом. Он с удовольствием возился с мелким, поясняя, что если не занимался мной маленьким, то на внуке наверстаёт. Родственники со стороны жены пытались отстоять своё право, но не имели столько свободного времени, да и жили далековато.

— Свозите Люду и Сашу посмотреть Прибалтику, — одобрил отец идею. — Сами вы мир повидали, а девочки, кроме дач и моря, нигде не были.

Экскурсия была автобусной и начиналась в Ленинграде, куда мы должны были добираться поездом. Илья после предыдущего туристического путешествия в плацкартном вагоне, зарёкся пользоваться подобным транспортом и предложил лететь на самолёте в Ленинград и дальше уже вместе с группой. Цена вопроса всего восемнадцать рублей на человека. При наших зарплатах — сущие копейки.

Как нарочно, за неделю до отпуска позвонил один мой осведомитель из Грузии. Этим источником информации я дорожил. Тимур в столице бывал нечасто, но его донесения представляли интерес для будущих событий в этой республике. Отказаться от встречи или перенести не получалось. У Тимура короткая командировка и он не мог ждать меня неделю в Москве.

— Илья, всё нормально. У вас первая ночёвка в Нарве. Обменяю билет и встретимся уже в Таллине. Не такая большая проблема.

— Мы прибудем четвёртого, а ты прилетишь пятого в Таллин, — согласился Илья с таким планом и довёл до жён некоторые изменения в экскурсионном маршруте, касающиеся меня.

Сашка понимающе покивала, мол, такая работа, что не всегда можно своим временем располагать. На основные экскурсии я успею. Да и женщин не столько исторические памятники столицы Эстонии интересовали, как тамошние магазины.

— Мама просила лифчиков и колготок купить, — строила планы Сашка. — Я себе туфли и сумочку хочу посмотреть.

Вообще-то, когда я увидел тот список от тётши из двенадцати бюстгальтеров разных размеров, то быстро это дело пресёк.

— С ума сошла?! — возмутился я. — Это не в подарок, а спекуляция натуральная. Себе можешь покупать сколько хочешь. Матери привезёшь два согласно её размерам.

Илья, услышав от меня историю с заказами на нижнее бельё, на всякий случай

предупредил и свою Людмилу. Чувствую, наши дамы начнут закупаться во всех городах, начиная с Ленинграда. Это же старинная женская забава под названием шопинг. А уж если муж в деньгах не ограничил, то он же и надорвётся, таская чемоданы.

В общем, проводил я наших в аэропорт, а сам отправился на встречу с Тимуром. Одежду выбрал демократичную, никаких новомодных джинсов и рубашек поло. И уж тем более не строгий костюм, в котором на работу ходил. В гардеробе у меня имелась одежда на все случаи жизни и разные ситуации. К встрече с Тимуром я нацепил потёртые вельветки, футболку с принтом московской олимпиады. С такой же эмблемой была сумка, перекинутая через плечо. Добавил кепочку на голову и старые кеды на ноги. В метро я не выделялся среди рабочей молодёжи и выглядел среднестатистическим парнем.

Тимур ждал меня в пельменной, решив совместить приятное с полезным. Свёрнутые в трубочку документы я сразу убрал в сумку и занялся пельменями. Чего-то важного на словах мой осведомитель не планировал говорить. Несколько незначащих фраз дополнили то, что было отпечатано на бумаге. И собственно, задерживаться в пельменной дольше чем нужно не требовалось.

Вышел я из неё один и на всякий случай посмотрел по сторонам, стараясь замаскировать это дело под процесс завязывания шнурка на кедах. Не думаю, что за мной кто-то следил или имел планы на осведомителя, но привычка вторая натура. Убедившись, что никому до меня нет дела, я уже собирался двинуться в сторону метро, когда меня кто-то окликнул по имени:

— Увахин!

Не сразу я сообразил, что это обращается дама, сидевшая до этого в салоне жигулей.

— Увахин, ты ли это? — выбралась женщина из припаркованного автомобиля.

— Э... Скворцова? — наконец узнал я дамочку. — Шикарно выглядишь. — польстил я ей.

— Ты тоже неплохо, — окинула она меня брезгливым взглядом. — А говорили, что спился, художества забросил.

— Да ну? — сильно удивился я подобным сведениям. — Сама-то как?

— У меня всё отлично. По образованию я юрист, но сейчас мне у мужа работу референта-делопроизводителя предложили.

— И где же? — вежливо спросил я, не особо интересуясь ответом, поскольку ни сама Скворцова, ни её муж меня не волновали.

— На Лубянке, — снова окатила меня снисходительным взглядом бывшая одноклассница. — Мда... Жизнь идёт, всё меняется. Кто-то достигает вершин, кто-то опускается. Но по тебе не сказать, что алкоголик. Лечился?

— Я?! — разом растерял способность к адекватной речи и поправил кепочку на голове. Настолько удивился и поразился, что оказался не в состоянии связать пару слов. Со Скворцовой мы не виделись с тех времён, как закончили школу. Какие-то встречи выпускников случались в феврале каждого года. Мишка парочку таких посетил, поведал новости об одноклассниках. А после и ему это стало неинтересно. Из добытых сведений я знал, что Скворцова быстро выскочила замуж, но в институте доучилась. Где жила и что делал всё это время, неизвестно.

— Родители как у тебя, живы? — продолжала наседавать Ленка. — Мы бы с мужем у вас квартиру обменяли с доплатой.

— Отец меняться не планирует, — ещё больше озадачился я.

— Мужа из Ростова перевели, он майор КГБ, — прихвастнула Скворцова. — Если будут проблемы, обращайся, помогу, — завершила она свою речь и, вырвав из блокнота листок, быстро написала номер телефона.

Дальше интерес ко мне был потерян, и Ленка вернулась в машину. А я весь такой в непонятках побрёл в сторону метро. Так-то ясно, что бывшую одноклассницу привлекла четырёхкомнатная квартира на проспекте Мира. Но какова нахалка! Сразу решила, что я алкаш и можно отжать жилплощадь с небольшой доплатой. Сколько лет прошло, а Ленка ничуть не изменилась.

Звонить ей я не собирался, но листок с номером сохранил. Что там за муж такой комитетчик? И как он Ленку сумел пристроить на Лубянку? По негласному правилу близкие родственники не могут работать вместе. С другой стороны, тот неведомый майор мог договориться о супруге в другом отделе. Эх, жаль, не спросил я новую фамилию Скворцовой! И всё равно звонить не буду. Да и когда мне? С утра на самолёт, а там уже отпуск и интересные путешествия.

Сейчас из столицы в Таллин имеется прямой авиарейс (и не один). На ТУ-134 комфорт был неплохой. Не сравнить, конечно, с самолётами будущего, но не так уж и плохо. И стюардессы сейчас поголовно красавицы. С удовольствием я полюбовался фигурками девушек, пока они раздавали конфеты «Взлётные». Хорошо, что без жены. Можно без зазрения совести разглядывать стройные ножки. Сейчас на все авиарейсы отбор стюардесс чуть ли не как на конкурс красоты. Особенно на зарубежные. Там ещё и знание иностранного языка требовалось. Но отбирали, ориентируясь больше на внешние данные.

Сидящая справа от меня женщина с девочкой громким шёпотом стала давать указания.

— Тётя подаст тарелку, ты много не бери. Одну-две конфеты и вежливо поблагодари.

Девчушка в точности выполнила распоряжения мамы. Но проводила взглядом поднос, полный конфет, с большим сожалением.

Изначально у меня было место «у окошка». Оценив своих соседок, сам предложил поменяться. Я всегда предпочитаю место у прохода. Манёвренности больше. Не нужно извиняться и просить пройти, если понадобится в туалет. Да и обзор с этого места всегда лучше. А ножки стюардесс очень уж приятные глазу.

Кстати, одни ножки что-то немного засуетились. Одна из девушек встала в начале ряда кресел, с беспокойством оглядывая пассажиров. Нет-нет да скашивая взгляд на кого-то, сидящего через проход на три ряда впереди меня. Вторая бортпроводница спешно скрылась в кабине пилотов.

И почему мне это всё не нравится? Статистику по угонам самолётов мы ведём, и даже выдвижной ящик с этими событиями не успевает покрыться пылью. В этом году уже были две попытки угнать самолёты. Неужели и мне «повезло» или я сам накручиваю и воображаю то, чего нет?

Из кабины пилота вышел штурман и, подойдя к тем пассажирам, на которых косилась стюардесса, что-то стал тихо пояснять. Судя по лицу штурмана, он не договорился. Мужчина, сидящий у прохода, повысил голос и предпринял попытку встать.

— Сидите, капитан сейчас подойдёт, — донёсся до меня голос члена экипажа.

Ну точно! Нас угоняют. Бли-и-ин... как мне так подфартило-то! Пусть я и комитетчик, но не спецназовец и не герой-самоубийца. А разруливать ситуацию как-то нужно. Резко поднявшись, я в две секунды оказался рядом с тем креслом.

— Я врач, кому-то стало плохо? Сердечник? — с умной мордой заявил я, разглядывая,

что там такое происходит.

— Товарищ пассажир, вернитесь на место, — кинулась ко мне одна из бортпроводниц.

— Я врач... — повторил и нехотя вернулся на своё место.

Всё, что нужно, я увидел. Пистолетов и какого-то другого оружия у парней не было. Два молодых человека не старше двадцати лет держали на коленях некий предмет — свёрток, из которого торчали провода. Явно какое-то самодельное взрывное устройство.

Не так-то и плохо по ситуации в целом. Одно дело пистолеты, из которых в случае опасности могут пальнуть, и совсем другое — бомба. Как аналитик, я знаю, что реальных самоубийц среди тех, кто решился на угон самолёта, нет. Эти люди стремятся покинуть СССР, а не сдохнуть в воздухе. Потому большинство угроз взорвать самолёт так и остаются угрозами.

Другой вопрос, почему на досмотре не проверили. У меня с собой была сумка и в неё заглянул работник аэропорта. Пусть это было больше формальное действие, но увидеть подозрительный предмет, напоминающий бомбу, сотрудник мог. Скорее всего, парни прятали детали устройства на теле или в карманах лёгких курток и собрали взрывной механизм уже после того, как стюардессы разнесли конфеты.

Мысленно я вернулся к тем папкам, которые были собраны у нас в отделе. И снова успокоил себя мыслью, что если нет огнестрельного оружия, то всё не так плохо.

Вообще-то достать пистолет обычному человеку в это время невероятно сложно. Террористам такого рода проще использовать обрезы охотничьих ружей. Их пронести довольно просто под плащом или пальто. Но не в жарком июле месяце. А я ведь писал справку и рекомендации по усилению контроля в аэропортах. Что-то менялось в правилах прохождения проверки пассажиров, но несильно.

В шестидесятых годах угонщики умудрялись угрожать ножами. Это позже стали добывать огнестрел. Самым известным и кровавым был захват Ан-24, летевшего рейсом Батуми — Сухуми — Краснодар. Погибла стюардесса Надежда Курченко, ранены командир экипажа, штурман, бортмеханик. Угонщики выстрелили двадцать четыре раза. Это был первый и самый нашумевший случай, связанный со смертью члена экипажа.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и самоотверженность при спасении людей на воздушном судне бортпроводнице Надежде Курченко была посмертно присвоена награда — орден боевого Красного Знамени.

У меня по отношению к этому событию было неоднозначное мнение, поскольку считал, что экипаж не был подготовлен и не знал, как себя вести во время угона самолёта. Особо проявила себя двадцатилетняя Надежда. Ей дали записку и попросили спокойно отнести командиру. И что она сделала? С воплями «Нападение!» помчалась в кабину экипажа, чем и распалила террористов.

А между прочим, простые правила поведения бортпроводников в нестандартных ситуациях изучали и в далёком 70-м году. Случись пожар или другая неординарная ситуация, стюардесса всегда должна быть спокойной и не демонстрировать панику пассажирам. Могла же Надежда Курченко с милой улыбкой дойти до кабины, отдать записку и ждать. Пусть меня кто осудит, но я считаю, что Курченко оказалась клинической душой. Сама криками спровоцировала стрельбу, сама себя подставила, загоразивая пилотов. Пассажирам конкретно повезло, что не убили всех членов экипажа и случайный выстрел не попал в иллюминатор.

Позже Надежде Курченко поставили памятник, сняли фильм, группа «Цветы»

исполняла сентиментальную песню «Звёздочка моя ласковая», якобы посвящённую погибшей стюардессе. Замять громкое дело у комитетчиков не получилось. По этой причине решили сделать из девушки героиню. Страна радостно подхватила идею. Пионерские отряды носили имя Надежды Курченко, её сомнительный подвиг ставился в пример. Хорошо, что позже стюардесс стали натаскивать на нестандартные ситуации.

Те террористы имели неплохое вооружение: пистолеты, охотничье ружьё и ещё у одного висела на груди граната.

Глядя на тех, кто угрожал нам, я совсем успокоился. Своей бомбой они могут только пугать, сами же не представляют опасности для сидящих рядом людей.

— Командир экипажа приносит свои извинения за вынужденную задержку в связи с дозаправкой самолёта, — неожиданно сообщили по громкой связи, и я окончательно повеселел.

Ура! Если договорились о дозаправке на территории СССР, то наши службисты не пропустят самолёт дальше.

Оставалась, конечно, опасность того, что взрывное устройство сработает от каких-то действий угонщиков. Когда человек в отчаянии, он может совершить неразумные поступки. Были такие прецеденты. Но сейчас главное, чтобы мы сели. Мысленно я возмущался системе оповещения населения. Мы же типа гуманное государство. Не кричим на каждом углу, что после майских событий этого года принято решение при приближении к государственной границе угнанные самолёты сбивать силами ВВС.

Террористы с бомбой на коленях не в курсе того, что они уже смертники. Впрочем, как и все, кто находится сейчас в салоне.

— Мама а у нашего самолёта бензина не хватило? — тем временем поинтересовалась маленькая соседка.

— Керосина, — поправила её женщина.

— Мы не упадём? — волнения в голосе девочки прибавилось.

— Не упадём, зальём керосин и полетим дальше.

— А почему сразу мало было?

Пассажиры на эту тему тоже переговаривались, тихо возмущаясь. Информация об угонщиках по салону не пошла. Молодцы, девчонки-стюардессы. Чётко сработали. Те, кто понял и услышал, что случилось (сидящие рядом с креслами террористов), были отведены в хвост салона и им запретили разносить информацию. Из пассажиров вообще мало кто обратил внимание на перестановки. К тому же многие услышали мою фразу о сердечном приступе и решили, что действительно кому-то стало плохо. Не зря же командир экипажа выходил в салон.

— В Ленинграде приземлимся, — оценил сидящий позади меня мужчина то, что стало видно на земле.

Насчёт Ленинграда у меня имелись сомнения. Куда нас могли посадить? Скорее всего на военный аэродром. Угонщики парни молодые, им сказали, а они и поверили, что горючего не хватит. Уж от Таллина до Хельсинки самолёт долетел бы. Да и заправиться мог там же, в Таллине. А у меня проблемы возникли. Отстану от экскурсионной группы. Где их догонять буду?

— Уважаемые пассажиры, приведите спинки кресел в вертикальное положение... — тем временем обратилась к пассажирам стюардесса.

— На Выборг похоже, — снова сориентировал сидящий позади мужчина.

Минут через десять самолёт понёсся по бетонному покрытию. Не такому гладкому, как в Пулково, нас конкретно подкидывало на ухабах.

— На время дозаправки самолёта просьба всех покинуть свои места, — озвучил командир приказ-просьбу.

— Да что за безобразие! — начал кто-то возмущаться. — Вы ответите за опоздание. Я жалобу напишу!

— Не нужно брать ручную кладь, вы скоро вернётесь, — останавливали пассажиров стюардессы.

— Я только кофточку дочери возьму, — попросила моя попутчица.

— Почему задержка, почему мы не в аэропорту?! — продолжал возмущаться народ, углядев вместо комфортабельного трапа какую-то этажерку со ступенями.

Повезло, что хоть это успели подогнать.

Стоящий неподалёку одинокий заправщик своим видом намекал, что никого больше поблизости нет и условия террористов выполняются. Пустой автобус, куда должны загрузить пассажиров, также выглядел безобидно. Разве что один парень в комбинезоне техника, следивший, как люди спускаются, привлекал внимание. Одна из стюардесс встречала пассажиров внизу, вторая следила, чтобы не задерживались в салоне. Видимо, угонщикам этот обслуживающий персонал не требовался. Зато экипаж в полном составе остался в кабине.

Отделившись от основной массы пассажиров я подошёл к тому парню в комбинезоне.

— Майор КГБ, — представился я. — Взрывное устройство самодельное. Кнопки активации не видно, но лучше не рисковать и стрелять на поражение издали.

— Пройдите вместе с пассажирами в автобус, — кивнул парень на мои слова. — Не нужно лишних людей на поле.

— Я могу вернуться и выстрелить, меня угонщики видели и знают, подозрений я не вызову.

— Не стоит рисковать. За информацию спасибо, но уровень вашей стрелковой подготовки мне неизвестен. У нас нет права на ошибку, — отказался парень принимать мою помощь.

С этим пришлось согласиться. Действительно, не стоит нервировать угонщиков. Они должны увидеть в окно, что автобус уехал, остался заправщик и минимум персонала к нему. Да и стрелял я в тире нечасто. Так-то поддерживал навыки и ежегодные нормативы сдавал, но с профессионалами мне не тягаться.

Пассажиры тем временем продолжали галдеть, возмущаясь незапланированным приземлением.

— Девушка, как имя и фамилия вашего командира? — пристал к той стюардессе, чьи ножки мне больше всего приглянулись, пузатый мужик с портфелем.

А ведь просили же ручную кладь не брать с собой. Этот успел прихватить и намеревался написать имена экипажа и уж точно не для благодарности.

— Чёрт-те что!

— Что случилось...

— Полетим, когда дозаправят...

— Бортпроводницы, где бы попить...

— Пропустите ребёнка в туалет... — галдели на разные голоса пассажиры.

— Врач, — подобрался ко мне ближе мужчина, судя по голосу, тот, что сидел позади меня, — что там на самом деле произошло?

— Задайте вопрос более компетентным людям.

— Ох! Смотрите, кто-то всё же умер, на носилках выносят! — сумела разглядеть на таком расстоянии то, что происходило возле самолёта, одна из женщин.

Народ дружно придвинулся к окнам. К тому времени техники возле самолёта прибавилось. Увидеть что-то более подробно не представлялось возможным и все строили

самые невероятные версии. Тут ещё и военные заполонили импровизированный зал ожидания.

— Приготовьте паспорта! — объявил мужчина в форме капитана.

И снова гул возмущённых голосов.

— Чем быстрее перепишем, тем быстрее полетите дальше, — пообещал капитан.

— Воды, ироды, дайте! — возмущалась одна дама.

— Где наши вещи?! Почему не разрешили взять ручную кладь?

Кстати, это распоряжение половина пассажиров выполнила, оставив вместе со своими сумками и документы в салоне самолёта. И теперь военным приходилось записывать имена без документального подтверждения. Предполагаю, что в Таллине нас ждёт продолжение этой переписки. Наверняка с каждым и следователи побеседовать захотят.

Охо-хо-хо... пролетел я с экскурсией. Чтоб этих террористов на том свете черти жарили! В том, что они уже у чертей, я ничуть не сомневался. Пассажиров из салона удалили, проникнуть на борт через люки, а не через двери, для спецслужб не проблема. Дальше снайперский выстрел и нет никаких террористов и их бомбы.

Перепись с адресами и телефонами пассажиров затянулась. Самые борзые и возмущающиеся невольно притихли, сообразив, что эти действия ничуть не похожи на обычную дозаправку самолёта. К тому же те четверо, которых отсадили стюардессы, держать в себе секрет не стали, и вскоре слово «бомба» послышалось между беседующими.

Военные, нужно отдать им должное, нас напоили и, можно сказать, накормили. Чай был горячий, сладкий, хотя принесённые к нему коржики не выдерживали критики, но голодный народ их погрыз. Я же удовлетворился стаканом чая, от которого конкретно несло хлоркой. Но сейчас не до капризов.

В общей сложности просидели мы на военном аэродроме четыре часа и после нам сообщили, что можно продолжать полёт.

Бледные стюардессы первыми поднялись на борт, чтобы принимать пассажиров. Шесть кресел были обмотаны изолентой, а место, где сидели угонщики, ещё и прикрыто простынёй. Какие-то улики сохранили, что ли? Почему нас не отправили другим бортом, я так и не понял. Не думаю, что причина была в нежелании возиться с багажом людей. Скорее всего подходящего самолёта быстро не наши, а народ в любом случае нужно отправлять в Таллинн.

В аэропорту Таллина нас загнали в самый дальний угол. И снова предупредили, что всех будут проверять и сверять с паспортами. Личные вещи можно взять с собой, а чемоданы и всё крупногабаритное получим после досмотра.

Ни для кого уже не было секретом, что на борту находилось взрывное устройство. По этой причине возмущавшихся уже не было. Последние два часа я пытался вспомнить поведение угонщиков в столичном аэропорту. Увы, но я их даже не видел до того, как мы разместились в салоне. После они также не привлекали к себе внимание. Простые парни в обычной одежде. Мимо таких пройдёшь и не заметишь. Чего их за границу понесло?

Конечно, я понимал, что для многих советских граждан, желающих покинуть страну, это единственный выход. Попыток вырваться на запад до развала СССР будет много.

Больше всего меня удивляло, как продолжали угонять самолёты в двухтысячные. Казалось бы, купи себе билет и лети. Но нет, им самолёт целиком подавай! Поговаривали, что большинство тех угонщиков страдало расстройством психики или были откровенными шизофрениками, вообразившими себе невесть что. Пока же самолёты угоняют или

предпринимают таковые попытки вполне адекватные люди, желающие всего лишь сменить страну проживания.

Как я и предполагал, в аэропорту Таллина застряли мы надолго. С каждого снимались показания: что видел, что слышал, что делал, где сидел в салоне по отношению к угонщикам и так далее.

Со мной беседовали дольше по той причине, что я сам подходил, оценивал, к тому же майор КГБ. Высказал свои сомнения в наличии кнопки быстрого приведения устройства к взрыву и выяснил, что бомбы как таковой не было. Имелся муляж, набор проводов, некая масса из пластилина, наклепленная вокруг пенопласта.

Теперь стало понятно, как пронесли на борт эту «бомбу». Служащие аэропорта отправления действительно не заметили ничего подозрительного. По карманам у угонщиков не шарили, а сканирующих рамок сейчас не существует.

Волей-неволей мне пришлось принимать активное участие в восстановлении картины происшествия и плотно общаться с эстонскими коллегами. Закончили печатать документы мы уже ближе к рассвету. Куда-то ехать и искать гостиницу смысла не было. Мне предложили отдохнуть в помещении для лётных экипажей.

Поспать я себе дал до восьми утра. Ещё полчаса ушло на завтрак. Горячий кофе взбудрил, а поплескавшись под краном в туалете, я совсем пришёл в себя и на такси отправился догонять экскурсию.

Не догнал. Группа с утра пораньше выехала в Пярну. Дальше по дням я маршрут экскурсии не помнил. Илья занимался путёвками, а мне вникать особой необходимости не было. Теперь же я оказался в подвешенном состоянии. Командированного предписания не имел, прилетел я как обычный турист. Чтобы в разгар летнего сезона купить билеты что на поезд, что на самолёт, одного удостоверения КГБ будет недостаточно. Ещё лет пять назад хватило бы улыбки кассирше и моего документа, чтобы нашлась «бронь». А в последние годы дефицит охватил страну во многих областях. Тут ещё и Андропов гайки закрутил.

В общем, пришлось мне ехать на улицу Пагари в следственный отдел КГБ. Проторчал у них до обеда. Зато нужную фитюльку получил и уже с ней поехал снова в аэропорт.

В Москву вернулся злой как собака. Чёртовы террористы испортили отпуск! Надеюсь, что Сашка волноваться не будет. Илья сразу поймёт, что произошло нечто незапланированное, успокоит женщин и сам присмотрит. Мне же пришлось возвращаться на работу и заниматься бумажными делами. Теперь уже следователи с Лубянки забрасывали вопросами и заполняли протоколы.

Ладно следователи задолбали, мне Владимир Петрович не поверил! Он отчего-то решил, что я был в курсе будущего угона и типа как герой одиночка специально сел на этот рейс, чтобы предотвратить угрозу. Доказывать обратное смысла не было. Я изобразил задумчивое выражение лица и от комментариев воздержался. Если дяде Вове так интересно, то пусть почитает отчёты.

До возвращения Сашки с экскурсии, я провёл время с Ромкой и отцом в Валентиновке. В семье у нас поголовные блондины. Ромка смотрелся маленьким одуванчиком. Белобрысый, как я в детстве, а симпатичной мордахой он в бабушку, которая Катерина, пошёл. Местные соседки только и умилялись, глядя на Ромку, заверяя, что он вылитый папа. Я много рисовал. Сынишка пытался подражать и радовался тому, что я давал ему свои краски, кисти и альбомы.

Позже встретил своих туристов в аэропорту и кратко поведал о своих приключениях.

— Ничего, съездим ещё в Прибалтику, — подбодрила жена. — Там прямо как за границей!

У Ильи впечатление о посещении Эстонии оказалось немного другим. Национализм уже выползает из всех углов. Случайные прохожие на улицах могли сделать вид, что не поняли твоего вопроса, продавцы и обслуживающий персонал задирали носы и свысока смотрели на русских.

— Ты и сам должен был читать документы о стычках между студентами университета в Тарту. Прямо средневековые какое-то — «стенка на стенку», — делился Илья.

— Дальше всё станет хуже. Главное, наши дамы остались довольны поездкой.

— И носильщик у них был один, — ненавязчиво попенял мне Илья, намекая на то, что всё купленное Сашкой барахло пришлось ему тащить.

Кроме тряпичного и вязаного, женщины закупились кондитерской продукцией и ликёрами. Сашка приобрела аж пять бутылок знаменитого ликёра Kännu Kukk («Петух на пне»). Заодно и рижских шпрот купила с десяток банок, жалуясь, что покупать пришлось в нескольких местах. В одном магазине помногу не отпускали.

— А бутылку из-под ликёра, после того как выпьем, можно водкой залить, — поясняла она. — Те кристаллики, что на дне, не растворятся.

Отец тоже проявил «знание предмета» и пояснил, что Kännu Kukk пьют охлаждённым. В общем, моя женщина довольна, счастлива, а глобальные вопросы страны и национальные проблемы её не должны волновать. Пока. Пусть поживёт ещё в счастливом неведении.

Северный Кавказ — это вообще одна большая пороховая бочка, которая вот-вот рванёт. Ислам через Афганистан пытается влиять на республики Средней Азии. В Узбекистане подорвал авторитет власти Рашидов со своим хлопком. Там уже с подачи Андропова началось расследование всех тех перегибов и коррупции.

Это в Азербайджане первый секретарь ЦК компартии категорически отказался участвовать в той хлопковой гонке. Хлопок, конечно, сажали и убирали, но основной бюджет республики формировался за счёт нефти. Между азербайджанцами и армянами мелкие стычки никогда не прекращались. И пока это не столь глобально и трагично.

Скоро всё изменится. Оборвутся экономические связи между республиками, создадут новые и не всегда мирным путём. Большинство республик скатится в полную нищету и не скоро выберутся из неё. Одна из самых закрытых стран двадцать первого века Туркмения будет иметь колоссальный доход за счёт продажи газа России и Китаю, но это никак не отразится на уровне жизни большинства населения.

Страна, владеющая третьими по размеру подтверждёнными запасами газа в мире, практически ничего не будет давать своему народу. Нищета и бесправие. Зато для поддержания культа личности правителя будет много чего возведено. Доводилось мне в прошлой жизни побывать в Ашхабаде в середине 80-х, и не раз. Впечатления безрадостные. Какая-то «цивилизация» наблюдалась только в центре и вдоль проспекта Свободы.

Если сравнить Ташкент и Ашхабад 80-х годов, то это небо и земля. В 1966 году в Ташкенте произошло одно из крупнейших землетрясений в этом регионе. Разрушена была практически вся центральная часть города. К слову, землетрясение 1948 года в Ашхабаде было сильнее, но в послевоенные годы страна не могла выделить достаточно средств для устранения последствий. Ташкент же восстанавливали всей страной. Комсомольцы-добровольцы всего за три года отстроили столицу практически заново. На месте старых одноэтажных глинобитных домов возвели современные многоэтажки, построенные по

антисейсмической технологии. И вообще город изумлял обилием зелени и фонтанов.

В прошлой реальности я прожил в Ташкенте пять лет. Матушка, когда навестила меня, была сильно поражена тем, что увидела.

— Ташкент такой чистый город! — заявила она.

На самом деле я всего лишь провёл её по проспекту Луначарского, далее вокруг штаба ТуркВО. Район, населённый семьями военных, в те годы выглядел действительно чистым и ухоженным. Но и сам Ташкент совсем не напоминал пыльный Ашхабад — столицу самой бедной республики СССР.

Во времена правления Ниязова в Ашхабаде возведут религиозные и культовые сооружения. Проспект Свободы переименуют, а арки вдоль него покроют мрамором. Показная псевдороскошь на фоне нищеты основной массы народа.

По национальному вопросу мы с Ильёй завели для себя тайную картотеку, куда вносили имена и события. Вообще я рекомендовал собирать досье на тех людей, кто проявит себя в будущем, уже сейчас. Лишний компромат никогда не помешает. Тимур, с которым я встречался до поездки в Эстонию, привёз немного материалов по Шеварднадзе. Станет ли он в этой реальности министром иностранных дел, большой вопрос.

В настоящий момент Шеварднадзе активно поддерживает националистические выступления в Грузии. Одно то, что он сумел настоять на том, чтобы в проекте новой конституции республики грузинский язык указали в качестве государственного, говорит само за себя.

Скоро поднимут голову народности, считающие себя репрессированными советской властью — ингуши, чеченцы, крымские татары, балкарцы. Выступят с требованиями о выходе из состава республик Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия и прочие. С аналогичными требованиями о независимости заявят не только области, но и целые республики.

Я был уверен, что этого процесса не избежать. Во времена гласности Горбачёва просто быстрее вскрылись эти нарывы, которые зрели годами. Согласно новой Конституции, союзные республики имели право на выход из СССР. Но вот какая задача, законодательной процедуры этого выхода не предусматривалось. Типа хотеть-то вы можете, но сделать ничего не получится. Национальная элита мечтает прорваться к кормушке. А все эти вопросы о национальном языке и независимости — всего лишь прикрытие.

Ни я, ни Илья иллюзий по поводу будущих событий не питали. Изменится руководство страны, но внутренние «болезни» страны никуда не денутся. Рассказывали, что причиной кровавых Ферганских событий 1989 года послужил пустячный повод, когда турок-месхетинец захотел купить на рынке клубнику и возмутился дороговизной ягод, обвинив продавщицу-узбечку. Вначале за женщину вступился родственник. Потом все узбеки на базаре. Турки поддержали своего и дело дошло до поножовщины. Дальше события покатались словно снежный ком. Бывшие соседи припомнили друг другу все выдуманные обиды.

В сталинские времена турков-месхетинцев депортировали из Грузии. Что примечательно, Грузия месхетинских турков своими не считала. Оно и понятно: грузины православные, а турки мусульмане. Тем не менее, русские, узбеки, месхетинские турки довольно долгое время жили на одной территории мирно и без конфликтов. Так получилось, что во время тех событий я находился в Узбекистане и слышал много версий причин резни. Обвиняли Запад, советские спецслужбы, религиозных фанатиков и так далее.

Моё мнение — «обида» накапливалась по мелочам и не одно десятилетие, а с ослаблением власти Москвы сошла словно лавина. Ташкент 1987 года — цветущая столица с показным или реальным благополучием населения. Радужные жители, приветливые продавцы на рынках, горы дынь прямо на улице, которые можно было купить поздним вечером по цене десять-двадцать копеек за огромную такую «торпеду».

Этот же город в 1992 году разительно отличался. Вроде бы те же соседи, продавцы в магазинах (разом позабывшие русский язык), но отношение к тебе совершенно другое.

И так по всем без исключения регионам страны. Союз Советских республик уже начал трещать по швам. Развал СССР неизбежен и мне его не остановить даже в новой реальности имея багаж знаний по событиям будущего.

Сашка порывалась вернуться с начала учебного года на работу. Мы с отцом деликатно стали выспрашивать, для чего ей это нужно? Денег хватает. Моя зарплата, у отца серьёзная пенсия, в доме полный достаток, автомобиль, две дачи. Хочется нести светлое и вечное? Так для этого Ромка имеется. Мало одного дитёнка, можно второго сообразить.

Тунеядство в СССР было наказуемо, но женщины, воспитывающие маленьких детей под эту категорию не попадали. Другой вопрос, что таких семей, где женщина могла себе позволить сидеть дома, было не так много. Сашка подумала-подумала и согласилась со всеми доводами. Особенно когда отец заявил, что наймёт домработницу, раз уж у Саши не будет свободного времени для семьи. И чего она вообще рвалась на работу? Я бы с удовольствием дома побыл, а пришлось идти на службу. Отпуск мой был прерван на неделю из-за известных событий с угоном самолёта, но после я догулял те дни (под лёгкое ворчание генерала у нас на даче).

Илья вышел на работу раньше меня. После пожаловался, что зам в его отсутствие наворотил дел, а ему разгрести. Одно время друг предлагал мне занять эту должность, но я отбрыкался. Мне аналитику писать нужно, а не важные документы с места на место перекладывать.

В управлении тем временем случились некие преобразования. Поговорка о том, что новая метла по-новому метёт, в очередной раз подтвердила себя. Пришедший на замену Федорчука председатель КГБ СССР Виктор Михайлович Чебриков устроил перетасовку кадров. У нас появились свободные вакансии. Чебриков, безусловно, был человеком Андропова и полностью поддерживал его политику. Штат комитета незначительно увеличился. По деятельности Виктора Михайловича в этот период я мало чего помнил, но неожиданно в памяти всплыло, что этот человек работал руководителем личной охраны Иосифа Кобзона.

— Хренасе? — не понял Илья. Мол, где там какой-то певец Кобзон и где грозный глава КГБ СССР?

— Так это он после отставки пойдёт в охрану, — пояснил я. — Да и Кобзон к тому времени был депутатом Государственной думы.

— Нужно присмотреться к Кобзону. Ты чего раньше не говорил, как он высоко взлетит?

— Что припомнил, то и сообщил, — фыркнул в ответ.

У личного состава новый председатель КГБ отторжения не вызывал. Очень уж своим поведением он напоминал Андропова. И за своих, комитетских, стоял горой. Штат расширил. Даже нам в отдел добавили должность референта.

— Будет у тебя теперь в подчинении дамочка, чтобы ты не тратил время на перепечатывание черновиков, — пояснял Илья. — Лямина Елена Анатольевна. Тридцать один год, замужем, детей нет. Муж из наших, в 5-м управлении служит. Само собой разумеется, что совсекретные документы только сам пишешь и печатаешь. Она к ним не будет допущена.

— У неё же наверняка допуск второй категории, а не первой, — сообразил я. — Она мне вообще без надобности.

— Парням перекинешь помощницу, — отмахнулся Илья.

— А то они без этого сильно были загружены, — поворчал я для проформы и

отправился в отдел, где неожиданно столкнулся в дверях с Ленкой Скворцовой.

— О-па! — сложил я разом все фрагменты мозаики. — Елена, так ты у нас теперь Лямина?

— Э... — в свою очередь опешила Скворцова. — Увахин, Сашка? Ты чего здесь?

— Александр Дмитриевич Петров, твой непосредственный начальник, — представился я и добавил: — Майор госбезопасности.

Нужно отдать должное Скворцовой, вернее, Ляминой, смуцалась она всего пару секунд. Быстро взяла себя в руки, что-то там в голове сочинила и повеселела. Я же повёл нового сотрудника представлять родному коллективу. По пути кратко сообщил круг её обязанностей.

— Мы с парнями скидываемся по понедельникам на печенье, чай и сахар. Раньше у нас был дежурный, а теперь ты будешь обеспечивать чаепития. Кроме того, выполнять все поручения младшего состава и следить за порядком в тех помещениях, куда имеешь допуск.

По мере того как я ставил задачи, бывшая одноклассница всё больше мрачнела. И это она ещё не поняла, что долго со мной в отделе не проработает. Люди не меняются. Не верю я, что из Скворцовой получится добросовестный и исполнительный референт. Она и в школе покомандовать любила, а уж с мужем-комитетчиком за спиной наверняка решила, что значит в нашей структуре больше, чем обычная секретарша.

Илье я своё «фе» высказал прямо в кабинете, ничуть не опасаясь прослушки. Если кто и слушает, то пусть знает, что Елену Лямину я не привечаю и буду всячески контролировать.

Совсем-то душой Ленка не была. Даже спрашивать, отчего я Петров, а не Увахин, не стала. Границы субординации я обозначил сразу, показав бывшей однокласснице, что наше прошлое знакомство ничего не значит. Безусловно, Скворцова прошла не одну проверку. В нашу систему просто так, с улицы, не придёшь. Однако мои личные антипатии никуда не делись.

Какого-то подвоха с её стороны ждал и был начеку. Теперь приходил на работу как в логово шпионов. Парням сразу довёл информацию, что новому референту они могут доверить распечатывать сводки по понедельникам и пятницам. Никуда, кроме кабинета референта, доступа для Елены не было.

Предполагаю, что скуки ради или из свойств характера Ленка уже через две недели начала крутить вокруг меня хороводы.

— Сашка, ты всегда был красавчиком, а с возрастом стал только лучше, — с мурлыкающими нотками в голосе рассказывала она.

Я, в свою очередь, еле сдерживался, чтобы не ответить, что на Скворцовой прошедшие годы сказались не в лучшую сторону. Задница стала тяжеловатой, на животе заметное жировое отложение. Пока-то Ленка фигурой привлекает внимание многих мужчин, но стоит ей родить или дальше не ограничивать себя в еде, и она станет «бабой» не в лучшем качестве этого слова.

По неведомой мне причине Лямина-Скворцова считала себя неотразимой красавицей и продолжала осаждать меня. В начале я отмалчивался. Compliments и незавуалированные намёки продолжались. Пришлось напомнить, что я женат. Скворцова словно не слышала моих слов и продолжила оболъщение. Мы же ещё и чай в комнате отдыха пили всем отделом. Эта «звезда» блистала в мужском коллективе. Нужно отдать должное Ленке, находить интересные темы для разговора она умела. Заодно припоминала давние истории из школьной жизни. У непосвященного человека могло сложиться впечатление, что я бегал

хвостом за Скворцовой и сейчас явно страдаю оттого, что она предпочла мне другого. А коллектив у нас в отделе, как вы помните, специфический. И не потому, что комитетчики. Аналитики все как один, и могу сказать, лучшие в стране.

— Александр Дмитриевич, а ваша одноклассница по секрету рассказала, что вы её в прошлые выходные на дачу возили, — доложил мне Нечаев.

— Врёт.

— Референт заверяет о вашем скором разводе с женой. Товарищ Петров, я вынужден буду поставить этот вопрос на партсобрании. Вы позорите облик советского коммуниста, — вмешался Савельев.

Чего добивалась Ленка, я и сам не понял. Уж точно не моего развода с женой. Вскоре от сплетен и оговоров она перешла к действию, заявившись на работу в очень сексуальном наряде. Пришлось даже сделать замечание по поводу дресс-кода. А после наблюдать поток слёз и слушать обвинения в свой адрес.

— Елена, прости, но в нашем учреждении такая длина юбки недопустима, — грубо оборвал я её.

Оскорблённая женщина готова на многое. Об этом я узнал в понедельник с утра, когда меня вызвал Илья.

— Читай, пиши, — кратко сообщил он и подсунул записку с пояснениями.

Сука Скворцова на меня докладную накатала. Типа я её домогаюсь, работать не даю, всё к интиму склоняю.

В ответ я написал документ о недостойном поведении подчинённой и так далее, ничуть не преувеличивая и не сгущая краски. Практически чистую правду. Единственная привилегия, предоставленная мне Ильёй, была во времени и дате. Мою записку он оформил задним числом, датировав пятницей. Ленкина же писулька прошла уже в понедельник.

И кому верить? Заслуженному работнику КГБ, награждённому орденом Ленина самим Брежневым, любимчику Андропова или некой референтке, проработавшей в отделе три недели? Результат был очевиден. Скворцова была сильно удивлена, когда генерал перечислил мои заслуги (о которых можно было рассказывать).

Бывшая одноклассница по старой привычке считала меня избалованным мальчиком из семьи дипломата. То, что я имел свободный график посещения школы, окружающими воспринималось как бонус и заслуги отца. Никто же не видел, сколько на самом деле я учился и трудился. Ленка решила, что и на Лубянку я попал по какому-то благу. Старые детские обиды и зависть попёрли изо всех щелей. Попыталась змеючка меня укусить, за что и поплатилась. Её не просто сократили, но какую-то приписку в деле сделали. Попутно и мужа понизили в должности, правда сохранив звание.

На выходных я напросился к Мишке в гости. Пожаловался на жизнь и на Ленку Скворцову. Мишка немного удивился тому, как свела нас жизнь, да и загрузил своими делами. Оказывается, его там на какую-то конференцию в ГДР не выпускают. Могу ли я подсобить? Пообещал заняться этим делом в ближайшее время. Подобные вопросы Владимир Петрович может решить по своим каналам. У нас в управлении глобальных изменений не произошло, и дядя Вова уважаем начальством.

В декабре на пленуме ЦК Андропов присвоил Чебрикову звание генерала армии, сделал его кандидатом в члены политбюро, продемонстрировав таким образом, что работой своего преемника доволен. Кроме громких дел о коррупции, Чебриков неожиданно сунулся в область эстрады и даже написал записку в ЦК «О негативной направленности отдельных

выступлений артистов эстрады».

Камешек в огород был закинут конкретно артисту Геннадию Хазанову. Некоторые его выступления, пародии и высказывания посчитали идеологически вредными.

«По мнению многих зрителей, такие выступления наносят ущерб делу воспитания, патриотизма и гражданственности советских людей и объективно играют на руку классовому врагу...» — писал в своей докладной Чебриков.

Пятому управлению никто не поручал оценивать выступления Хазанова, но с подачи Чебрикова сотрудники этого управления следили за идеологической благонадёжностью в любой сфере жизни. Встретив в документах знакомую фамилию Лямин, я примерно сообразил, что сподвигло мужа Ленки к такому рвению в работе. Жена накосячила, а Лямин таким образом перед главой КГБ засветился, потопив Хазанова.

Вообще-то новый глава КГБ очень внимательно прислушивался к мнению подчинённых. Узбекское хлопковое дело набирало обороты. Рашидов умер, но расследование было в процессе. Наворованных хлопковых денег у верхушки республики хватало с лихвой и они готовы были поделиться с Москвой. В декабре в столицу приехали представители хлопковых заводов из Узбекистана и попытались договориться за неприлично большую взятку с предприятиями Москвы, чтобы руководители закрыли глаза на недостачу и пустые вагоны.

Деньги у узбеков были, а вот хлопка — нет. Однако дело к тому времени уже передали Прокуратуре Союза со всеми вытекающими последствиями. Остановить расследование в Ташкенте уже не могли, хотя и пытались. Первый секретарь ЦК Узбекистана лично просил передать дело для дальнейшего ведения в республиканской прокуратуре.

Начальник следственного управления КГБ генерал-лейтенант Волков категорически возражал, разумно предположив, что в Узбекистане дело быстро прикроют. Чебриков с Волковым согласился. К тому же были арестованы люди не только из Узбекистана, но и из других регионов страны.

Илья невольно восхитился тому масштабу расследования, которое закрутилось в Ташкенте. Такого в СССР ещё не бывало. Конечно, можно было бы погордиться слаженностью работы следователей, которые арестовывали ранее неприкасаемую элиту — секретарей обкомов, райкомов, министров, милицейских генералов. А с другой стороны, грустно всё это. Хлопковое дело продемонстрировало, как реально и до основания прогнила система, прикрывающаяся лозунгами о роли партии в жизни народа.

— Узбекское дело останется недорасследованным, преступники — недоказанными, управление республикой, поставленное Рашидовым, сохранится, — просветил я Илью.

— Как же так?! — не поверил он.

— Андропову не хватит времени и здоровья, — напомнил я очевидные вещи.

О болезни Андропова в широкой печати не упоминалось. Сам генеральный секретарь отсчитывал последние дни жизни в Кунцевской больнице, а советский народ встречал новый 1984 год с большими надеждами.

— Февраль? — задал вопрос, понятный только мне, Владимир Петрович и, получив утвердительный кивок, попросил быть готовым для сопровождения иностранных гостей, которые прибудут на похороны.

Сплетен по поводу смерти Генерального секретаря в стране сразу появилось много. Для многих, кто был не в курсе, смерть показалась скоростижной. Один из ленинградских агентов Владимира Петровича выдал документ, который генерал дал мне почитать.

«Среди персонала 1-го медицинского института, связанного с 4-м Главным управлением Минздрава СССР, циркулируют разговоры о загадочности смерти Генерального секретаря ЦК КПСС. По мнению ряда специалистов, в ГУ есть люди, которые на ранней стадии болезни Андропова умышленно вели неправильный курс лечения, что впоследствии привело к его безвременной кончине. На более поздней стадии ведущие специалисты страны были бессильны что-либо сделать, несмотря на все предпринимаемые ими меры. Люди, „залечившие“ Андропова, связаны с группировкой (название условное) некоторой части партийных аппаратчиков в Москве, которым пришлось не по вкусу позитивные изменения и реформы, начатые Андроповым, в частности, намерение изменить „кремлевский паек“, призывы к личной скромности партийных работников, обращение к ленинским идеалам коммуниста. Один бывший ответственный сотрудник Госплана СССР подтвердил изложенное выше и добавил, что Андропова убрали».

Убрать Андропова хотели многие. Мешал он не только партийной элите. С приходом к власти Андропова уголовный мир также ощутил на себе тяжёлую руку комитета. Но в данном случае действительно подвело здоровье. Застудил почки Юрий Владимирович ещё до войны. При почечной недостаточности любая инфекция может стать фатальной. Двадцать ведущих академиков и профессоров лечили Андропов, но увы. Девятого февраля 1984 года в стране начался очередной траур.

— Сашка, а что это за траурные симфонии по телевизору? — с подозрением в голосе поинтересовался отец, стоило мне переступить порог квартиры. — Неужели?

— Угу, — не стал я отрицать то, что он и сам подозревал.

— И кто кандидат на замену? — деловито сориентировался отец.

— Черненко, — кратко ответил я.

— Он долгожитель, — скептически отозвался отец и пошёл снова к телевизору, надеясь, что концерт симфонической музыки сменит что-то более информационное.

«Гонка на лафетах», начатая Суловым, продолжалась. Когда в стране объявили траур по Михаилу Сулову, всё было серьёзно и трагично. Брежнева тоже хоронили с пониманием и всеобщим трауром. После смерти Черненко появится анекдот: вы будете смеяться, но нас снова постигла серьёзная утрата. «Пятилетка пышных похорон» продолжалась.

— Недолгий, до обидного недолгий, товарищи, срок суждено было Юрию Владимировичу Андропову трудиться во главе нашей партии и государства. Всем нам будет не хватать его. Он ушел из жизни в самый разгар большой и напряженной работы, направленной на то, чтобы придать мощное ускорение развитию народного хозяйства, преодолеть трудности, с которыми столкнулась страна на рубеже 1970–1980-х годов, — поведал Черненко народу.

Многие, включая моего отца, искренне сожалели, что Андропов так мало правил страной. Опять же прогнозировать, к чему привёл бы такой тотальный контроль и чем все закончилось, я бы не стал. Возможно, мы получили бы ещё один тридцать седьмой год или аналог Северной Кореи. Более вероятно, от такого рода борьбы КГБ с коррупцией проявили бы себя националисты в республиках и случилась бы гражданская война. Но самого Андропова во всём мире уважали, как и СССР — крупнейшую ядерную державу. За месяц до смерти Андропов был признан в журнале «Time» «Человеком года». Брежнев за все восемнадцать лет своего правления такой чести не удостоился.

Февраль 1984 года выдался морозным — 13–14 градусов, а в день похорон так вообще — 18 с утра. Не думаю, что специально для похорон было выбрано 14 февраля. В СССР и не слышали, что это день всех влюблённых. Просто так совпало. Интересный факт, что на похороны Андропова прилетели такие высокопоставленные лица, как премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер и вице-президент США Джордж Буш-старший.

Зачем приехала в февральскую Москву Тэтчер, не понял никто. Она от всей души ненавидела СССР, ввела много санкций из-за войны в Афганистане, поддержала бойкот московской Олимпиады и вдруг сама прилетела на похороны! Формулировки прозвучали размытые, но какие-то виды мадам имела.

Владимиру Петровичу удалось втиснуть меня в качестве сопровождающего переводчика, но совершенно напрасно. У премьер-министра Великобритании имелся свой толмач, во мне (не без основания) видели сотрудника КГБ и от услуг сопровождения не грубо, но настойчиво отказались.

Снова смотрели всей семьёй вечернюю программу «Время».

— С чувством великой скорби весь советский народ проводил в последний путь Юрия Владимировича Андропова... — зачитывал диктор телевидения.

Кадры в Колонном зале Дома Союзов заинтересовали больше всего. Индира Ганди в первых рядах на прощании, затем канцлер ФРГ, Джордж Буш, премьер-министр Франции Маргарет Тэтчер.

— Ничего себе! — удивилась Сашка, узнав о таких личностях, прибывших в Москву. — Брежнева скромнее хоронили.

— Траурный митинг открывает Генеральный секретарь ЦК КПСС Константин Устинович Черненко... — продолжал вещать диктор по телевизору.

— Хм... — отреагировал отец на речь Черненко. Акустика на Красной площади и микрофоны были отличные. Они передавали малейшие нюансы плохо проговариваемых слов. Не брежневское бляение, конечно, но близко к этому.

— А военные всё ещё держат гроб на плечах? — заметила Сашка, что во время речей группа с гробом так и стояла, замерев на одном месте.

— Не... там какая-то подпорка должна быть, — рассмотрел отец после выступления Устинова, как именно военные держали гроб. Телевизор у нас цветной и красный цвет покрытия гроба хорошо было видно.

— Процессия направляется к Кремлёвской стене...

Мои замерли, шикнув на Ромку, чтобы не мешал смотреть. Вдруг и этот гроб уронят.

— Ну... — разочарованно протянула Сашка, когда диктор сообщил, что в 12:45 гроб опущен, прозвучал гимн СССР и раздались оружейные залпы. Мы ничего этого не увидели и не услышали. Не то специально не велась съёмка, не то эти кадры вырезали, дабы исключить кривотолки.

— Перед мавзолеем в чётком строю проходят части войск московского гарнизона... — далее пошли кадры уже из Кремля.

— Товарищ Черненко имел беседу с премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер. От имени советского народа товарищ Черненко выразил признательность за уважение к памяти Юрия Владимировича Андропова, проявленное английским правительством и народом...

Траурные мероприятия закончились. Страна снова вошла в рабочий ритм, ожидая, чего новенького преподнесёт очередной глава страны.

Первое образование у Черненко было педагогическое. Со школ он и начал своё правление, предложив ввести пятидневку. Были приняты «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы».

Реформа ставила задачу «коренным образом улучшить постановку трудового воспитания, обучения и профессиональной ориентации в общеобразовательной школе; усилить политехническую, практическую направленность преподавания; значительно расширить подготовку квалифицированных рабочих кадров в системе профессионально-технического обучения; осуществить переход ко всеобщему профессиональному образованию молодёжи». Согласно реформе средняя общеобразовательная школа становится одиннадцатилетней. Обучение детей в школе предполагалось начинать с шестилетнего возраста.

И это считай всё, что мне запомнилось из сделанных Черненко преобразований. То, чего достиг Андропов в стране, потихоньку сливалось. Про коррупцию перестали упоминать, в кинотеатрах уже не устраивали проверки, трудовая дисциплина вновь покатила вниз.

Нападки на эстраду также продолжались. В ряды неугодных попали рок-музыканты. И ладно бы сами исполнители. На концерте группы «Браво» был задержан весь зрительный зал. «За попрание основ социализма» — написали в отчёте. Жанну Агузарову, вокалистку группы, не только арестовали, но и выслали из столицы. Вернее, вначале её отправили в институт судебной психиатрии. Признали вменяемой и оттуда уже послали на принудительные работы приёмщицей в леспромхозе в Тюменской области. Илья пожал плечами, а я не мог подобрать слов. КГБ больше нечем заняться? И снова Илья не врубился, чем я возмущён.

— Тебе настолько нравилась эта певица? — деликатно поинтересовался он.

— Мне отношение к искусству в нашей стране не нравится.

— Ты фото этой Агузаровой видел? Не поторопились ли психологи с диагнозом? — не понимал меня Илья.

Ну... допустим, с тем, что Жанна личность неординарная, и я был согласен. К тому же она заверяла, что замуж за землянина никогда не выйдет, подавай ей марисианина. Есть над чем задуматься, но арестовывать за песни как-то... не умно.

Вообще-то на Лубянке с приходом к власти Черненко заметных изменений не произошло. Пока ещё никто не заметил, что КГБ уже упустил власть, передав её партийной верхушке. Зато мне было что сказать генералу.

— Не может быть! — отказывался верить Владимир Петрович, когда я изобразил ему могилку Черненко с датой «март 1985».

Вообще-то вскоре он уже и сам не сомневался, что этот генеральный секретарь долго не проживёт. Выглядел Константин Устинович немногим лучше Брежнева в последние месяцы его жизни. Тогда же у нас состоялся серьёзный разговор с дядей Вовой.

— Сашка, я давно понял, что ты пророк и знаешь будущее. Не томи, скажи, кто придёт после Черненко и к чему готовиться?

— А вот здесь самое интересное. Не пророк я, а попаданец, — озадачил генерала незнакомым словом. — Прожил жизнь в похожей на нашу реальности и умер в 2021 году.

Сознание попало в малолетнее тело...

— Которое все эти годы пудрило мне мозги! — рыкнул Владимир Петрович, разом сообразив, откуда у меня все эти «озарения».

— Которое не хотело попасть в психушку, — поспешил я заметить. — К тому же я помню и знаю то, что касается лично меня или совсем глобальные исторические события.

— Так что по поводу генерального секретаря? — вернулся генерал к насущному, не давая увести себя в дебри фантастики.

— Без понятия. Был Горбачёв, но мы его с Ильёй вывели из игры несколько лет назад.

— Та-а-ак... — протянул дядя Вова и хмыкнул. — Конечно же, как же ты без «братишки»? И много Илья знает?

— Побольше вашего, — огрызнулся в ответ.

— Прогуляемся завтра вечером в Сокольниках. Втроём, — решил генерал.

Гуляли мы долго и обсуждали много чего.

Где-то осенью этого года застрелят Индиру Ганди. Точную дату я забыл, зато хорошо помнил причину и исполнителей, а также то, что потом случится в Индии. Усомнился, правда, что нам это так важно.

— Давай, давай, — не стал отказываться от знаний будущего Владимир Петрович. — КГБ с середины пятидесятых более десяти миллионов долларов потратило только на одну антиамериканскую пропаганду в Индии и поддержку Ганди. Неужели всё зря?

— Хм... Может, и зря, — ответил я.

— А конкретная причина убийства Ганди? — задал вопрос Илья.

— Ну... Индия же — председатель Движения неприсоединения, — напомнил я о такой международной организации, основанной на принципах неучастия в военных блоках. — Сикхи провинции Пенджаб устроили базу экстремистов. Мало того, в своей святыне, Золотом храме, наладили производство оружия и гранат. Убили Индиру Ганди её собственные телохранители-сикхи.

Меня слушали очень внимательно. Про сикхов я мог много чего рассказать. Интересовался в своё время. Сикхизм довольно своеобразная религия. Считается, что возникла она на основе индуизма и ислама. На самом деле сикхи верят в нечто, существующее на просторах Вселенной. И всё. Для них нет рая, ада, кармы, греха и загробной жизни. Сикхи считают, что все покаяния, очищения от грехов, посты, обеты — это попытки одних смертных манипулировать другими, а поклоняться Богу (или Вселенной) можно только посредством медитации и пением молитв. Сикхи называют всего пять пороков человека: похоть, гнев, жадность, подчинение чужой воле и эгоизм. И также пять достоинств: честность, сострадание, умеренность, смирение, любовь.

Сикхи проповедуют любовь и братские отношения ко всем людям, независимо от их происхождения. Но при этом считают, что должны уметь защищать себя и близких. Потому сикхизм считается религией воинов. Кинжал или меч — обязательный атрибут сикха. До убийства Индиры Ганди сикхи считались лучшими и бесстрашными солдатами. Именно из них комплектовалась личная охрана британских генерал-губернаторов, и Ганди последовала этой традиции.

— Так за что её убили-то? — не понял ничего из моей речи Илья. — Религиозные разногласия?

— Я же пояснил, что сикхи производили гранаты в Золотом храме. Это святыня, на которую претендуют и индусы. Индира Ганди отдаст приказ зачистить зону храмового

комплекса. Эту войсковую операцию назовут «Голубая звезда». Не совсем разумное решение с учётом того, что в храме было до фига оружия. А также около десяти тысяч паломников, включая женщин и детей.

— Военные стреляли по детям? — задал вопрос Владимир Петрович.

— Стреляли. Официально сообщат о пятистах погибших. Но у меня был сосед сикх. Мы неплохо общались с ним, когда я жил в Англии. В той реальности, — уточнил для дяди Вовы. — Сосед, к слову, британец, но проникся их идеями. Он рассказал, что в той бойне погибли тысячи людей, среди которых преобладали женщины, «истреблённые фашистским режимом госпожи Ганди». Естественно, сикхские радикалы решили отомстить.

— И чем всё закончится? — снова прозвучал вопрос от генерала.

— Плохо закончится прежде всего для самих сикхов. Индусы будут вылавливать их на улицах, забивать до смерти, обливать бензином и сжигать заживо, а женщин сикхов насиловать. Правоохранительные органы займут позицию невмешательства, а порой и станут поощрять избиение сикхов.

— Дикари, — вставил своё слово Илья.

— Индусы во многом своеобразная нация и кастовое общество. К примеру, они считали, что муж Индиры Ганди ей не ровня и за это её ждало кармическое наказание. Подтверждением этому видели в том, что супруг рано умер, потом ушёл из жизни отец, через несколько лет погиб младший сын. Старшего убила на митинге террористка. А саму Индиру застрелили телохранители.

— Притянуто за уши, — не согласился с таким видением кармы Владимир Петрович. — Но справку по Индии напиши, обзорную и без детализации. Изменить мы ничего не сможем, а демонстрироваться твои прогнозы не стоит.

— Про сикхов поподробнее, — попросил Илья. — Я и не знал, что это отдельная религия.

— Вообще-то я сам долгое время считал, что тех, кто носят чалму, и есть индусы исповедующие индуизм. Случайно получилось, что мне перепала работа в качестве фрилансера и проект храма сикхов, вот и вник в тему.

— Храма? — не понял дядя Вова.

Пришлось кратко пересказывать ему факты из своей биографии будущего, о чём он не был в курсе. Попутно упомянул про храм сикхов в Ньюкастле, построенный по моему проекту*.

— Всё правое крыло первого этажа занимала одна большая столовая, — продолжал я свою историю. — Любой человек, малоимущий или испытывающий нужду, мог прийти и пообедать бесплатно.

— И многие туда ходили? — полубопытствовал Илья.

— Не в курсе. Я же только проект разрабатывал. Меня удивил сам принцип такой помощи людям. В христианских церквях или мусульманских храмах подобные помещения не предусматриваются, — и заметив возмущённое выражение лица Ильи, поспешил добавить: — Если только это не трапезная для «своих».

— Ладно, с религиями разобрались, — притормозил меня Владимир Петрович. — Вернёмся к событиям в нашей стране. Кто встанет у власти?

Поставить на должность того, кого мы выберем, ещё большая фантастика, чем моё попадание.

— Устинов умрёт в декабре этого года, — припомнил я. — Там вообще нечто странное

случится. Сразу четыре министра обороны социалистических стран, включая Устинова, скончаются за короткий промежуток времени.

— Случайность? — посмотрел на меня Илья. — Товарищи пожилые.

— Не в курсе. Дело тёмное, мутное. И кто пробьётся к власти после Черненко, сложно сказать.

— Щербицкий, Громько, — перечислил Владимир Петрович варианты.

— Машеров, — добавил Илья.

— Нужно прикинуть, кто может стать министром обороны вместо Устинова, — задумался дядя Вова. — Этот человек поддержит нового генерального секретаря.

— Соколов? — предположил Илья. — Только что нам это даст?

— Налаживать хорошие отношения с будущим министром обороны можно уже сейчас, — сообщил очевидное дядя Вова. — У нас в запасе меньше года. Эх, Санёк! Чего молчал как партизан-то? Понимал же, со своими силами не справишься.

— Я и с вашими силами на данном этапе мало чего смогу сделать. Неплохо бы скомпрометировать нежелательных претендентов на власть, — добавил я. — Вот Романова обвинили в том, что он на свадьбе дочери использовал музейный сервиз и частично побил его. Чушь полная. Но отмыться от этой сплетни Романов до сих пор не смог.

— Что знаешь по Щербицкому из будущего? — потребовал дядя Вова.

— Ничего такого. Он не стал генеральным секретарём, наиболее характерное его поведение проявилось, когда он скрыл масштабы катастрофы на Чернобыльской АЭС. О! — сообразил я, что дата-то приближается. Её и озвучил генералу.

Пришлось переключаться с обсуждения кандидатов в высшие эшелоны власти на Чернобыльскую аварию и пути её решения. Попутно вспомнил Ельцина, которого мы ещё не устранили доступными методами, а пора бы. В общем, субботний день прошёл плодотворно. Хотя кое-кто так не считал.

— Что там у тебя за любовница на работе появилась? — озадачила меня Сашка вопросом.

Удивила сильно и заставила задуматься. Ленка Скворцова (как привык я называть её по старой памяти) полгода как не работает на Лубянке, то дело давно забыто и бумаги покрылись пылью. Откуда Сашке могли донести такую весть? Родители бывших одноклассников, конечно, проживают поблизости, но никто не в курсе моей службы. Значит, источник сплетен один — Скворцова. И чего ей тихо не сидится?

— И кто сказал тебе об этом? — уточнил я.

— Соседка из квартиры напротив нашей. Мама Светы, с которой ты учился.

— Понятно, буду разбираться, — ответил я и, заметив обеспокоенное лицо Сашки, прижал её к себе: — Завистники это. Никто мне, кроме красавицы жены, не нужен. Не бери в голову.

— А вчера где ты был? — не сходила с колеи ревности Саша.

— Встречался кое с кем по работе. Ты же знаешь, что у меня, кроме службы, ещё и встречи с осведомителями.

На слове «осведомители» супруга недовольно поморщилась. Эту сторону моей службы она никак не хотела принимать.

— Кто владеет информацией, тот владеет миром, — озвучил я известную истину.

— Ты решил захватить мир? — кокетливо похлопала ресничками Сашка.

— Удовлетворюсь одной третью, — пообещал я и отправился переодеваться.

Отец оторвался от телевизора и вышел в коридор посмотреть, зачем я нацепил парадный костюм, где у меня орден Ленина приколот.

— К соседке наведаюсь, — пояснил я. — Давно пора их просветить по поводу моей службы.

Романова мой внешний вид тоже оценила.

— Сашенька, что-то случилось? — прижала ладони к груди Светкина мама.

Невольно мне вспомнилась та цветущая женщина, встречавшая нас с подругой в первый раз со школы. Эта пожилая дама... точнее, старушка, мало на неё походила. После смерти мужа она какое-то время жила в Ленинграде, перепоручив квартиру своей родственнице. Приезжала в Москву, но редко. Мы за последние шесть лет почти и не виделись.

— Майор комитета государственной безопасности, — официально представился я и продемонстрировал удостоверение.

— Сашенька, а я так и думала, что ты далеко пойдёшь, — вздохнула соседка. — Помню, как вы...

Не дав предаться женщине грустным воспоминаниям, я сразу перешёл к сути своего посещения.

Оказалось, что да. Звонила Леночка (сука!), наплела много чего, но ума хватило, про работу на Лубянке она не рассказала. Получалось, что мы встретились в городе почти сразу после её возвращения в Москву. И даже с местом встречи не соврала, назвав ту пельменную, где я с Тимуром пересекался. Дальше шла нелепая история про то, как я её преследовал, домогался и так далее.

— Я вас не сильно обижу, если попрошу в письменном виде это все отобразить?

— Саша... если нужно... то конечно.

С этими, уже считай, документами, я вернулся домой. Дал почитать Сашке и после положил в портфель. Контора у нас серьёзная, работать будем без дураков. Дам этому делу официальный ход. Если Лямин не смог жене внушить правила поведения супруги комитетчика, сам виноват. А спускать на тормозах или устраивать личные разборки я не собирался.

Владимира Петровича моя суэта вокруг бывшей одноклассницы не порадовала.

— Больше нам заняться нечем, — проворчал он.

— Заняться есть чем, — согласился я. — Но в будущем вот эта сплетня от Ляминой может стать компроматом на меня. Потому я категорически настаиваю, чтобы были проверены все её контакты и люди, с которыми она могла поделиться своей глупостью.

Такая постановка вопроса генерала вполне устроила и он задействовал свои связи в следственном управлении. Не думаю, что кто-то серьёзно воспринял моё заявление о компрометирующих фактах. Скорее всего решили, что 2-е управление сводит какие-то счёты с 5-м.

Ход делу дали, и такой, что Скворцова могла бы гордиться, что ради неё столько колёсиков нашей системы завертелось. Как ей удалось на юриста выучиться, если не продумала последствий своих действий. Её же при принятии на работу проверяли от и до. Список ближайших родственников и знакомых был составлен и спрятан в папочку. А там и адреса, и телефоны.

Комитетчикам особо и трудиться не пришлось, чтобы обойти и обзвонить тех, что были в списке, и дополненных мной (одноклассников добавил). Дальше была проведена несложная работа о внедрении информации о том, как Елена Анатольевна Лямина порочила

честь офицера КГБ, распуская сплетни об интимной связи. Саму Ленку тоже вызвали на допрос. Всё честь по чести с протоколами. Врать и придумывать несуществующие места свиданий бывшая одноклассница не рискнула. К тому моменту она была запугана до чёртиков, мямлила о неудачной шутке. Муж наверняка ещё дома добавил. Нормальная баба, заведя любовника, от всех такой факт должна скрывать, а не трепать всем подряд.

Сашке я позже отчитался, не вдаваясь в подробности.

— Да я верю, верю, — отмахнулась супруга. — Что я, не вижу, что, кроме нас с Ромкой, тебе никто не нужен?

— Почему никто? У меня отец есть.

— Брат, дядя Вова, Мишка, — перебила Саша. — Знаю, знаю.

— И верь мне, — попросил я.

— А почему твой папа никогда не называет Илью племянником? — озадачилась Сашка следующим вопросом.

— Наверное по той причине, что мы даже не родственники, — усмехнулся я.

— Как так? — не поверила Саша.

Пришлось кратко пересказать историю нашего с Ильёй «родства».

— Но лучше пусть все считают, что он брат, — попросил я.

— Пригласи его с семьёй к нам на обед в воскресенье, — предложила Сашка.

— Не получится, — ответил я. — Илья сейчас в командировке.

Так оно и было. Поехал Илья искать какой-либо компромат на Ельцина. Не так-то это и просто было сделать. По всем показателям первый секретарь Свердловского обкома КПСС на хорошем счету: как у партийной верхушки, так и у простого народа. Он там и дома строит, и метрополитен, птицефабрики с фермами. За пределами области уже знали имя Бориса Николаевича Ельцина. Большой резонанс в стране вызвала, в частности, передача свердловского телевидения 18 декабря 1982 года «На вопросы трудящихся отвечает и почту комментирует член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, первый секретарь Свердловского обкома партии Б. Н. Ельцин».

В целом такие дифирамбы ему поют, что Илья склонялся к идее физического устранения. Владимир Петрович, оценив характеристику, данную на Ельцина, его напористость и «верность идеалам коммунизма», согласился с такими радикальными мерами. Опыт оперативной работы у Ильи имелся. Уйти незаметно он сможет, документы сейчас только на самолёте спрашивают. Даже с оружием проблем не возникло. Были у дяди Вовы заныканные стволы. Сколько и чего именно, я не был в курсе. Главное, что он обеспечил Илье огнестрел.

Вопрос о вливании компрометирующих фактов мы почти отмели. Накопать на Ельцина по тем данным, что имел КГБ, почти ничего не смогли. Я припомнил только случай отсутствия у Ельцина двух пальцев. Опять же ориентировался на то послезнание и те статьи, что выдавал интернет в моё время. У первого президента России не было двух пальцев на левой руке, которые он потерял ещё в детстве. Сам Ельцин писал, что случилось это из-за взрыва гранаты. Дело было во время войны. Ельцин и ещё двое мальчишек пробрались на склад боеприпасов и утащили гранату, которую не совсем удачно разобрали.

По другой версии те двое мальчишек погибли. Но это старые дела, за которые уже не осудят и слухи мало на что повлияют. Точно так же не окажет влияние на дальнейшую судьбу Ельцина рухнувшая почти готовая жилая пятиэтажка, которую возвело возглавляемое Ельциным стройуправление.

Насколько будет лучше тот же Щербицкий в роли Генерального секретаря или другой кандидат, я не знал. Зато по Ельцину сомнений не было — не нужен нашей стране такой руководитель.

Илья вернулся как раз перед первомайскими праздниками. Вернулся из... Тбилиси. Даже отметку в документах об этом имел. А то, что всего два дня назад прошла информация о тяжёлом ранении первого секретаря обкома Свердловска, так это совпадение! Исполнителя и оружие не нашли, Ельцин в реанимации, прогнозы самые неутешительные.

— Ракурс был очень уж неудобный. К тому же из пистолета ограничение в расстоянии и точности стрельбы, — поведал нам с Владимиром Петровичем Илья после первомайской демонстрации.

— Точно не выживет? — задал я вопрос.

— Если и выживет, то уже инвалид. Печень или почку я ему стопроцентно зацепил.

Скончался Ельцин через неделю. Нам прислали документы для аналитики и я серьёзно засел за написание справки. Нужно же с пользой это всё провернуть, так чтобы ещё кого устранить из неподходящих кандидатур.

Сейчас первый секретарь обкома — серьёзная и желанная для многих должность. Именно первые секретари правят на местах, решая поставленные задачи и улучшая своё благополучие. В Средней Азии секретарей обкомов Андропов изрядно проредил, но быстро нашлись преемники. Кого поставят на Урале, честно говоря, меня совершенно не волновало. Да и не знал я биографии главных людей Свердловска.

И каково же было моё удивление, когда Владимир Петрович организовал мне встречу с Семичастным, попутно прояснив, что Владимиру Ефимовичу сватают должность первого секретаря свердловского обкома. Я уже и позабыл о Семичастном. А он как раз помнил мальчика Сашу Увахина со странными способностями к предсказанию.

— Ты у нас «Оракул» и Семичастный знает тебя под таким позывным. У вас там с Ильёй банька на даче, пригласи хорошего человека попариться, — озадачил Владимир Петрович.

— Да не вопрос, — опешил я, но мысленно стал размышлять, как и что организовать.

Спиртное ни дядя Вова, ни Семичастный (после инфаркта) не употребляют. Мы с Ильёй тоже не любители. Можем под настроение, но крайне редко. Специфика работы не позволяет расслабляться. А уж с этими комитетскими зубрами можно только чаёк с выпечкой или квас.

По поводу того, чем потчевать гостя дорогого, я Сашку озадачил. Пояснил, что будет гость, немолодой. Шестьдесят лет. Но диетический набор продуктов нежелателен.

— Я тогда как для Владимира Петровича приготовлю, — сообразила жена. — Он всего на пять лет старше твоего гостя.

— И тоже сердечник, — поддакнул я, прикидывая, где икры чёрной прикупить. В это время это не сильно дорогой деликатес.

Говорят, чёрная икра чуть ли не источник молодости. Она там как-то активизирует выработку слоями кожи белка коллагена, который отвечает как раз за прочность. Чёрная икра — конечно, не лекарство, но вполне способна облегчить жизнь людей, страдающих от сердечно-сосудистых заболеваний. При малокровии и низком содержании гемоглобина рекомендуется регулярно употреблять в пищу чёрную икру.

В общем, по всем показателям продукт очень полезный. Осталось его «достать» и накормить дорогих гостей. Попутно поговорить о нашем общем будущем.

Биография Семичастного уже претерпела изменения, о чём я ему сразу рассказал. Собственно, сами банные процедуры остались неостребованными. В большей степени это был повод и предлог для тех, кто решит проследить за передвижениями Семичастного. Генерал хоть и проявил бдительность, но сильно сомневался, что за нами наблюдают. Не та уже фигура Владимир Ефимович. Конечно, остались связи и друзья, но в Москве его никто не воспринимал как претендента на что-то большее, чем первый секретарь обкома.

— В той реальности вы и этого не получили, — сообщил я.

— Мне Леонид Ильич обещал первого секретаря, как только освободится подходящая должность, ещё с тех времён, как снял меня с должности председателя КГБ.

— А ты, Владимир, так и не стал ни лизоблюдом, ни льстецом, — усмехнулся дядя Вова.

До 1981 года Семичастный проработал на Украине в качестве заместителя председателя Совета министров республики. Позже был заместителем председателя Правления всесоюзного общества «Знание». Вот эта должность меня сильно заинтересовала. Сейчас в ведомстве этого общества такие популярные журналы, как «Наука и жизнь», «Знание — сила». И чего мне раньше в голову не пришло, как можно использовать такую своеобразную трибуну и втиснуть туда свои тексты? Владимир Петрович быстрее всех сообразил, о чем это я. И пообещал, что мою голову за подобные происки быстро открутят и он помочь не успеет.

— На Урал я уеду, но связи останутся, — не стал совсем отказываться от помощи в публикации материала Семичастный. — Вы же думаете, что Черненко осталось меньше года, а там уже всё изменится.

Дальше комитетчики насели на меня, чтобы я выдал им мировые прогнозы. Сразу рассказал про падение цен на нефть и пояснил, чем это грозит СССР. Далее переключился на Великобританию. Из-за специфики моей жизни в той реальности я неплохо знал, то что происходило в этой стране в середине 80-х (сдавал экзамены на знание истории).

Поведал своим слушателям о том, что в октябре ирландские боевики подложат бомбу на конференции Консервативной партии. Погибнет несколько человек, а Маргарет Тэтчер чудом останется жива. При желании можно поспособствовать успеху той операции.

— И что это даст? — не понял Владимир Петрович.

— Скорее всего ничего... — задумался я. — После ухода Маргарет Тэтчер со своего поста у власти всё равно будет партия консерваторов. Ещё с подачи Тэтчер на рынок ценных бумаг поступят акции компании «Бритиш телеком», до двухтысячных они будут уверенно расти в цене. Но наверное для нас это не столь важно на данный момент?

— По Америке ничего не припомнишь? Кто станет следующим президентом?

— Помню. Рейган, — уверенно выдал ответ.

Опять же, это информация была бы полезна руководителю страны, а не нашей кучке «заговорщиков».

— Громько вряд ли изберут, — продолжил Илья обсуждение того, зачем мы собрались. — Он на два года старше Черненко. Должны же эти маразматики понимать, что с ежегодными похоронами генерального секретаря теряется престиж страны.

— Щербицкий или Машеров, — прикинул возможных кандидатов в генеральные секретари Семичастный.

С Щербицким ему приходилось работать. И своё видение его в качестве генерального секретаря Владимир Ефимович выдал. Со стороны казалось, что не так и плохо. Но имелось большое такое «Но». Трудился и поднимал показатели Щербицкий на Украине. Шестьдесят процентов школ в республике уже были украиноязычными. Множились всевозможные танцевальные и хоровые коллективы, делающие упор на украинский язык. Я не преминул рассказать об Украине будущего и возможных последствия того, если Щербицкий станет главой СССР.

С Машеровым Щербицкий был одного возраста. Обоим шестьдесят шесть лет. Это самые «молодые члены». К слову, Горбачёв был младше их на четырнадцать лет. Но мы его уже устранили и больше подобного относительно молодого живчика в политбюро не было.

— Я за Машерова, — поднял руку Илья.

— Машеров, — согласился я.

— Мне Пётр Миронович тоже больше импонирует, — согласился Семичастный.

— Нужно скомпрометировать Щербицкого, — озвучил Илья наш коронный номер с устранением людей.

— Значит, «топим» Щербицкого, — подвёл итог дядя Вова. — Утечку информации на Запад и дезинформацию о личной жизни я организую. — Сашка, с тебя хорошая аналитика, как только начнут все эти «голоса» и прочие зарубежные СМИ злопыхать.

— Сын у него страдает алкогольной и наркотической зависимостью, — выдал сведения о семье Щербицкого Семичастный.

— Проблемы с сыном сомнительный компромат, — не согласился Илья. — Нужно добавить чего-то убойного.

— И необязательно достоверного, — поддержал я идею. — Чем больше грязи, тем больше ей поверят.

— Ну выдай чего-нибудь такого грязного... — посмотрел на меня Владимир Петрович.

— Легко! В будущем в интернете такой херни можно начитаться, что глаза на лоб полезут.

В качестве примера я озвучил давным-давно прочитанную статью об операциях по смене пола, которые проводились якобы и в Советском Союзе.

— По нашему управлению это не проходило, но всё может быть, — задумался о чём-то генерал, а я продолжил рассказ ни много ни мало, а о фаллоэндопротезировании.

Эта тема в мужском коллективе моментально нашла отклик и меня забросали вопросами. Вначале, конечно, уточнили, правильно ли они поняли то мудрёное слово. Я подтвердил, что по слухам ещё в 60-х годах проводились хирургические операции по восстановлению эректильной функции. Правда или нет, я не знаю.

Меня слушали с отвисшими челюстями, потому я поспешил заверить, что слухи о трансплантации в эти годы скорее всего сказки. Допустим, можно взять нужный орган у умирающего человека, но там потребуется пересаживать не только кожу и мускулы, но и нервы, кровеносные сосуды, при условии, что они подойдут и совпадут по группе крови и прочим физиологическим параметрам. Справиться с поставленной задачей может толпа хирургов и не на том оборудовании, что имеется сейчас.

Далее я поведал, что читал статью о смене пола руководителя службы безопасности одной из стран социалистического лагеря. Якобы о такой услуге просил лично Андропов.

— Обалдеть, — не удержался от замечания Илья.

— Наверняка фейк. Главное, что мы можем запустить подобную утку в адрес Щербицкого. Добавить к этому описание того, что его мужская сила после пересадки органа от донора (пожелавшего стать женщиной) увеличилась и сейчас пожилой мужчина очень активен в плане секса, но предпочитает в основном шестнадцатилетних девушек.

— Санёк... это как-то... — не мог подобрать слов Владимир Петрович.

— Грязные методы КГБ, — хохотнул Семичастный. — Что-то в этой идее есть.

— Сплетня моментально разойдётся. Народу понравится, он поверит, досочинят и эту лавину будет не удержать, — дополнил Илья. — С такой биографией только в генеральные секретари...

— Значит, запускаем утку, — резюмировал Владимир Петрович. — Действительно, нам сейчас не до этики. — И тут же переключился на следующую тему: — Так что по Машерову?

— Искать сторонников Машерова и недругов соответственно, — предложил Семичастный.

О Машерове я больше ничего добавить не смог. В той реальности он так и остался кандидатом в члены политбюро, глупо погибнув в аварии.

— Петра Мироновича на должность первого секретаря ЦК Белоруссии рекомендовали бывшие партизаны. Михаил Зимянин в том числе, — продолжил Владимир Афанасьевич. — Но как на него выйти и заявить о своей поддержке?

— Познакомиться можно где-то в санатории, — предложил Илья. — У нас имеется майор КГБ, член союза художников, который в преддверии сороковой годовщины Великой Победы над Германией пишет портреты ветеранов. Машеров как раз такая величина, чтобы его запечатлеть.

— А я направление и прочие документы организую, — ухватился за идею генерал.

— Одного Машерова для поддержания легенды мало, — заметил я. — Мне и других ветеранов придётся запечатлеть.

— Сашка, так мы только «за», — хлопнул меня по плечу Илья. — Ты давно персональных выставок не устраивал. Имя Александра Увахина стали забывать в творческой среде. Заодно и напомнишь о себе.

— Угу, чтобы не болтали, что Увахин спился, — пробурчал я, припомнив историю со Скворцовой.

Дядя Вова тем временем сходил к машине и достал из багажника плакат с членами... которые в составе Политбюро. Плакат был не новый, на нём Андропов ещё генеральный секретарь. В СССР высшим органом власти являлся съезд коммунистической партии. Однако съезды собирались раз в пять лет, а руководить страной нужно постоянно. Для этого Центральный Комитет собирал собственные собрания, называвшиеся пленумами (два-три раза в год). На пленумах решались различные вопросы и там же избирались члены Политбюро. Эти самые члены обладали полномочиями старшей партийной власти в промежутках между съездами и пленумами.

Именно на пленумах (очередных или внеочередных) выбирались путём голосования генеральные секретари. Там же их могли снять с должности. Хрущёва именно таким образом отстранили от власти. Члены Политбюро проголосовали и Хрущёв был снят. Позже появится версия о перевороте и чуть ли не аресте Хрущёва. На самом деле всё было исполнено по закону и умело срежиссировано Брежневым. На заре своей карьеры Леонид Ильич ничуть не напоминал доброго дядюшку с плохой дикцией. Он был ещё тем хищником, стремящимся к власти. Сумел виртуозно провести вербовку своих сторонников, и Политбюро вынесло нужное ему решение.

Кроме самих членов Политбюро, имелись кандидаты в члены. То есть товарищи, ожидавшие очереди у кормушки власти. И должны были они простоять в этой очереди не менее пяти лет. А свободных мест в Политбюро, начиная с 1980 года, образовалось предостаточно. На октябрьском пленуме 1980 года был освобождён Косыгин по его просьбе и состоянию здоровья (в декабре он умер). Далее скончался Сулов, за ним Брежнев. Кириленко освободил от должности Андропов. В мае 1983 умер Пельше — председатель Комитета партийного контроля. Ему на тот момент уже было восемьдесят четыре года. В том же году скончался Рашидов. Ну, этот кадр долго бы не остался на должности. Следующим почил Андропов. Я знал, что в декабре умрёт Устинов. Ну и Черненко ненадолго его переживёт.

Итого получалось, что на плакате, который принёс Владимир Петрович, из четырнадцати членов политбюро останется девять человек старого состава (Кириленко я не считал). Зато появились новые лица. Такие как Алиев, Воротников, Соломенцев, Машеров. Кадровый состав Политбюро стремительно обновлялся.

— Давай, Сашка, вспоминай, — подтолкнул ко мне плакат дядя Вова.

— Вы думаете, я всех этих пенсионеров помню?

— Что, совсем никак? — не поверил Илья.

— Примерно и без дат. Алиев станет в каком-то году президентом Азербайджана. Что-то писали про культ личности и репрессии. О Воротникове знаю чуть больше, но только потому, что он сменит Медунова в Краснодаре. Он был против позиции Горбачёва по многим вопросам. О! Кстати, — заметил я ещё одну фамилию. — А почему мы Гришина Виктора Васильевича не рассматриваем как возможного претендента в генеральные секретари?

— Из-за возраста, — кратко ответил Семичастный. — Да и амбиций у него нет таких,

чтобы он сам захотел получить этот пост.

По этой же причине мы решили, что и Соломенцев с Тихоновым не пройдут. По Соломенцеву я вообще ничего сказать не мог, кроме того, что было и так всем известно.

Будет ли бороться за место Романов, никто не знал, но решили его ещё немного «притопить». И снова в итоге у нас осталось всего два человека — Машеров и Щербицкий. Последнего Семичастный откровенно недолюбливал. Тот был первым секретарём ЦК Украины, а Владимиру Ефимовичу в этой должности Брежнев отказал. Ну и мы, комитетские служащие, не могли простить, что с подачи Щербицкого председателем КГБ СССР был прислан Федорчук.

— Копаем по всем аккуратно, но с прицелом, — поставил задачу дядя Вова и предложил всё же посетить уже изрядно остывшую баню.

Я тут же засуетился, выгружая из коробочек и пакетов ту снедь, которую собрала Сашка. Илья все же предложил пиво (старшие товарищи согласились) и дальше пошли нормальные мужские посиделки в бане без политики и планов преобразования страны. Пиво я всё же не стал пить. Это Владимира Ефимовича и Владимира Петровича личные водители отвезут. Илью на служебной машине гаишники тоже не рискнут тормозить. А ко мне могут придраться. Конечно, выкручусь, но зачем привлекать внимание?

Домой вернулся поздно, но Сашка ждала. Спросила на всякий случай, не голодный ли я. Кратко пересказала события дня, что делала, где гуляли с Ромкой, о чём с тёщей беседовала по телефону. Попутно намекнула о том, что лето приближается. Спросила, какие у меня на него планы.

— Скажи, куда хочешь, туда и отправимся, — широким жестом пообещал я.

— Домбай! — выдала супруга.

— Ромку взять с собой вряд ли получится, — усомнился я в правильности выбора туристической поездки.

— Мы же ненадолго, дедушка с Ромкой посидит. Мама рассказывала, как одна её знакомая ездила в Домбай. Там канатная дорога и вообще красиво.

— Красиво, — согласился я, прикидывая, что мог бы взять этюдник. Да и Ромку, наверное, тоже.

Мы же не как альпинисты по горам будем лазить, а культурно с туристами пройдемся по красивым местам. Решено. Будет Сашке Домбай и воспоминания на последующие годы. Слишком скоро всё изменится в этом регионе. Пусть насладится незабываемыми видами.

Илью моё предложение как провести часть отпуска немного озадачило.

— Не уверен, что моя Люда захочет. Ей больше нравятся места, где много магазинов.

— Было бы предложено, — немного обиделся я.

— Планируй отдых на начало июня. У тебя в это лето будет много командировок, — напомнил Илья и с завистью в голосе добавил: — Мне бы такие.

Про командировки в санатории ЦК это он правильно заметил. Безусловно, полноценным отдыхающим я не буду. Владимир Петрович устроит меня в качестве какого-то персонала. Договариваться насчёт портрета и очаровывать Машерова придётся самому. Но вначале отдых с семьёй и поездка в Домбай.

С Семичастным я больше не встречался. Он уехал на Урал. Если и хотел задать какие-либо вопросы, то отложил это на более позднее время. Зато Владимир Петрович не отставал, вылавливая меня на прогулку чуть ли не каждый вечер. Всё-то ему было интересно узнать. Допытывался, как и почему развалился Советский Союз. Отвечал я честно, что имею личное субъективное мнение, которое уже предоставил. И вообще мы уже вступили на развилку, история меняется. Но то, что национальный вопрос скоро заявит о себе, я ничуть не сомневался и рассказывал об Узбекистане, Таджикистане и Туркмении начала двухтысячных.

— Не верю, чтобы наши советские женщины позволили себя в паранджу, или что там у них, у мусульман, наряжать!

В ответ я пожимал плечами. Ну а вдруг всё изменится?

Чтобы Сашка не придумывала себе невесть что, я брал на прогулки с дядей Вовой Ромку. Он наших «взрослых» разговоров не поймёт, а для любого наблюдателя хорошее прикрытие. Моя просьба помочь с путёвкой в Домбай Владимира Петровича немного удивила. Он даже решил, что я опять что-то из своего послезнания использую.

— Жена захотела, — пояснил я.

— По нашей системе не обещаю... разве что сам всё оплатишь, — предложил генерал.

— Не вопрос, — заверил я. — Главное, чтобы начало июня.

— Это и так понятно. Машеров двадцать шестого числа прибудет в «Сосновый бор». Тебе нужно быть там дня за два раньше, чтобы освоиться и осмотреться.

«Сосновый бор» — дача для партийной элиты. Само расположение на высоте более тысячи километров подразумевало, что человек будет испытывать некоторую кислородную недостаточность. Почему туда позже направят Черненко, страдавшего эмфиземой лёгких и чувствовавшего нехватку кислорода даже в обычных условиях, я вообще не понимал. Впрочем, всё так было в прошлой жизни и менять я ничего не собирался. У меня на повестке дня отдых с семьёй.

Решить вопрос с путёвкой в Домбай, Тебердинский заповедник и далее по маршруту до Махачкалы проблем не возникло. Это же не курорты Черноморского побережья. Отдых и экскурсии в Карачаево-Черкесии и Дагестане были для любителей или тех, кто не смог поехать в отпуск в другое место. На всякий случай дядя Вова вручил мне телефоны (рабочий и домашний) какого-то знакомого комитетчика по имени Гюрге, но я не думал, что мне его помощь понадобится. Кавказ в эти годы очень гостеприимное место.

Экскурсия в основном была автобусной и начиналась в Минеральных Водах, куда нужно было добраться своим ходом. Я предпочёл купить СВ купе. Ромку мы всё же взяли с собой. Пацану почти четыре года, что-то запомнит, да и оставлять его в душной и пыльной Москве не хотелось.

Состав нашей туристической группы получился разномастным. В основном, конечно, те, кто жил неподалёку от Минеральных Вод. Но была одна пара из Белоруссии и наше семейство из Москвы.

— Ничего, ещё подружимся, — оглядела опытным глазом Сашка группу.

Экскурсовод, обаятельная дама лет сорока, попыталась сразу наладить отношения между экскурсантами, но безуспешно. Так-то все внимали Светлане Ивановне,

добросовестно пилились в окна, слушая историю этого региона, но становится сплочённым коллективом не хотели.

— Слово «доммай» по-карачаевски означает «зубр». Когда-то в домбайских лесах бродили целые стада могучих великанов. Название самой высокой горы в этом районе Домбай-Ёльген. На языке исконных жителей этих мест, карачаевцев, означает «убитый зубр». Существует и другая версия, согласно которой Домбайская поляна была названа в честь охотника по имени Доммай, который, преследуя туров, убил зверя, но не удержался, упал с высокой горы в пропасть и разбился, — вещала экскурсовод.

Наконец поток красноречия женщины иссяк. Всё что можно она нам поведала, а до гостиницы ехать и ехать.

— А давайте споём! — предложила Светлана Ивановна и в очередной раз не достигла результата.

Ну в самом деле, мы же не дети из пионерского лагеря, чтобы хором песни распевать.

— Ромочка, может, ты нам споёшь? — присмотрела женщина самого маленького экскурсанта, оказавшегося единственным ребёнком в группе.

— Не... я песни не очень... стихи могу прочитать, — солидно сообщил Ромка и сполз с моих коленей, чтобы взять микрофон у экскурсовода.

Стихи с Ромкой дедушка разучивал, и я примерно предполагал, какой нас ждёт репертуар. Роман мои ожидания оправдал и начал с Твардовского. Это вам не какие-то Тани, уронившие в речку мячик, а нормальные пацанские стихи. Затем сын перешёл на Симонова.

— Был у майора Деева
Товарищ — майор Петров,
Дружили еще с гражданской,
Еще с двадцатых годов,

— выразительно читал Рома. — Здесь я немного забыл... — и что-то пробормотав, продолжил: — Держись, мой мальчик: на свете два раза не умирать...

После «вечера поэзии» Светлана Ивановна всё же «раскрутила» нашего сына на песни. Вяленько, но группа стал подпевать «Кузнечнику», затем хором спели «Улыбку». И таки раскочегарились! Ромка снова занял место у меня на коленях, а народ уже сам горланил песни. И запевалы нашлись, и репертуар сложился неплохой. В Карачаевск мы въезжали в приподнятом настроении.

— Девушки и женщины, — снова взяла в руки микрофон Светлана Ивановна, — напоминаю, что вечером выходить из гостиницы по одному человеку не рекомендуется.

— Горячие джигиты поджидают? — хохотнула одна из девиц.

— Во избежание неприятностей, — попросила экскурсовод, а водитель автобуса осуждающе посмотрел на ту девицу, что не прислушивалась к разумному совету.

Водитель потом ещё что-то пробормотал вслед, и Ромка тут же сделал стойку. Думаю, не нужно говорить, что на английском сын болтает как на родном языке. Понемногу я ему и испанский стал добавлять. Слух у Ромки отличный. Его бы в музыкальную школу отдать, но посмотрим, как оно дальше сложится. В общем, любые иностранные слова сын любил и, услышав нечто незнакомое, полез к дяде с вопросами. Уже через пять минут он выяснил, что водитель у нас аварец, и даже успел фразу запомнить: «Эй, левас, хим босе» или как-то так.

На мой вопрос, что это означает, Ромка развёл руками.

— Эй, мальчик, принеси воды, — со смехом перевела экскурсовод и, проверив салон автобуса на предмет забытых вещей, попросила всех собраться у входа в гостиницу. После размещения нас ждала пешая экскурсия по городу, затем ужин и свободное время до утра.

Нашему же Ромке приглянулся водитель, как носитель незнакомого языка. На следующий день он от него не отставал. На остановках, когда экскурсантам предлагали немного размяться и посетить туалет, сын донимал аварца. Выучил скороговорку, которую смог воспроизвести достаточно похоже, и это притом, что русском языке нет таких звуков.

— Мам, пап, слушайте, — решил порадовать Рома своими умениями. — Микъазаралда микънусиялда ункъоялда микъго къверкъ къвакъвадилеб букланила къода гъоркъ.

— И что это означает? — заинтересовалась Саша. — Какой-то набор смычно-гортанных звуков.

— Не... это скорее велярные, задненёбные согласные, — не согласился я с женой. — А Ромка рассказал, что 8888 лягушек квакали под мостом.

— Папа, ты знал! — возмутился сын.

— Рома, ещё раз повтори, — попросила Сашка и вскоре вынесла вердикт: — В слове «микъ» скорее это взрывные глухие верярные согласные.

Вдаться в дебри фонетики и фонологии я не стал, зато пояснил, что на самом деле диалектов аварского языка много. Нужно будет потом спросить, из какого именно района наш водитель.

Пока стояли на трассе, я продолжал просвещать Сашку по истории Дагестана. Застряли мы на дороге по довольно банальной причине — осёл встал поперёк пути. Его погонщик сидел на обочине, мирно покусывал травинку и не торопился как-то сдвинуть животное. Осёл стоял понурившись и опустив голову. На громкое бибиканье автомобилей не реагировал и создал уже приличную пробку. объезжать его получалось только с одной стороны, слева ближе к обрыву, рисковали прошмыгнуть машины помельче. Наш автобус подобный манёвр совершить не мог, а встречные автомобилисты не спешили уступать дорогу экскурсионному транспорту.

И снова мысленно я вернулся к Дагестану. В прошлой реальности будучи студентом мне доводилось бывать в том регионе. Это нас, художников, на пленэр так далеко завезли. Подобных упрямым ослов в высокогорных районах Дагестана мы не встречали. А дороги там между аулами могли быть совсем узкими. Студентов доставили на барже по Сулаку до села Гимры. После мы ещё поездили по Унцукульскому району на ПАЗике. Чтобы мы могли попасть спокойно из одного места в другое, рано утром отправляли подростка на велосипеде. Тот предупреждал местных жителей, чтобы никто не ехал навстречу, потому что будет двигаться автобус. Разминуться на той дороге не получится.

Вообще на Северном Кавказе много красивых мест. Во время чеченской войны туристы почти забудут тот же Домбай, но позже туда потянутся всевозможные альпинисты и экстремалы.

— Домбайская поляна расположена у подножия Главного хребта Кавказских гор, — продолжила вещать экскурсовод, как только мы обогнули препятствие в виде осла. — Находится она на высоте 1650 метров над уровнем моря... Во время Великой Отечественной войны здесь шли кровопролитные сражения. Мы сейчас остановимся для осмотра музея памяти погибшим.

Музей оказался небольшим и был посвящён не только солдатам ВОВ. В подобных

экскурсионных маршрутах патриотическая составляющая обязательно должна присутствовать. Мы дружно прослушали о подвигах и о том, что в предыдущем году ледники сильно таяли, обнажив то, что скрывалось под снегом. Экспозиция музея пополнилась оружием и обмундированием погибших советских солдат, которых неподалёку захоронили.

Ромка, конечно, с трудом воспринимал этот поток информации. Маловат он для подобных путешествий. Хотя позже обрадовался канатной дороге. Правда, там имелись ограничения по возрасту. Но как обычно, это решалось небольшой денежной купюрой и мне разрешили посадить сына на колени.

— Ой страшно, страшно, — не то восхищалась, не то действительно боялась Сашка.

Запоздало и я сообразил, что ребёнок может испугаться высоты.

— А кто в этом лесу живёт? — храбро уточнил Ромка, разглядывая сверху окрестности.

Хвойные красавицы, над которыми нас несла канатная дорога, поражали толщиной стволов.

— Волки, рыси, горные козлы, лесные кошки, лисицы, — повторил я то, что ранее услышал от Светланы Ивановны.

Первая канатная дорога закончилась, и мы, прослушав очередное повествование экскурсовода, отправились на следующую трассу, поднимаясь всё выше.

Сашка продолжала восхищаться видами и особенно тому, что в горах стоит «летающая тарелка» — стилизованная под неё гостиница альпинистов. Мы пофотографировались, прикупили у местных уже готовые фото Эльбруса, хребта «Спящая красавица». Супруга попутно получила массу комплиментов и моё тихое возмущение наглостью местных парней.

На обратном пути канатная дорога вдруг замерла на месте. Наши кресла зависли на высоте пятидесяти метров. Так-то, конечно, кругом красиво, но неприятно. Из всей страховки куца цепочка поперёк живота. Тут ещё какие-то придурки стали раскачивать сиденья и громко гоготать.

— Женщины! — прокричал я дамам, сидящим позади нас. — Передайте тем идиотам, что, когда сойдём с канатной дороги, я им морды набью!

Ромка маленькой обезьянкой вцепился в меня и испуганно повторял: «Папа, мы же крепко держимся, не упадём?»

— С чего нам падать? Смотри, какие крепкие тросы, — пытался я отвлечь сына.

— А колёсико не сломается? — уже всхлипывал Ромка.

Минут через пятнадцать движение возобновилось и все успокоились. Про своё обещание кому-то начистить рыло я и позабыл. Другие вопросы появились. Ромке и Сашке срочно в туалет приспичило. А экскурсионных групп, кроме нашей, приехало ещё две. Естественно, возле женского туалета очередь образовалась. После, в автобусе, мы немного обсудили причины остановки канатной дороги, да и переключились на другие события дня.

Можете представить то удивление, которое я испытал, когда вечером в номер гостиницы настойчиво постучали. А после попросили гражданина Петрова пройти с двумя милиционерами в специальную комнату при гостинице.

Документы и своё удостоверение я успел взять, но сразу козырять ими не стал, поскольку знал, что не факт, что это поможет. Противостояние КГБ и МВД всем известно. Ожидавший меня мужчина был в форме милицейского капитана и начал разговор со странной фразы:

— Ай, как нехорошо! Ты к нам гости приехал, а ведёшь себя не как подобает.

Слушал я молча и никак не мог понять, что именно случилось.

— Брат звонил. Ты его сыну куртку порвал, слова нехорошие говорил, — продолжил капитан.

После этих слов мои брови поползли вверх. Мне понадобилось несколько минут, чтобы полностью въехать в ситуацию. Тех парней, которым я пригрозил, кто-то всё же отметелил. Описание обидчиков у милиционеров имелось размывчатое — мужчина с женой и сыном. То, что я и близко не подходил и даже не помню, как выглядят парни с канатной дороги, роли не играло.

— Жена у тебя красавица, оставь погостить, — подключился к беседе милиционер, забиравший меня из номера. При этом он интересно поигрывал шариковой ручкой. И движения такие, словно привык нож подкидывать. Когда, скотина, успел рассмотреть жену?

— Товарищи, давайте разберёмся, — предпринял я попытку разрулить ситуацию мирным путём. Даже за порванную куртку решил выплатить компенсацию. Но похоже, денежный вопрос никого не интересовал.

— Махмуд, пусть дорогой гость с сыном едет. У вас экскурсия? Что там, Кисловодск дальше? Жена у нас побудет, отдохнёт.

— С чего ей отдыхать в обществе посторонних мужчин? — невольно сглотнул я слюну, чтобы прочистить пересохшее горло.

— СлЮшай, шубу ей подарю, кольцо с камнем, — с сильным акцентом произнёс мент с шариковой ручкой. Не то прикалывался, не то серьёзно предлагал он.

Капитан не вмешивался и что-то строчил на листке бумаги.

— Не согласится жена, ты у нас гостить останешься. Надолго, — перешёл к другому уровню угроз мент.

— Жена и сын уедут, — обозначил я свою позицию.

— Ай! Дарагой, подожди, я её сам спрошу, какую она шубу хочет, — поднялся мент и вышел из кабинета, дав указание тому, кто стоял за дверью, чтобы не пускал внутрь посторонних.

— Телефон у вас городской? — тем временем обратил я внимание на нужный предмет на столе.

— Решил в Москву позвонить? — усмехнулся капитан.

— Зачем? Мне и в Карачаевске есть кому звякнуть.

На последнем слове я резко поднялся и, схватив за волосы мужчину, долбанул его носом в столешницу и тут же применил удушающий приём, чтобы не успел позвать помощь. Пусть он и весил больше меня килограммов на двадцать, но спортом давно не занимался. Капитан попытался вырваться, но из положения сидя, да ещё прижатый мордой к столу, мог только хрипеть.

У меня же левая рука осталась свободной. Ею я и стал набирать номер некоего Гюрге. Хорошо, что имею привычку заучивать наизусть номера. К тому же сейчас они короткие. Запомнить пять цифр труда не составило. А вот долгие гудки в телефонной трубке чуть не ввели меня в панику. Хорошо, сообразил, что звоню на рабочий номер, а время-то уже позднее.

С домашнего мне ответили и я кратко сообщил о прошествии.

— Буду минут через десять, — ответил рекомендованный Владимиром Петровичем мужчина.

— Итак, товарищ капитан, — освободил я своего пленника от захвата и вынул из кармана удостоверение КГБ, — теперь поговорим серьёзно.

Тот хотел что-то вякнуть возмущенное, но из коридора послышался Сашкин крик:

— Пустите меня! Не трогайте, не имеете право!

Вылетел я из кабинета, не заметив, что дверь кто-то охранял снаружи. И сразу оценил картину целиком. Тот мент-козёл удерживал за локоть и толкал жену, а она отчаянно сопротивлялась, не желая куда-то идти. Тут со ступеней сверху раздался Ромкин крик:

— Мамочка!

— У... как всё запущено... — изобразил я полное спокойствие на лице. — Сотрудники милиции применили насильственные действия к семье майора госбезопасности.

И сунул документ теперь уже под нос тому менту, который остался у меня за спиной.

— Папа! — с воплем подлетел Ромка. — Дядька маму за волосы хватал!

Тут уже моя напускная выдержка треснула. В два шага я оказался рядом ментом и врезал так, что сам еле сдержал крик. Больно, блин! Парочку зубов я точно выбил. Они с характерным звуком стукнулись о стену, а следом раздался грохот упавшего тела.

— Саша, сзади! — крикнула жена.

То, что я неосмотрительно оставил позади двоих, и сам понимал. Увернуться не успевал, зато неплохо сделал подсечку. Пусть я не чемпион по самбо и дзюдо, но годы тренировок помогли. Уронив одного, этим телом словно кеглю сбил капитана, ну и сам, конечно, упал.

— Папа! Папа! — перешёл на ультразвук Ромка и... блин... кинулся меня выручать. А Сашка следом. На полу образовалась куча мала.

— Не трогай папу! — вопил сын.

— Сашенька, Саша! — дурным голом орала жена.

Местные менты тоже не молчали, но кричали что-то на своём языке. Только один, тот, кого я нокаутировал, лежал смирненько поперёк коридора. Не знаю, чем бы наша драка закончилась, но тут подоспела «кавалерия». Откуда-то разом прибавилось народа.

— Комитет госбезопасности! — услышал я чей-то голос у себя над головой.

— Да что же это делается?!

— Женщину избили и ребёнка!

— Вон он, хулиган!

— Это папа, а не хулиган! — сориентировался Ромка и, не дав мне подняться, обхватил за шею и так громко заревел, что я думал, оглохну.

Успокаивать Ромку пришлось с четверть часа. Как раз за это время успели немного разобраться, что и чего. С трудом оторвав от себя сына, отправил их с Сашкой в номер, а сам продолжил общение с местными силовыми структурами.

Из гостиницы мы вышли и расположились возле «Волги» Гюрге. Менты вид имели потрёпанный. У капитана нос разбит и возможно сломан, у того мента, что стоял за дверью, морда расцарапана. Когда Сашка успела его так разукрасить, я и не заметил. Повезло, что он был мной прижат и не успел дать сдачи. Третий вообще с трудом собирал глаза в кучку.

Взаимных претензий у нас образовалось много. Но прежде всего выяснили, что тех парней, из-за которых весь сыр-бор начался, я не трогал и не видел. Если они и получили от кого-то звездюлей, то точно не от меня.

— А нападение на сотрудника... — начал капитан.

— А незаконное задержание майора КГБ... — точно таким же тоном ответил я. — Насильственные действия над семьёй... Продолжить? Там свидетелей с десятков наберётся и все завтра напишут, как ты избивал четырёхлетнего ребёнка. Не веришь?

— Верю, — разом помрачнел капитан.

Что ни говори, но у нашей системы в эти годы возможности очень большие. К тому же на моей стороне выступал таинственный Гюрге. Ни его должностью, ни званием я не успел поинтересоваться. Подразумевалось, что мы друзья и спрашивать такие вещи неудобно.

Потратив на взаимные упрёки в общей сложности полтора часа, разошлись мирно. Запоздало меня начало потряхивать. Администратора в коридоре гостиницы я попросил принести в номер чай. Дама заявила что-то против, типа время позднее. А я же всё ещё на взводе был. Корочку комитетскую под нос сунул.

— Это ваша культура обслуживания? — прошипел я. — Так я вам другое место работы найду, гораздо севернее этого региона.

Напугал тётку так, что она заикаться начала, но чай пообещала. В номере же ко мне сразу кинулись мои «защитники».

— И чего мы не спим? — попенял я.

— Папа у нас герой, — прижалась с одного боку Сашка, давая Ромке возможность забраться на колени.

Я же кратко рассказал, что именно случилось, почему произошла такая ошибка.

— Не думаю, что они правда хотели тебя как женщину. Пугали, — уверенно заявил я.

— Он мне такие гадости говорил, — пожаловалась жена на мента.

Тут нам принесли чай и мы переключись на него. Ромка продолжал храбриться, заверяя, что не даст меня в обиду. Погнал этого защитника в ванную и затем в кровать. Сам же долго не мог уснуть, перебирая в памяти события дня.

К моему удивлению, провожать нас утром к автобусу приехал Гюрге.

— Александр, не держи зла, — пожал он мне руку и всучил огромный пакет.

— Здесь покушать, вино, коньяк, здоровье поправить, — хмыкнул он. — Извинения. Ты, конечно, был в своём праве, защищал жену. Я этим... — изобразил неопределённый жест Гюрге. — Уже пояснил, как они плохо гостя приняли.

По нашей экскурсионной группе новость о вечерней драке уже разошлась. Ромка всем заинтересованным лицам успел рассказать, как «мы дядей милиционеров били». Нужно будет потом с ним отдельно побеседовать на эту тему, чтобы всем подряд не рассказывал. Насколько это у меня получится, не знаю, но дети быстро переключаются на другие события, забывая предыдущие.

На самом деле на тех идиотов я уже не злился. Дураков везде хватает, независимо от национального признака. Кавказ сейчас гостеприимное место. Я это на себе испытал в прошлой реальности. Жаль, нашей экскурсией не предусматривалась поездка к реке Сулак и Сулакскому каньону. Он, между прочим, глубже Большого каньона в США на несколько десятков метров. Когда плывёшь по водохранилищу, а вокруг всё выше и выше поднимаются скалы, то ощущения весьма волнительные. В мои прошлые студенческие годы доводилось бывать в тех местах. В высокогорном селении, где мы проходили практику, пленэр, экзотика была ещё та. Первое впечатление, правда, было ошеломляющее.

Никто из нашего курса в подобных поселениях ранее не бывал. Почти все были городскими жителями европейской части страны. А тут вдруг нас привезли в место, где глинобитные дома, отсутствует водопровод, ходят женщины, закутанные в национальные платки, и в кувшинах воду носят. Плюс минарет, мулла и население поголовно мусульманское. Не только мне, но и всем нашим студентам показалось, что мы оказались в прошлом лет на сто назад, а то и на все двести. Ага, попаданцы, блин. Хотя тогда такого слова не знали.

Провожатый провёл нас по всему селу Гимры, чтобы познакомить с жителями и показать где и что. Прошли мы мимо местного кладбища, аксакалов, словно сошедших с экрана фильма «Белое солнце пустыни», и вывернули на небольшую площадку с магазином. И тут — о-па! Надпись на торце дома — «Слава КПСС!» Во как! Сразу настроени поднялось. Дошла и сюда цивилизация.

Жители оказались действительно дружелюбными. Закармливали нас фруктами и очень обижались, если не съедали вынесенный тазик с персиками или абрикосами. О гостеприимстве жителей Кавказа я продолжил рассказывать Сашке.

Наша экскурсионная поездка завершилась в столице Дагестана Махачкале. Супруге город и Каспий не понравились.

— Волн нет, медузы мелкие, — пожаловалась она на море.

— Волны на Каспии бывают, но мы попали в такую погоду, — заверил её.

Про медуз я вообще не понял. Мне самому только художественный музей не приглянулся. Но больше всего напрягла гостиница, где мы остановились. Одна из девиц нашей группы не иначе позавидовала Сашкиной популярности и согласилась на интимное свидание с одним из местных парней.

Поясню, что такое гостиница советских времён. Это самое настоящее режимное

заведение. Любые гости могут находиться в номере до одиннадцати вечера. А уж если гость противоположного пола, то администратор будет особенно бдить.

В первый же вечер в Махачкале мы стали свидетелями некрасивой сцены, когда в 23.00 администратор удаляла гостя из номера напротив. Вначале она долго и громко стучала. Затем воспользовалась своим ключом, пригласив мужчин с повязками ДНД на рукавах, что в очередной раз меня удивило. Никак администратору мало заплатили или вообще не дали «на лапу», что она такое рвение проявила.

— Как не стыдно, посторонний мужчина в номере! Я вам на работу напишу! — орала она на весь коридор так, что разбудила Ромку.

Предполагаю, что дама из номера хотела урегулировать вопрос денежно, но предложила не ту сумму.

— А полотенце! Что вы с ним делали? Это что за пятна? — продолжала песочить незадачливую туристку администратор.

Насчёт пятен и полотенце я уже был в курсе. Сашка показала, что здешний паркет, покрытый особой мастикой, окрасил наши подошвы в жёлтый цвет. Упавшее на пол полотенце приобретало тот же оттенок. И судя по услышанному, это являлось дополнительным источником дохода сотрудников гостиницы. На всякий случай я повесил все полотенца повыше.

Администратор наконец разобралась с туристской и её кавалером, и мы смогли спокойно уснуть. С утра, правда, была проведена тщательная проверка номеров и тех самых полотенец. На одном из наших обнаружилось жёлтое пятно и дама попыталась что-то сказать. В ответ я продемонстрировал вначале жёлтые подошвы ног свои и сына, а затем удостоверение. Это чтобы и мысли не возникло требовать у меня компенсацию за их сомнительные услуги.

Ромка же устал от путешествия в целом и мало на что реагировал, забрасывая вопросами, когда к бабушке домой поедет. Я ему пообещал, что вскоре вернёмся.

Москва встретила прохладным дождиком. Сашке я сразу сказал, что у меня дела и командировка.

— Давай меня и Рому в Валентиновку, — согласилась она. — Там Никулины обещали в июле подъехать.

Отцу на июль я оформил место в санаторий Крыма, но жена заверила, что справится на даче сама. Да и тёща обещала навестить. Мы ещё чемоданы не разобрали, как приехали родственники со стороны жены. Ромку затискали, поохали, разглядывая сувениры, и в целом остались довольны тем, как я о семье забочусь.

— Мама, я теперь разбираюсь в том, как можно по повязанному платку определить национальность женщины, — делилась Саша впечатлениями. — Если вот так, то это чеченка. Если по-другому перекинут край, то это аварская женщина. О! Я тебе кулон унцукульский купила.

Отцу я приобрёл солидную трость, выполненную теми же мастерами из Унцукуля и украшенную мельхиоровой насечкой. Вообще-то сувениров купили много. Сашке захотелось, а я не возражал. Ромка хотел было рассказать про плохих милиционеров, но я его прервал, отвлекая на историю катания по канатной дороге.

Владимиру Петровичу я отчитался о нашей поездке и заметил, что в конце девяностых той жизни, что я помнил, всё случилось бы иначе. Понятие «кавказский пленник» вскоре станет не пустым звуком.

— Хорошо, что у нас нет этих кавказских джигитов, — пробормотала Саша, упаковывая вещи в багажник авто.

Конечно, в Москве выходцев из кавказских республик проживало много, но не в таком количестве, как это будет лет через двадцать. Они ещё не наглеют, торгуют на рынке и хотя задаривают симпатичных женщин комплиментами, агрессивности в их действиях нет.

Отправив жену и сына на дачу, я возвратился снова на юг в Кисловодск. Багажа в этот раз имел не в пример больше. Здесь и этюдник, и сумка с дополнительными художественными материалами, и два больших подрамника с холстами, ну и чемодан с личными вещами. Во мне уже издали можно было увидеть творческую личность.

— Это нам художника-оформителя прислали? — радостно воскликнул на проходной охранник.

— Угу, — невнятно ответил я и, прислонив к стеночке холсты, выудил свои документы с направлением.

Подразумевалось, что договариваться с Машеровым на портрет я буду сам. Дядя Вова и так сделал всё что мог. Попасть в это элитное место даже в качестве сотрудника необычайно сложно. То, что я комитетский, роли не играло. Некий ответственный товарищ, занимавшийся моим размещением, так и сказал. Мол, чтобы меня здесь не было видно и слышно, а за пределы территории лучше не выходить.

Возражать я не стал. У меня в сумке полно грунтованных картонок. Посижу попищу цветочки-кустики разные. Но так, чтобы главный корпус госдачи был виден. Вообще-то в Кисловодске много чего интересного можно было изобразить, но я же не за этим сюда приехал, чтобы лермонтовскими местами или Провалом любоваться.

О том, что с Машеровым написание портрета не было согласовано, я местной службе намеренно не сказал. Зато от начальника охраны потребовал сопровождения вечером двадцать шестого числа к Машерову.

— Пётр Миронович, нам с вами нужно договориться о графике написания портрета, — сразу озадачил я его после короткого представления. — Пусть ваш помощник выдаст мне список процедур, я вставлю в него свои сеансы.

Далее толкнул краткую речь о портретах ветеранов, которые готовлю в преддверии знаменательной даты.

— Лёня, согласуй тут с товарищем часы, — не стал отказываться и возражать Машеров, перекинув все обязательства на своего подручного.

Особо довольным от перспектив написания портрета он не выглядел, но знал такое слово, как «надо», а уж если партия сказала, то... Петру Мироновичу и в голову не пришло, что в этом элитном месте может находиться кто-то без распоряжения сверху.

— У вас обаятельная улыбка, — заметил я на первом сеансе позирования уже на следующий день. — Давайте попробуем отобразить не сурового партизана, а душевного человека.

— Вы художник, вам и решать, — не стал возражать Пётр Миронович.

В этот день я привычно просвещал человека, далёкого от искусства, о том, что делаю, для чего, используя много специфических терминов. Попутно прихвастнул, что мною был написан первый портрет Гагарина. И вообще я весь из себя молодец и талант, решивший по какой-то причине служить в КГБ.

Рекламная акция удалась на славу. Машеров заметно расслабился, похоже решил, что рисовать портреты таких людей как он поручают исключительно тем, кто связан с системой

и проверен по всем каналам.

— Майор? — уточнил он. — Неплохо вы со своим художеством в звании поднялись, — снисходительно отметил Машеров.

И снова я заливался соловьём, теперь уже рассказывая, как мне позировал Андропов, ещё более успокаивая Петра Мироновича. Поскольку портрет был ветерана войны (пусть и не парадный), то вскоре мы перешли на обсуждение тех годов.

— «Дубняк» — такая у меня была боевая кличка среди партизан. Или, как принято говорить, позывной, — рассказывал Машеров те сведения, которые давно не являлись секретной информацией.

Ненавязчиво я поинтересовался, сколько бывших партизан сейчас поддерживают первого секретаря, и получил в ответ назидательную лекцию о боевом братстве. В этот день ничего такого, что планировал, я не говорил. Основной разговор был запланирован через день. Потому послушал о том, как в столице Белоруссии открыли метро и вообще уровень благосостояния народа повышается. Голос у Машерова был приятный, с лёгким акцентом на шипящих звуках.

— С чем это вы смешиваете свои краски? — приняхивался Машеров во время следующей встречи. — Скипидар?

— Я их смешиваю с моими мозгами, Пётр Миронович. Разрешите представиться — лучший аналитик отдела анализа и обработки информации на Лубянке.

Машеров на меня покосился, но позу не поменял, видимо решил, что это я снова хвастаюсь.

— Товарищи, поручившие мне встречу с вами, хотят донести некую информацию, — продолжил я. — С уверенностью в 99 % в марте 1985 года скончается Черненко. Кандидатов на роль главы государства не так много, и вы один из них.

— Александр Дмитриевич, мне не нравятся те разговоры, что вы затеяли, — прервал меня Машеров. — Это, знаете ли, каким-то заговором пахнет.

— Чистые факты и аналитика, — возразил я. — От вас ничего не требуется. Никаких бумаг и документов я не буду передавать. Всё, что вы услышите, можете забыть.

— Так зачем ломать комедию?! — начал уже злиться Машеров. — Я свою охрану позову.

— И всё же... — попытался я смягчить ситуацию. — Сейчас я изложу выводы наших аналитиков по делу, совсем вас не касающемуся. В скором времени вы сможете убедиться, что они верные, и возможно поменяете своё мнение.

Пётр Миронович повёл плечом, намекая, что я могу триндеть всё что угодно, и ему это безразлично.

— В Индии по приказу Индиры Ганди была проведена операция по ликвидации сикхских экстремистов. Это приведёт к тому, что на саму Индиру Ганди будет совершено покушение не позднее октября этого года, — сделав небольшую паузу, я продолжил: — К концу осени этого года ЦК коммунистической партии Китая одобрит программу экономических реформ. Ещё... с вероятностью в 70 % министр обороны Устинов скончается в декабре.

На этой фразе Машеров повернулся всем корпусом ко мне, забыв, что вообще-то позирует.

— Позвольте, как это вы можете прогнозировать?

— Здоровье, стрессы, ответственная работа. Всё в сумме скажется.

— У КГБ в отделе аналитики господь Бог числится на полставки? — не поверил мне Пётр Миронович и сделал попытку встать, чтобы уйти.

— У вас будет возможность всё это проверить и узнать, — поспешил вставить я, судорожно вспоминая, что происходило летом 1984 года.

Как нарочно, ничего больше не припоминал. Много я отмечал, когда событие уже происходило и изменить было нельзя. Повезло перед началом отпуска засечь информацию о том, что в Москву приехал из Венгрии некий Роберт Стейн. Встречался он с Алексеем Пажитновым на предмет договора о лицензии на игру «Тетрис».

В другой реальности Пажитнов просто-напросто подарил созданную им игру. Сейчас это ему не позволили сделать компетентные органы. Лицензия была оформлена по всем правилам права на собственность. Никто в СССР заниматься какими-то электронными игрушками не собирался, но аналитику я оформил и даже добавил, что американцы и британская Microsoft не упустят такую возможность заработать. Опять же, повторюсь, эти сведения на данный момент никого не заинтересовали.

Чтобы заполнить паузу, я и пересказал эту историю Машерову, добавив, какие перспективы по развитию игровой индустрии видит наш отдел. Незаметно увлёкся. Да и Пётр Миронович слушал уже заинтересованно. От политики я удалился в такие области фантастики, которой считалось сейчас все, что было связано с компьютерами, что и сам не заметил, как пролетело время. И только напоминание охранника, что товарищу Машерову пора на полдник, вернуло меня в реальность.

— Вы неплохой собеседник, — приподнялся с плетёного кресла мой натурщик, разминая рукой затёкшую шею. — Когда мы там с вами продолжаем рисоваться?

Кажется, я поступил правильно, не став сразу напирать и вываливать информацию по членам Политбюро и прочим закулисным играм в ЦК.

К нашей следующей встрече Машеров много обдумал и явно решил, что иметь в услужении аналитиков КГБ, через которых проходит много разной информации, не так уж и плохо. К тому же я не стремился передать какие-то компрометирующие фото или документы.

Пётр Миронович сам стал задавать те же вопросы, что мы обсуждали на встрече с Семичастным. Почему тот, а не иной кандидат? Пришлось пояснять, отчего мы пришли к определённым выводам.

— У меня, знаете ли, тоже здоровье не очень. Одна почка удалена, — напомнил Машеров.

— И тем не менее лет десять активной работы наши аналитики вам дают, — оптимистично заявил я то, в чём совсем не был уверен. — На настоящий момент в Политбюро нет ни одного человека, кто мог бы похвастаться отличной формой. Почти все прошли через войну и это сказалось на здоровье.

Всего у нас получилось пять сеансов написания портрета. Свою задачу по налаживанию связи с Петром Мироновичем я выполнил. И он, похоже, начал уже прикидывать, как будет набирать свою команду.

— Александр, а когда у вас следующее звание? Майор всё же не та величина, чтобы мог присмотреть вам место в своих запасах.

— В сентябре получаю подполковника, — заверил я, мысленно ликуя, что у Машерова появились подобные мысли.

В Москве мой отчёт полностью удовлетворил Владимира Петровича. Он за это время

успел подобрать ещё нескольких ветеранов для моей портретной галереи. Честно говоря, я думал, что это будут некие товарищи из КГБ. Но генералу удалось уговорить ни много ни мало, а маршала, первого заместителя Министра обороны Сергея Леонидовича Соколова.

— Чего мне это стоило, и не спрашивай, — просветил дядя Вова. — Задачу ты знаешь: произвести хорошее впечатление. Так чтобы запомнился. Никакой аналитики и предсказаний ему не даёшь.

На самом деле мы не были уверены, что именно Соколов станет следующим Министром обороны после смерти Устинова. Какие-то изменения с моим появлением уже произошли. Исторический процесс, может, уже отклонился. Рассуждая логически, другого человека, кроме первого зама, поставить не могли, но всякое может случиться.

Каких-то особых симпатий к Соколову я не испытал. Пусть не он принимал решения, но именно Соколов возглавлял оперативную группу по вводу советских войск в Афганистан. За Афганистан кто-то получил свинцовый гроб, а Соколов звание маршала.

С первой же нашей встречи у него в кабинете я понял, что это ещё тот волчара. Написание портрета в «домашней обстановке» Соколов сразу отмёл.

— Я работаю с документами, вы в это время рисуете, — поставил он задачу.

— Очень неплохо, — засиял я радостной улыбкой. — На заднем плане обстановка кабинета. Часть стола и вы, поглощённый работой.

Что-то маршалу в моём предложении не понравилось и он потребовал «маленькую картинку». Несколько вариантов эскизов я предоставил через час. Соколов выбрал один и назначил следующий день для встречи.

— В среду после совещания с одиннадцати до половины первого. Затем у меня приём и не до ваших глупостей.

Что я лишний, видел и сам. Человек занят, а тут вместо нормальной работы приходилось терпеть не только постороннего в кабинете, но и сопутствующий запах.

Правда, человек существо тщеславное. А дослужившись до таких погон, Соколов приобрёл такую слабость. То, что стало вырисовываться на полотне, ему определённо приглянулось. Обстановку кабинета я писал вечером после восьми часов под пристальным вниманием адъютанта. Освещение было немного не то, но я надеялся поправить его на последних сеансах.

Чтобы уже совсем сократить время, попросил адъютанта попозировать. Погоны на кителе я поменяю, но мне нужен был натурщик на том месте, где сидел министр.

— Петров-Увахин, а вы известный художник, — выдал мне на третьем сеансе Сергей Леонидович.

В этот день он не столько занимался своими делами, как забрасывал меня вопросами, да ещё заковыристыми такими.

Через какое-то время я с удивлением понял, что как аналитик Соколов очень неплох. Напрямую он ни о чем не спросил, но определённые выводы сделал.

— К Дмитрию Фёдоровичу комитетские не смогли пробиться? — усмехнулся он, подразумевая, что написать портрет Устинова у меня не получилось.

— Да как бы и не рвался я, — заметил осторожно.

— И почему? — внимательный взгляд.

— Команды не было, — ушёл я от прямого ответа.

В общем, написание портрета этого хищника далось мне нелегко. Соколов точно понял, что с ним ведут какую-то игру. Меня подвели, но для чего, он не знал, поскольку не хватало

фактов. Надеюсь, что с приходом к власти Машерова мы окажемся в одной лодке.

А у меня следующий на очереди в портретной галерее Иващутин Пётр Иванович — начальник Главного разведывательного управления СССР.

На самом деле я и не надеялся, что попаду к Ивашутину. Мало ли что там Владимир Петрович с Семичастным запланировали. Они как-то ненавязчиво задвинули меня на вторые роли, решив, что умнее и старше не только по возрасту, но и по званию. Пока я не высовывался со своими амбициями, с советами не лез, оперируя только тем, что знал наверняка.

По этой причине сильно удивился тому, что у меня в списке портретов ветеранов оказался Ивашутин. Не та я величина, чтобы генерал армии с каким-то комитетским художником встречался. И как потом оказалось, зря я недооценил разведчиков. Они тоже ребята шустрые. Некую суету в моём лице вокруг известных личностей заметили и доложили куда нужно. И когда Владимир Петрович предпринял первые попытки сблизиться, то моментально получил разрешение.

— Не дураки, — ответил на моё недоумение дядя Вова.

Мало того, начальник Главного разведывательного управления ещё и подготовился, предложив (через своего помощника) место для написания портрета. Я как узнал, то сразу решил, что Сашка мне не поверит: типа это я по работе в Сочи улетел, а этюдник с собой как легенду прикрытия прихватил. Хорошо, что я их с Ромкой в Валентиновку уже отправил, и супруга не видела, как я пакую в чемодан плавки и прочие пляжные вещи. Хотя на самом деле я не надеялся позагорать и насладиться курортом. Мне и в нашем ведомственном доме отдыха выделили место чуть ли не «в чулане под лестницей». Времени устроить более приемлемое жильё не успели. Но эти все бытовые дела были вторичны. Не для этого я в Сочи ехал.

То, что Пётр Иванович обладает уникальной памятью на лица и события, я и до этого знал. И был неприятно поражён, насколько он в курсе моей биографии. Предполагаю, что к нашей первой встрече Ивашутин специально подготовился. Наверняка на меня отдельное досье заведено. Но так оперировать именами, датами и фамилиями, как он, без шпаргалки, лично я бы не смог.

— Удивлён, что художник Петров-Увахин предложил запечатлеть меня на портрете, — с елеем в голосе поведал генерал армии. — Очень хочется оценить эти ваши таланты. О других я в курсе. Один Поляков чего стоил. Разведку бьют, когда мы проигрываем, и редко признают, когда мы правы.

Я продолжал молча раскладывать художественные принадлежности, слушая Ивашутина. Решил он поддеть меня, пусть попробует. А я в отместку даже не буду спрашивать пожелания к портрету. Как сидит за чайным столиком, таким его изображу. Хм... а вообще неплохо должно получиться. Лицо практически в контражуре, солнечные блики на столешнице, натюрморт живенький из бутылки минеральной воды и стакана, генерал такой весь румяный. Никак на пляже уже побывал. Лысина, конечно, блестит, но я рефлекс приглушу.

«Пётр Великий», как его уважительно называют ГРУшники, продолжал «наводить мосты». Недоумение генерала я понимал. Он очень крупная величина в стране. К тому же противостояние ГРУ и комитетских общеизвестно. Как Андропов всегда выступал на защиту «своих», так и Ивашутин вникал в любую ситуацию, связанную с его офицерами. Именно при нём ГРУ стала одной из мощных спецслужб мира. И вдруг меня к нему подвели, и не от

самого главного комитетчика, а от кого-то пониже, с непонятными действиями и поступками.

— Неужели вы и вправду настолько хороший аналитик, как мне написали? — продолжал Ивашутин.

— Даже лучше, — не моргнув глазом заверил я. — Руку на подлокотник верните. Ага. И чуть кисть вправо. Отлично!

— И каких ещё генералов тебе поручили нарисовать? — не стесняясь гнул своё начальник ГРУ.

— Кроме вас, больше никого. Остальные личности просто ветераны для пополнения галереи, — ответил я.

— Ну-ну... — не поверил Ивашутин.

Какое-то время он молчал, я тоже. Только стрекот цикад и шуршание моего рисовального угля прерывали тишину. Как такового плана беседы у меня не было. Владимир Петрович предложил импровизировать, исходя из ситуации. Посвящать во что-то начальника ГРУ мы не собирались. Достаточно было намёка на сотрудничество.

— У нас аналитики не хуже, — очнулся от своих дум Ивашутин.

— Ваши анализируют в основном то, что происходит за рубежом, — заметил я. — Не будем брать контрразведку и примем как данность, что о ситуации в стране вы имеете весьма поверхностное впечатление.

— Ты, майор, зря так думаешь. И про очереди в магазинах, и про дефицит товаров, который у нас некоторые товарищи называют предметами роскоши, а сами не прочь приобрести это в двухсотом отделе ГУМа, я в курсе. Не думай, что я вижу жизнь простых людей из окна своего автомобиля или кабинета.

— Про национальные выступления тоже знаете?

— А вот это уже в вашей комитетской компетенции. КГБ для того и создан, чтобы всяким националистам головы сносить, — заявил генерал и, позабыв напрочь о позировании, набулькал себе минералки в стакан. — Тёплая, — скривился он и стал озираться по сторонам, ища того, кто принесёт прохладный напиток.

Я терпеливо ждал, отложив рисовальные принадлежности. Напоминать Ивашутину, что он в роли натурщика, посчитал неуместным. Главный разведчик и сам понял, что отвлёкся, и поспешил занять прежнюю позу.

— Подбородок чуть выше и руку левее, — поправил я.

Снова продолжил своё дело, стараясь не морщиться от того, что Ивашутин то и дело крутит шей или почёсывается.

— Отчего иногда могу сидеть с документами и не двигаться по часу, а тут, как нарочно, всё тело зудит, — извиняюще заметил он.

— Бывает, — ответил я. — Вы же не профессионал в этом деле. Многие сталкиваются со схожими проблемами. Самое сложное детей рисовать. Те постоянно крутятся и более семи-десяти минут спокойно усидеть не могут.

— Сравнил тоже... — немного обиделся генерал и замер не шевелясь. Как специально, какая-та мошка поползла по его лысине, доставляя дискомфорт, но тут было дело принципа. Пётр Иванович мужественно терпел и не двигался.

— Представьте себе такую фантастическую ситуацию, когда СССР распадается на независимые государства, — начал я рассказывать «сказку». — Грузия, Украина, Литва, Молдавия и так далее. Все со своей национальной денежной валютой, своим

правительством. Как это скажется на экономике бывшего пространства Советского Союза?

Ивашутин прищурил один глаз, резко смахнул рукой надоедливую мошку и снова замер, не прерывая меня.

— Вот, к примеру, супруга моя прошлым летом ездила на экскурсию по Эстонии. Есть там на севере городишко Кивиыли. Населения всего одиннадцать тысяч человек*. Примечателен этот город только тем, что имеет сланцехимический комбинат. Думаю, вы видели или жена покупала стиральные порошки «Лотос», «Кристалл», «Астра»? Их именно там производят.

Ивашутин кивнул, подтверждая, что знает эти названия.

— Частично сырьё получают из Новокуйбышевска, каустическую соду из Казахстана, отдушку из Киришей, не помню, какие именно компоненты из Славянска и Ангарска.

— Порошки и шампуни на том заводе вторичная продукция, они по военному спецзаказу пенообразователь для тушения пожаров производят, — проявил знание предмета генерал.

— Даже так? — удивился я. — Впрочем, это неважно. Главное, что продукция востребованная. И что случится с этим комбинатом, если вдруг Эстония захочет отделиться от Союза? Прервётся налаженная система поставок сырья, оплаты и прочее.

— Ерунда, — потянулся Ивашутин и встал. — На сегодня закругляемся с позированием. И своим начальникам передай, что эти все фантазии не только вредны, но и диссидентством пахивают.

Возражать я не стал и послушно стал складывать художественные принадлежности. Попишу чуть позже виды пляжа и какую-нибудь пальму, надеюсь, что позирование и разговор с генералом мы продолжим на следующий день. Мои надежды оправдались.

— Так что там у вашего отдела аналитики по союзным республикам? — первым задал вопрос Ивашутин.

Этого я только и ждал, чтобы начать перечислять собранный материал. Специально зубрил.

— Национальные меньшинства в Грузии заслуживают пристального внимания, — начал я. — Осетин, проживающих на территории Юго-Осетинской автономной области, а также абхазцев грузинские неформалы не считают коренными жителями по причине того, что переселились они на эти земли в XVII веке. Армяне и азербайджанцы также подвергаются моральному давлению.

Продолжая делать подмалёвок, я неспешно рассказывал Ивашутину то, что собирал в последние пять лет. Пусть он и уважаемый разведчик, но вся деятельность его управления сосредоточена на людях и событиях за пределами страны. Похоже, генерал армии впервые от меня слышал подобную статистику о том, что в Грузии давно сформировалось разграничение в профессиональных видах деятельности по национальному признаку.

— Армяне в основном в сервисе — парикмахеры, часовщики, пошив и ремонт обуви. Евреи в торговле (но не на ответственных должностях), в их среде также много спекулянтов. Азербайджанцы выращивают зелень и занимаются тем, что принято назвать крестьянским трудом. Это, конечно, очень грубые прикидки и в процентном соотношении по сравнению к грузинам.

Продолжая сыпать цифрами и фактами, я поведал, как этническая и национальная принадлежность влияет на то, как далеко по партийной линии может пройти человек. Партийная верхушка вся коррумпирована. Прямо так Ивашутину я не стал говорить, но

подвёл к этой мысли.

— Грузия традиционно являлась полиэтничной страной. Там веками проживали различные народы, которые внести значительный вклад в развитие грузинской культуры и становление грузинской государственности, — словно на докладе размеренно рассказывал я заученный текст.

Далее перешёл к проблемам Азербайджана и, в частности, Нагорного Карабаха. Эта автономия заселена армянами. Признаки назревающего конфликта уже очевидны. Вскоре киргизы и узбеки решат, что им не хватает земельных и водных ресурсов. Затем начнутся волнения в Фергане.

— Крым тоже станет регионом потенциального конфликта между крымскими татарами, украинцами и русскими, — продолжал я. — Население Латвии вообще считает, что их включили в 1940 году в состав СССР незаконно. Хотя назревающие проблемы в прибалтийских республиках резко отличаются от кавказских. Эстония, Латвия и Литва просто хотят независимости.

— Прямо таки хотят? — метнул на меня странный взгляд Иваштутин. — Выводы, майор, выводы. Пока я не услышал то, зачем вы мне это всё рассказываете.

— Национальные проблемы неизбежны. Их подтолкнёт очередная смена власти в Москве, усугубляющиеся проблемы дефицита товаров народного потребления. Добавьте к этому падение цен на нефть и невозможность пополнить бюджет страны.

Насчёт смены власти начальник ГРУ промолчал. Похоже, он и сам понимал (или ему докладывали о здоровье Черненко), что грядут очередные выборы нового Генерального секретаря.

— Важным стимулом для интеграции этнических меньшинств в политическое, культурное и социально-экономическое поле страны может стать введение реального самоуправления в регионах их компактного проживания, а также принятие мер для сохранения их этнической идентичности. Насколько это получится осуществить, будет зависеть от того, какие люди придут к власти и каких союзников они займут.

— ГРУ в союзники КГБ? — покосился на меня с недоверием Иваштутин.

— Моё дело донести Вам информацию и аналитику.

— Почему же к Устинову не напросился на портрет? — задал очередной вопрос Пётр Иванович.

Снова пришлось повторить версию о том, что согласно «нашим исследованиям» здоровье подведёт министра обороны и до следующего года он не доживёт.

— Вы и по здоровью специалисты? — продолжал троллить меня Иваштутин. — И сколько по-вашему осталось Черненко?

— До весны 1985 года, — отрапортовал я.

Начальник ГРУ впал в задумчивость. И так хорошо сидел, что я полностью закончил подмалёвок и даже немного начал проработку заднего плана. Потом солнце ушло, освещение поменялось и я решил, что зря трачу время, изображая из себя живописца. Генерал армии и без меня отлично подумает обо всём, что я ему рассказал.

Иваштутин подумал, прикинул и на следующей встрече попросил документы по всему, что я наговорил. Пришлось пообещать напечатать. С собой никакого текста у меня не было. Это ещё вопрос и личной безопасности. То, что я озвучил на данный момент, особо секретная информация. Большинству партийным деятелям это по фигу, а вот иностранцы могут использовать в своих интересах. Думаю, что Иваштутину отдых я испортил. Мысли его

были далеки от курорта и портрета. Ничего, это даже полезно сменить, так сказать, вид деятельности. Когда СССР распадется, разведке найдётся дело в бывших союзных республиках.

О влиянии Турции и Ирана на население, исповедующее ислам, я добавил, как только вернулся в Москву. Кто и как передавал документы Ивашутину, прошло мимо меня. Владимир Петрович сам взялся за это дело, предварительно изучив текст.

— Сашка, неужели так всё и будет? — никак не мог поверить он в мои «пророчества».

— Будет хуже. Я просто не помню по датам и событиям. Кажется, только в Казахстане не будет массовых убийств. Эта республика, конечно, тоже отделится. Сами по себе казахи не столь импульсивны, как жители Кавказа. Но и там люди будут вынуждены продавать свои квартиры за копейки и уезжать в неизвестность, начиная жизнь с нуля. В республиках будет модно выступать на русских. Отчего-то все считали, что именно они много лет кормили и кормят Россию. Выгнали, отделились, чужих ртов не стало, а проблемы остались.

Обзорную справку я выдал большую. И сам с грустью понял, что решения назревающим проблемам нет. Статистика и анализ показывали, что ни при какой власти не остановить национальные вопросы в республиках.

Свое очередное звание я получил в сентябре. Отметим мы его с размахом. Отец очень гордился, подкалывал Илью. Мол, я его скоро догоню по званию. Илья на самом деле достиг потолка в своей должности и звании. Генералов нашей стране требуется не так много. Так что дальше полковника пробиться могут единицы. И в этом отец был прав. Догоню братишку, если не случится чего-то непредвиденного.

Ромка выучил новое и сложное для него слово и всем, кого встречал, хвастался, что папа у него «под-пол-ков-ник». Сашка отметила повышение зарплаты и особых восторгов не проявила. Она у меня никогда не была корыстной. Тесть и то больше проявил эмоций. Рассказал по этому поводу анекдот и в целом был доволен так, словно это его личная заслуга.

В чём-то я его понимал. Подполковник КГБ для многих людей кажется человеком, наделённым огромной властью. Я же по-прежнему занимал ту же должность и слышал за спиной смешки сослуживцев. Эти дураки не знали, что я сам отказался от места зама Ильи. Меня полностью устраивала должность в отделе аналитики. К тому же я надеялся, что попаду в команду Машерова, когда наступит время. Его конкурентов мы уже устранили. А Пётр Миронович продолжал зарабатывать очки симпатии среди населения.

Но первым выразил восхищение касательно моего послезнания Семичастный. Он специально прилетел в Москву второго ноября, поскольку тридцать первого октября убили Индиру Ганди. Я настоял, чтобы в этот исторический момент мы не вмешивались. Кто его знает, как оно сложится, выживи Индира. Пусть всё идёт своим путём.

Для Семичастного, который лишь слышал, но не видел доказательств моего попаданчества, это событие стало ключевым. Теперь он верил каждому слову и хотел знать подробности развала СССР. Пришлось прочитать ему лекцию, заученную для Ивашутина.

— Национальные проблемы, значит, — откинулся на спинку стула Владимир Ефимович. — По-твоему получается, что избежать тех глобальных конфликтов можно, предоставив независимость автономным областям, разделив Украину на три части, Молдавию на две и отпустив прибалтов в вольное плавание?

— Возможно, — не стал я давать гарантии. — Ориентируюсь на международный опыт. Опять же при введении национальной валюты в Азербайджане Нагорный Карабах встанет

перед непростым выбором. Ладно они, а что делать с осетинами? Не может каждая национальность претендовать не только на независимость и самовыражение, но и на введение своих денег. Это будет полный абсурд.

— Но прибалты дружной толпой рванут на Запад?

— Мало того, первое время русское население этих республик будет во всём их поддерживать, — дополнил я, — проблемы начнутся позже. В паспортах русских, проживающих в Прибалтике, появится статус негражданина. Чтобы стать гражданином, всем, не относящимся к коренному населению, придётся сдать экзамен по натурализации. Даже тем, кто родился там.

У Владимира Ефимовича в этот день были ещё какие-то встречи, а меня дома поджидало сообщение от Союза художников.

— Звонили два раза, — взволнованно поведал отец. — Некая Полина Андреевна Машерова хочет заказать портрет. Сказали, что это важно.

— Важно, — подтвердил я.

— Это не родственница тому Машерову, что первый секретарь Белорусской республики? — проявил осведомлённость отец.

— Она самая. Как ты понимаешь, не в портрете и не в ней самой дело.

Бывшему работнику МИДа дополнительных разъяснений не потребовалось. Отец и сам сообразил, что повод для встречи надуманный и меня таким образом приглашает к себе совсем другой человек. Но в Союз художников пришлось прогуляться и подтвердить готовность к работе. Между прочим, там за портретик насчитали сумму в полторы тысячи. Это ветеранов я бесплатно рисовал по собственной инициативе. Попробую потом продать какому-нибудь выставочному залу.

Портрет жены Машерова пришлось оформлять по всем правилам и позже договариваться о месте встречи. Чтобы соблюсти приличия и не вызвать лишних вопросов, местом для написания портрета выбрали один из подмосковных пансионатов. Мой «ПЛЕНЭР» оформили как командировку. Судя по всему, на прежней работе я вряд ли останусь. Машеров решил включить меня в свою команду.

С Полиной Андреевной Машеровой я встретился в пансионате. Дама вид имела недовольный. Не сразу я понял отчего так. Просветила она меня быстро. Полторы тысячи рублей в это время сумасшедшие деньги. Именно столько озвучили в Союзе художников, посчитав не только квадратные сантиметры полотна, материалы, но и мои заслуги. Для Машеровой я как художник не был известен. Лет десять назад был на слуху, потом некогда стало заниматься творчеством. В выставках принимал участие, но не так часто, чтобы примелькаться широкой публике.

Пришлось мне подробно просветить Полину Андреевну. Отчасти в высокой цене за полотно она сама виновата. Зачем согласилась, что это портрет в «оригинальном костюме»? Ушлые деятели из Союза и рады были добавить цену. Количество часов позирования тоже задрано до небес. Впору мне самому приплачивать за то, чтобы женщина столько позировала. И главное ведь в том, что мне с её мужем нужно переговорить в неформальной обстановке, а не художеством заниматься.

Сам Пётр Миронович был искренне поражён тому, что убили Индиру Ганди. Мои слова приобрели вес и достоверность. Прогнозы совпали чуть ли не до дня гибели. А поскольку первые ознакомительные переговоры состоялись, то теперь я выдал и рекомендации, попутно жалуясь на то, как не воспринимают серьёзно «наверху» нашу аналитику. Мы же ночей не спим, о будущем страны думаем, анализируем, графики строим и выдаём не предсказания, а достоверные прогнозы.

От лица неких товарищей я предлагал в будущем сократить финансирование компартий капиталистических стран, урезать всяческую братскую помощь банановым республикам и подробно описал почему.

Всего с Машеровым у нас получилось три встречи. С портретом его жены я работал дольше, мотаясь через день на машине из Москвы в пансионат. Повезло, что до сильных снегопадов успел сделать основное. Да и у Полины Андреевны заканчивался срок пребывания в пансионате. Женщине я пояснил, что полотно нужно доработать, покрыть вернисажным лаком и оформить в рамку. Раньше Нового года не успею. Но если есть желание похвастаться или показать портрет кому-то из знакомых, то я приглашаю даму в свою мастерскую. Телефоны для связи я оставил Машерову, предполагая, что меня найдут в случае необходимости.

Заканчивал портрет я действительно в мастерской. Сашка с Ромкой приходили посмотреть на моё творчество. Сыну «добрая тётя» понравилась. Из оригинального в портрете была только пуховая шаль, накинутая на плечи женщине. Говорить Сашке, сколько стоит этот портрет, я предусмотрительно не стал. А вот навестивший меня Мишка сразу заинтересовался тем, сколько красок я израсходовал на изображение дамы в натуральный рост и какую прибыль получил за это. На самом деле друг забежал, чтобы пригласить нас с Сашей в гости.

— Мама опять в активном поиске невесты для меня, — посетовал Михаил. — В это воскресенье обещала познакомить с некой Раей из хорошей еврейской семьи, а сама слегла с гриппом. Знакомство не отменяется, но принимать буду у себя дома.

И чтобы никто ничего не подумал, Миша попросил нас с Сашей присутствовать на первой встрече.

— Будем, — пообещал я.

Бабушкина квартира с тех времён, как в неё заселился мой друг, несильно изменилась. Новоявленный профессор уверял, что заниматься ремонтом ему некогда. Порядок он, конечно, поддерживал, но квартирка выглядела бедненько. Примерно там и подумала та самая Рая, приглашённая на свидание.

— А вы, Миша, не такой красивый, как описывала ваша мама, — критически оглядела обшарпанные обои в прихожей молодая женщина.

Моя Сашка, выглянувшая из кухни, не сдержалась и хохотнула. Рассмотреть Михаила в полутёмном коридорчике в первые секунды знакомства Рая бы не успела. Зато сразу и профессионально оценила жилплощадь. Дальнейшее знакомство с потенциальной невестой не задалось. Она как-то быстро выяснила, что у меня жилплощадь и зарплата на порядок лучше, причём наличие жены ничуть не смущало ушлую Раю.

— Одного тебя к Михаилу отпускать не буду, — возмущалась Сашка на обратном пути домой. — Ишь, какая цаца! Чем ей Михаил плох?

— Если она до тридцати лет всё перебирает женихов, то проблемы у неё в голове, — заметил я. — Надеюсь, Михаил проявит благоразумие и не станет продолжать знакомство с этой Раей.

— В молочный нужно зайти, — переключилась жена на насущные заботы. — Ты сразу очередь в кассу занимай, а я посмотрю, что дают.

Обычно продукты я предпочитал брать на рынке. Только молочное и хлеб покупали в магазинах. Сколько лет уже живу в этом времени и никак не привыкну к советской культуре обслуживания, очередям и тому скудному выбору товаров, что предоставляют продмаги. И это в столице, чем дальше от неё, тем хуже снабжение. Изменения в стране нужны, но каким путём это осуществить, будет зависеть в какой-то степени и от меня.

Двадцатого декабря умер Устинов. Советский народ на это событие почти не отреагировал. Привыкли за последние несколько лет к частым похоронам. В газетах написали обширный некролог с перечнем того, что было сделано маршалом Советского Союза за то время, что он пребывал в своей должности.

Устинов делал упор на развитие бронетанковых вооружённых сил и в какой-то степени был заиклен на оборонной промышленности. Сколько вбухано было денег в замену ракет средней дальности на новейшие образцы, я боялся представить. В 1983–1984 годах в дополнение к ним СССР развернул оперативно-тактические комплексы на территории Чехословакии и ГДР.

Аналитики НАТО сделали вывод, что СССР готовится к ограниченному ядерному удару в Европе. То, что могло быть направлено на повышение благосостояния народа, забирала оборона. Это посчитали большой заслугой министра и город Ижевск переименовали в его честь.

Вместе с Андроповым и Громыко, Устинов входил в состав неофициального «малого» Политбюро. Именно эта тройка решала важные вопросы в стране, когда Брежнев уже не мог толком руководить. И на вопрос Владимира Петровича, кому выгодна была смерть Устинова, я не мог ответить однозначно. Недругов у него хватало, но, с другой стороны, не имелось настолько серьёзных сил, чтобы противостоять и спланировать заранее болезнь. Семьдесят шесть лет — приличный возраст. Простыв во время отпуска, Дмитрий Фёдорович толком не долечился и приступил к работе. В результате простуда обернулась воспалением лёгких, но причиной смерти поставили острую сердечную недостаточность.

— Сам умер или ему помогли? — мучил и себя, и меня Владимир Петрович.

— Если помогли, то кто? — спросил я. — Вы не хуже меня знаете, что доступ к людям такого уровня сильно ограничен.

— Американцы, любые другие представители Европы и Азии, — предположил Илья. — Лекарства покупаются за рубежом.

— Но согласись, это не отравление. Существуют ли сейчас разработки, имитирующие воспаление лёгких, я не в курсе.

На самом деле смысла искусственного устранения Устинова не было. Его место занял Соколов, бывший зам. Этот человек ничего изменить в существующей системе министерства не мог и не хотел. Военная промышленность продолжала работать по накатанной колее. Всё так же выделялись деньги из бюджета, всё так же проводились какие-то дорогостоящие исследования и разработки, всё так же выпускалось по три тысячи танков ежемесячно.

Снова вернулись к этому вопросу мы в середине января, когда пришло сообщение о смерти министра национальной обороны Чехословакии Мартина Дзура с диагнозом острой сердечной недостаточности. А возраст у чехословацкого министра всего шестьдесят четыре года. В прошлой реальности я вообще не интересовался этими событиями и личностями, слишком далеко они от меня были. Что-то внятное ответить Илье и дяде Вова не получилось.

Широкая общественность также не связала смерть одного министра обороны с другим. По пути на работу я слушал в метро самые обсуждаемые сплетни москвичей. На слуху было то, как Щербицкий падок на молодых девиц и меняет любовниц по несколько штук в месяц. На запад эта сплетня тоже ушла и аналитику я написал, серьёзно рассуждая об информационной войне продажных СМИ, которые могут опорочить любого честного коммуниста.

Тем временем Черненко отсчитывал последние недели своего существования. Тяжело больной человек, инвалид первой группы, номинально уже ничем не управлял. На всеобщее обозрение его почти не выставляли. Последний раз это было в начале 1985 года во время выборов в Верховный Совет РСФСР.

Десятого марта Черненко умер. На мой взгляд, советский народ в большинстве своём испытывал раздражение, а не сочувствие по усопшему генеральному секретарю, моментально придумав новые анекдоты^[4].

— Да сколько можно это «Лебединое озеро» транслировать?! — возмущалась жена. — Ну умер, чего программу-то телевидения всю менять? Саша, говорят, какие-то видеоманитофоны появились. Может, купим себе?

— Купим, если я найду, где его приобрести. Но там к нему кассеты нужны, тоже проблема.

— Машеров займёт место генерального секретаря? — проявил проницательность отец.

— Очень на это надеюсь.

— О! А ты портрет его супруги писал, — вспомнила Сашка.

Про то, что с самим Петром Мироновичем я общался, и не раз, она не знала и не поняла, отчего я такой нервный. Зато отец отреагировал на то, что я вытащил бутылку коньяка из серванта.

— Шурка, что-то сильно изменится в стране? — опасливо поинтересовался он.

— И в стране, и в мире. Мы прошли рубеж, — туманно ответил я.

Дядя Вова моё состояние тоже оценил. И на всякий случай решил не задействовать в

траурных мероприятиях в столице.

— Петру Мироновичу справки подготовь. Сделай большой обзор по стране, Америке и Европе, — рекомендовал генерал. — Я у себя в сейфе спрячу, а случится оказия, передадим.

С этим я был согласен. Одно дело выслушивать мои пространные речи и другое — увидеть на бумаге с расстановкой цифр и цитатами. Что именно придёт в голову Машерову и как он распорядится властью, можно было предполагать, но не гарантировать.

В прошлой реальности Горбачёв протащил решение о политической реформе и внесении изменений в Конституцию. Суть той реформы была в том, что партия отделялась от советских органов управления и менялся сам принцип выборов. На съезд народных депутатов избирали по национально-территориальным округам, от общественных организаций, творческих объединений и так далее. При Горбачёве принцип «один человек — один голос» перевернули всё с ног на голову. Реально один человек мог проголосовать за нескольких выдвиженцев.

Наша аналитика могла подтолкнуть Машерова в ту или иную сторону. И конечно же, все ждали, какие последуют перестановки в верхах.

На каждого члена Политбюро было подготовлено обширное досье. И не только на них. Всё более-менее видные деятели попали в мою справку. Я по крупицам много лет собирал разрозненную информацию, чтобы подать на блюдечке новому руководителю страны практически весь компромат.

К примеру, Яковлев Александр Николаевич. В 1973 году он был направлен послом в Канаду. Проработал там десять лет. За это время семнадцать сотрудников советского посольства были высланы за деятельность, «несовместимую со статусом дипломата». Андропов предлагал снять Яковлева с должности как не справляющегося с обязанностями, но за него вступился Суслов. Открыто удалить того или иного человека мною не предлагалось, но, исходя из представленных фактов, нормальный человек поймёт всё.

На Шеварднадзе и Алиева также были подготовлены документы. Не обошёл я стороной и Валентина Сергеевича Павлова, темой докторской диссертации которого были «Финансовые планы и балансы в системе управления экономикой».

В умелых руках этим можно неплохо манипулировать. Единственное, я сомневался в том, что бывший партизан и прямолинейный коммунист Машеров воспользуется моими наработками. Хотя конкурентов Пётр Миронович начал устранять почти сразу. Романов был отправлен на пенсию «по состоянию здоровья». И это притом, что ему только шестьдесят два года исполнилось, Алиева задвинул обратно в Баку и ещё кое-кого поменял.

Самого Машерова в народе восприняли с большим воодушевлением. Энергичный, немного дерзкий, любитель прилететь на вертолёте в проблемный район и лично устроить разнос нерадивым начальникам, он сразу понравился. В Узбекистане вновь подняли прошлые дела по хлопку, решался вопрос о выводе из Афганистана ограниченного контингента советских войск, была направлена комиссия в Чернобыль.

До лета Пётр Миронович меня не трогал.

— Разгонит ту кодлу, что собралась, введёт новые должности и тебя переведут месяца через два-три, — принёс новости Владимир Петрович.

Вообще-то такой перевод без согласования с Чебриковым был невозможен. Мимо председателя КГБ подобные перестановки пройти не могли и меня вызвали на ковёр.

Отвечал я уверенно, оперируя исключительно теми фактами, что легко проверялись. К тому же персональную выставку с портретами ветеранов провёл успешно. В конце мая она

поедет по городам СССР, но и сейчас понятно, что получить в качестве натурщиков таких уважаемых людей вряд ли кто сможет. Оттого моя версия событий была отрепетирована заранее. Мол, попросил позировать, а там разговорились, и Машерову я приглянулся.

Чебрикову иметь своих людей, приближённых к верхушке, очень хотелось. Думаю, председатель КГБ решил, что провёл успешную вербовку меня в качестве своего агента. Сделал вид, что душой и сердцем верен родному КГБ и готов сообщать обо всём, что узнаю. Документов подписать пришлось немало, а куда деваться? Только на таких условиях меня выпускали «на волю» под крылышко Машерову.

Снова прилетел Семичастный. Я же по нему такую справку сделал, что сам чуть был слезу не пустил. Машеров и сам был долгое время в опале у Брежнева и такого же собрата по несчастью приблизил к себе.

— Кандидат в члены Политбюро, — прихвастнул Семичастный своим повышением.

Творческая интеллигенция в стране также воспрянула духом. Одним из первых документов, подписанных Петром Мироновичем, было связано с увеличением числа музыкальных и художественных школ по стране и поддержкой народных промыслов и мастерских. А на 1986 год был запланирован Всесоюзный конкурс молодых архитекторов.

Но самое главное, что Пётр Миронович очень ответственно отнёсся к предоставленной мной модели развития экономики страны. Единственная коммунистическая страна в мире, добившаяся успехов в двадцать первом веке, это Китай. И если там сработало, то почему бы не воспользоваться опытом?

Сам я детально не помнил всего того, что внедрял Китай. Знал общий принцип, основанный на дешёвой рабочей силе, привлечении инвестиций и огромном экспорте. Зачастую производимые китайскими товарищами товары были откровенно низкого качества. Зато очень дешёвые, что способствовало быстрому заполнению мирового рынка.

Самый сложный вопрос состоял в том, что любое частное предпринимательство противоречило основной концепции социалистического строя. Потому у меня в документах завуалировано предлагалось провести «Политику реформ и открытости». И прежде всего создание такой прибавочной стоимости, которая достаточно финансирует экономику Советского Союза на фоне падения мировых цен на нефть.

«В рамках своей теории Карл Маркс ввёл понятие прибавочной стоимости — как разницы между созданной в процессе труда новой стоимостью и стоимостью рабочей силы (обычно выражена в форме заработной платы), которая была использована для создания этой новой стоимости. Источником прибавочной стоимости по Марксу является продолжение потребления рабочей силы дольше того времени, в течение которого воспроизводится её собственная стоимость, — писал я. — Основная проблема на данном этапе в мотивации людей заниматься сельским хозяйством или мелким предпринимательством. Также говорить об активном экспорте производимых товаров без полного насыщения собственного рынка рано и необоснованно».

Вы себе представить не можете, какую огромную работу я проделал, копаясь в трудах Маркса и Энгельса, обосновывая, что введение подобных реформ не является возвратом к капитализму, а всего лишь одна из форм социализма, который, согласно учению Ленина, развивается и не стоит на месте. Ну в самом деле, нельзя же сравнивать экономическую ситуацию начала двадцатых с тем, что имелось в СССР 80-х годов. И снова цитаты, но уже от лица Гагарина и молодых профессоров.

Предпосылки к созданию семейных подрядов в сельском хозяйстве были, поскольку

имелись излишки сельхозпродукции, что особенно заметно на колхозных или кооперативных рынках.

Были у нас в стране и цеховики, подпольные предприниматели, которые что-то шили и продавали из-под полы. За что их ловили и сажали по соответствующей статье. За подобными цеховиками велась охота со стороны КГБ. Вариантов подпольной деятельности цеховиков было немного: официальной государственной структурой производилась подпольная продукция и неофициальной теневой структурой эта продукция продавалась. Или наоборот — продукция производилась теневой структурой, но сбывалась через государственные торговые организации.

Конечно же приобрести сырьё и материалы легально для подпольного производства было невозможно. Добывалось это всё путём приписок, экономии, актов списания и уничтожения под надуманными предлогами.

Деятельность цеховиков переплеталась со спекулянтами или «толкачами». Всевозможные ревизоры и контролёры получали взятки. Мало того, цеховики часто становились объектами вымогательства со стороны организованной преступности. Как такового названия «рэкет» ещё не существовало, но он имелся.

В документах Машерова было предложено отменить ограничения на негосударственную предпринимательскую деятельность. Очень спорный и серьёзный шаг. Именно от этого зависело дальнейшее развитие нашей страны, и я с нетерпением ждал вердикта.

Наверное у каждого руководителя страны имеются советчики или такие люди, которым человек, наделённый властью, доверяет и к чьему мнению прислушивается. Машерову я подготовил столько аналитической информации, которая была стопроцентно подтверждена временем, что он проникся, решив, что у меня за спиной серьёзные дяди из числа силовиков, по какой-то причине не желающие выходить из тени. К тому же моя новая должность референта предполагала, что я буду кем-то средним между мальчиком на побегушках и секретарём. Название должности для меня было вторичным. Не для этого я столько лет работал и реально не ожидал, что вот легко войду в число доверенных лиц генерального секретаря, получу престижное место работы, служебный автомобиль и личного шофёра.

Желающих на это место было предостаточно, здесь мне на руку играло то, что я комитетчик. Хотя именно по этой причине у Машерова оставались некоторые сомнения по предложенной реформе. Моё же первичное образование было экономическим. Плюс много лет служил в аналитическом отделе, всё это в сумме давало солидный вес.

— Александр Дмитриевич, распишите подробно, как будет соотноситься с плановой экономикой частное предпринимательство, — попросил Пётр Миронович меня в середине лета.

— Обязательно, — пообещал я, тихо радуясь подвижкам.

Если протолкнуём решение на очередном пленуме, то уже со следующего года начнутся кардинальные изменения в стране. Пусть не везде, но кавказские республики отреагируют одними из первых. Возможно, это немного отвлечёт людей от назревающих национальных конфликтов.

Ателье по пошиву обуви, где работали в основном представители кавказских республик (больше всего армян), в стране имелось много. Сейчас они озабочены тем, как бы стырить и спрятать продукцию, выпущенную сверх того, что продают открыто. Кроме того, именно эти ушлые ребята следят за модой и реагируют на её изменения. Это фабрике «Скорород» нужно в десятке мест согласовать изменения, внести в план и реализовать давно устаревший товар. Мелкие предприниматели подобных проблем не будут иметь.

Для подготовки аналитических документов Машерову я не поленился и связался с ОБХСС. Под видом плановой проверки проехался с ними по московским складам. Не просто записал, но и сфотографировал заваленные ненужным товаром помещения. В стране дефицит, но только на то, что пользуется спросом. Уродливые женские платья в стиле «прощай молодость», страшная обувь, грубые игрушки для детей заполнили подсобные помещения.

Предприятия план выполнили, отчитались. Дальше торговля крутится как может, чтобы это всё хм... изобилие сбыть. Когда не удаётся, то списывают. Сотрудники ОБХСС как раз бдительно отслеживали распределение подобной продукции.

Каюсь, циферки я чуть-чуть подтасовал. Даже не сами цифры, а проценты, подав Машерову все в самом негативном виде. Кратко описал ситуацию, назвав ближайшие склады в Москве, куда он может лично съездить и посмотреть.

И что вы думаете, Пётр Миронович решил лично удостовериться!

— Безобразие! — кидал он коробки с женскими ботинками чуть ли не в лицо завскладом. — Ваша жена станет это носить?!

Вопрос был не совсем корректным. Дядька получил и хранил товар. Не он придумывал эти фасоны, не он годами их выпускал из такой кожи, что впору ею гвозди забивать.

— Это сандалии?! — продолжал возмущаться Машеров. — Я такие видел в фильме «Добро пожаловать или посторонним вход запрещён». У нас что, с 1964 года мода не изменилась? Кому нужна такая обувь?

— Пётр Миронович, можно общими фразами ваше мнение для корреспондента газеты «Комсомольская правда»? — словно змей-искуситель, подвёл я нужного человека.

Охрана было встрепелулась, но Машеров жестом их успокоил и стал действительно тезисами выдавать программу преобразования экономики страны. Фразы показались мне знакомыми. Похоже, Машеров много и вдумчиво читал мою аналитику.

— Ещё нужно бы несколько выступлений и статей от рядовых граждан, работников торговли и предприятий, — «ковал» я железо, пока оно «горячо».

О влиянии на массы и умы средствами массовой информации знал не понаслышке. Народ должен ждать реформу с нетерпением, обсуждать и верить в то, что именно они сподвигли руководство привнести изменения в жизнь.

Про залежалый товар на складах Машеров продолжал возмущаться в автомобиле. Меня он посадил с собой то ли в качестве зрителя, то ли слушателя.

— Ну проведём мы реформу, дадим возможность что-то делать, а откуда возьмётся сырьё? — не видел он выхода из тупика.

— Поверьте, наш народ проявит смекалку, — заверил я. — К примеру, из женских шерстяных или полушерстяных трико можно пошить модные спортивные шапки «Петушок».

Далее рассказал нехитрую технологию их изготовления. Случай взял из прошлой жизни. Был у меня один знакомый в Самаре, который поднялся неплохо в бизнесе. А начинал с того, что скупал в магазине трико, отрезал им «ноги» и переделывал в шапки. Там, правда, ещё наложилась инфляция. Скупил он партию по бросовой цене, а шапки продавали уже на другой стоимости. Но в сам факт, что при небольшой свободе предпринимательства народ развернётся, я верил.

Тут как раз другая проблема. То, что на данные момент считается залежалым товаром, может оказаться востребованным для частных предпринимателей. Раскупят нитки, ткани и прочее. Быстренько сориентируются в спросе и сделают предложение.

В качестве второго примера я рассказал Машерову подслушанную мной историю одного предприятия судового машиностроения. Сейчас практически все заводы тяжёлой промышленности обязаны выпускать товары народного потребления. У кого-то это получается не очень, у кого-то хорошо и товар пользуется спросом.

В той истории крупное предприятие стало выпускать обычные мебельные петли, которые расхватывали «на ура». Однако мощностей для увеличения и производства петель не хватало. Чтобы решить эту проблему, решили прикупить два пресса-автомата. И главное, что безналичных денег для покупки было в избытке. Вот только столкнулись с другой стороной вопроса.

Завод в Калуге, выпускающий прессы, имел госплан. Получить лишние два станка можно было при условии, что одно министерство согласует заявку с другим, включит в пятилетний план и по итогам продаст станки лет через шесть-семь. При этом заводу, производящему станки, лишняя прибыль в виде безналичных денег совсем не нужна. Они и без этого отлично живут, имеют зарплаты и премии. Получался замкнутый круг, который ещё больше усугублял дефицит товаров в стране.

— Частники подобную проблему не решат, — не согласился со мной Пётр Миронович.

— Отчего же? — возразил я. — Будет какой-то дядя клепать на ручной приспособе те мебельные петли по десятку штук в день, да и продавать.

— Он насытит рынок? — вопросительно изогнул бровь Машеров.

— Один не насытит, но тысяча подобных мастерских сдвинет дело с мёртвой точки.

— А качество? ОТК к каждому кустарнику не приставишь.

— На данном этапе развития экономики это вторичный фактор, а затем сработает закон рынка. Люди не станут покупать то, что их не устроит по качеству или цене.

Машеров замолчал и не отвлекался от своих размышлений до того момента, пока приехали на Старую площадь.

— Александр, проследи за статьёй в «Комсомольскую правду». Принеси мне почитать черновик, — отдал он распоряжение.

Я же по своей инициативе засел за написание обзорного документа по спортивной обуви в СССР и расширения её производства. Отчего-то многие считали, что появление adidas в СССР напрямую связано с московской Олимпиадой. На самом деле вопрос с сотрудничеством с немецкой фирмой «Адидас» (ФРГ) начался гораздо раньше.

В стране тотального дефицита мало кто понимал, что такое реклама и почему известные фирмы, выпускающие обувь и одежду, стремятся увидеть её на спортсменах во время международных соревнований. По нашему управлению проходила информация на эту тему. В одной из записок Спорткомитета отмечалось, что «в неорганизованном порядке фирма постоянно на местах соревнований за рубежом предоставляла по собственной инициативе советским спортсменам новейшие образцы своей продукции, в основном в виде спортивной обуви».

В отличие от западных коллег, советским спортсменам не нужно было отдельно приплачивать за то, чтобы они носили конкретно эту обувь или одежду.

Во время Олимпийских игр 1976 года в Монреале представители adidas «уделяли особенно пристальное внимание делегатам из СССР». В частности, для тогдашнего руководителя советского спорта Сергея Павлова была организована неофициальная частная экскурсия на Ниагарский водопад. К тому моменту Москву уже выбрали местом проведения следующей Олимпиады, и немецкую компанию интересовал в первую очередь контракт официальных поставщиков оргкомитета, который adidas в итоге и получил.

Контракт оргкомитета московской Олимпиады был подписан с французским отделением «Адидас». СССР стал двадцатой страной, в которой шили обувь adidas по лицензии. Часть обуви, производимой в СССР, должна была сразу идти на экспорт: на момент заключения соглашения объем продукции, выкупаемой adidas у московской фабрики, составлял 15 % годового производства. Общая стоимость заключенного в 1978 году соглашения оценивалась в 2220000 рублей: в эту сумму помимо самой лицензии (1 млн рублей) входили также оборудование стоимостью чуть больше одного миллиона рублей, химическое сырье и другие необходимые материалы, которые советской стороне приходилось закупать в ФРГ. Как отмечалось в записке Спорткомитета, при подборе сырья для нового производства только семь видов искусственных материалов, выпускаемых в СССР, было допущено до испытаний и всего два из них были признаны пригодными для производства обуви нужного качества. Некоторые компоненты вообще не производились в стране.

Через несколько лет лицензионные линии по выпуску обуви adidas были открыты еще в

нескольких городах СССР.

Насчёт фабрики в Армении у меня имелся интересный материал на эту тему. Немцы настояли на том, чтобы на фабрику принимали девушек не старше двадцати трёх лет и не имеющих опыта работы. Предполагалось, что в этом возрасте ещё не научились шить брак. Такие меры были предприняты не просто так. В Советском Союзе пытались выпускать джинсы наподобие американских, но эта затея полностью провалилась. «Адидас» не хотел потерять качество и свой имидж.

Безусловно, эти фабрики по пошиву кроссовок не могли обеспечить все население. Спортивная обувь буквально исчезала, едва выйдя за ворота фабрики. К тому же у производителей были обстоятельства перед фирмой «Адидас» на экспорт обуви. И до розничной торговли спортивная обувь доходила в малом количестве.

В салонах же по пошиву обуви имелось необходимое оборудование. Пусть не было материалов, но, зная наших дельцов, я верил, что они с любой проблемой справятся.

Это то, что касалось непродовольственных товаров. С продуктами питания всё так однозначно не было. Снабжение регионов сильно отличалось. К примеру, где-то в Воронеже кальмары было не достать, зато на Дальнем Востоке ими завалены магазины. Но вообще-то подобные морепродукты не были востребованы.

В городах Краснодарского края можно было купить редкую для других регионов Пепси-Колу, но только по той причине, что завод по выпуску этого газированного напитка находился в Новороссийске. Раз в месяц продукцию обязательно проверяли. Ходили слухи, что американцы устраивали тайные экспертизы. На самом деле им хватало и легальных проверок соблюдения технологии. В обмен на концентрат PepsiCo получала от СССР водку, коньяк и шампанское. Согласно справке, подготовленной в 1982 году в ЦК КПСС о работе PepsiCo в СССР, с 1973 года по 1981 год в США отгрузили 1,9 миллиона декалитров «Столичной» на сумму 25 миллионов долларов. За тот же период в Советском Союзе произвели 32,3 миллиона декалитров Пепси-колы.

Логистика распределения подобных товаров по стране сильно хромала. В Сибири о Пепси-Коле разве что слышали и видели лишь по телевизору.

О дефиците других продовольственных товаров вопрос немного спорный. Начнём с того, что в СССР существовали кооперативы и кооперативные магазины, где имелась та же полукопчёная колбаса, но по такой цене, что не каждый мог себе позволить её купить. Примерно такая ситуация была и с мясом на рынке.

Если прийти с утра, то выбор имелся приличный. Цена для многих советских людей «кусалась». Для меня потратить червонец на рынке никак не ощутимо, а для студента, имеющего стипендию сорок рублей в месяц, это неприемлемые расходы. Опять же повторю, что были регионы с очень скудным снабжением. Имея северные надбавки и приличную зарплату, люди не могли купить то, что хотели.

— Денег много, ребёнок просит яблоко, а взять его негде, — рассказывала одна тёщиная знакомая.

Кому доводилось бывать в Забайкалье, тот примерно представляет, что такое зимние поставки. Это в двадцатом веке китайцы решили проблему, обеспечивая своими овощами и фруктами. Пока же транспорта, чтобы в тот регион довозили те же яблоки, не хватало.

В середине девяностых я наблюдал, как зимой в Чите продавали молоко. Я не сразу понял, что это за ледяные блинчики белого цвета. Оказывается, расфасованное таким

оригинальным образом и замороженное молоко. Для меня, южного жителя, это показалось необычным. Точно так же, как и обилие солёной, копчёной рыбы именно зимой. То есть привозили и продавали, но то, что выдерживало транспортировку по сильному морозу.

Хотя именно с консервами и, в частности, рыбными в стране было всё хорошо. Консервированная иваси продавалась повсеместно. Никогда не задумывался над теми цифрами, сколько её добывалось и перерабатывалось. Свежемороженого минтая также было много. Позже появится информация, что минтай был весь заражён глистами. Не знаю. Пока мы ели и не жаловались.

Распределение молочной продукции тоже не было однородным. Здесь ещё сказывались национальные предпочтения и традиции. Купить на Кавказе, к примеру, сулугуни или адыгейский сыр не было проблемой. И я совершенно не в курсе, ели ли такой сыр где-то в Якутии?

В целом народ не голодал. Если сравнивать с послевоенным временем, то и говорить не стоит. Другой вопрос, что денег у населения прибавилось. И оно, население, хотело не просто пшённой каши и плавленых сырков за тринадцать копеек, а свиную вырезку, балык, икорочку паюсную. Эти продукты можно было только «достать», имея блат или подходы к особым распределителям.

Свою семью я имел возможность обеспечивать самыми лучшими продуктами, но что-то все равно покупалось в магазине рядом с домом. Та же сметана или молоко. Сметана в баночках попадалась нечасто и её вкус значительно отличался от весовой. И главное, все были в курсе, что сметану в молочном отделе разбавляют (она и вкусом, и консистенцией отличалась), а как-то бороться с этим не хотели или не могли, потому что понимали, что при любой ревизии завмаг отмажется взяткой и ничего не изменится.

Коррупция в торговле этого времени достигла невероятных масштабов. При Андропове немного попрятались и притихли. Несколько нашумевших дел напугали работников торговли. Расстрел директора Елисеевского гастронома, а позже «Железной Беллы» из Геленджика, произвел впечатление.

Вообще-то в Советском Союзе осуждённых женщин, как правило, не расстреливали. Случай с Бертой Бородкиной стал исключением из правила. Очень уж много чего нашлось на этого работника торговли.

То, что коньяк разбавлялся водкой, а сметана водой (обязательно кипяченой, чтобы не было проблем с желудком у курортников!), считалось в порядке вещей. У Бородкиной нашлось много других грешков, включая такой экзотический для СССР как организация видеосалона с показом порнофильмов.

Но всё остальное считалось в порядке вещей. Типа этим почти все завмаги грешат. Главное, что не пойманы с поличным и значит могут продолжать крутить тёмные делишки. Сама система советской торговли не подразумевала честных продавцов. Здесь действовал принцип «рука руку моет» и все были повязаны.

Пообщавшись с ОБХССниками, я узнал удивительные для себя вещи. К примеру, в коробке с печеньем двести граммов обязательно списывается на крошево. И тем не менее, покупая не так давно Ромке печенье, я молча наблюдал, как продавец засыпала в кулёк то самое крошево. Ещё и сам кулёк, накрученный из специальной бумаги, добавлял граммов и, соответственно, денег продавщице.

А я молчал и наблюдал. Это общепринятое правило в советских магазинах. И мне (!), мне было стыдно устраивать скандал из-за копеек. Одет прилично, не бедствую, чего,

собственно, возмущаться? Подумаешь, сунули в кулёк граммов пятьдесят бросового печенья.

Так было везде и во всём. В каждом магазине, торговой точке, включая рынок, где тоже так и норовили обвесить и обсчитать.

Должно смениться целое поколение, чтобы продавцы научились улыбаться и даже стать навязчивыми, предлагая свои услуги по выбору товара. Пока же на дворе была суровая социалистическая реальность.

Насколько Машеров был в курсе конкретных цифр по сфере советской торговли, я не был в курсе, но плотное общение с ОБХСС сподвигло меня написание не просто обзорной справки, а серьёзного доклада с цифрами и выкладками-прогнозами.

— И кто его зачитает для широкой публики? — оценил Пётр Миронович мой труд.

— Могу и я. Только нужно выбрать место, время и повод.

— Хорошо бы перед пленумом. Как раз поднимем вопрос о реформах и всё будет в масть, — задумчиво произнёс Машеров.

О том, что нужно менять отношение во многих областях жизни Пётр Миронович был согласен. И мой доклад, где я начинал с торговли и заканчивал дефицитом, он одобрил. Думаю, просто не понял, какая это будет бомба при условии, что всё это открыто напечатают в газетах и выведут на всенародное обсуждение. К тому же Машерову и в голову не приходило, что это лично моё сочинение. Авторитет КГБ как некой могущественной всеохватывающей системы был так велик, что и первые люди страны ощущали себя «под колпаком».

Не без основания Машеров считал, что его назначение на должность генерального секретаря не обошлось без помощи комитета. И то, что к нему на доклад приходит Чебриков лично, роли не играло. Предположу, что у большинства советских граждан КГБ ассоциировался с неким спрутом, проникающим во все области жизни. Отчасти оно так и было. Своего рода мафия, одобренная государством.

Потому Пётр Миронович верил всему, что подавал тот самый «спрут» в моём лице. Наверняка доверенные лица принесли ему информацию о некоем Петрове, художнике из комитетских. И в этом случае должно всплыть, что с руководителем ГРУ я «на короткой ноге». Про то, что писал портрет Андропова, и так общеизвестно, кое-кто мог предположить, что связи у меня остались. Плюс имелись дядя Вова с Семичастным, которые пестовали меня словно любимого племянника.

А уж то, с какой лёгкостью я вышел на самого Машерова, должно было заставить задуматься любых предполагаемых недоброжелателей. Оценив всё это, глава страны внимательно прислушивался и изучал документы, поданные мной. К тому же ничего такого, чего бы он сам не знал, я не писал. Просто систематизировал разрозненные факты и собрал их в устрашающую картину.

Открыто говорить о том, что происходит в советской торговле сейчас не принято. Даже Андропов не сдвинул с места существующую круговую поруку. А ведь он старался, наказывал, снимал с должностей и исключал из партии. Но это всё было немного завуалировано обтекаемыми фразами о чести, достоинстве и совести советского работника торговли. Я решил вскрыть этот нарыв жёстко и с примерами. Тут мне и прошлый опыт, и ОБХСС помогли.

Первый и самый распространённый способ обмана покупателя — обвес. Лучше всего это получается, когда товар не фасованный. К примеру, сахар не в пакетах, а в мешках. Старо как мир и подчиняется физическим законам. Поставь рядом с мешками сахара ёмкость с водой, и он впитает в себя часть жидкости, увеличивая тем самым вес. Покупателю взвешивают всё точно по весам. Не придраться. Но реально сахар тяжелее, чем написано в накладной. Проконфеты, печенье и вафли в коробках я тоже упомянул. Не упакованные в

стандартные ёмкости молочные продукты будто сами напрашивались на то, чтобы недобросовестные работники воспользовались ситуацией.

Не буду говорить, что ту же сметану обязательно разбавляли. Зато снять верхний слой, наиболее жирный, для себя и знакомых было в порядке вещей. И оплачивалось всё честно, в кассу. Вот только сметанка «для своих» была другого качества. На подобные манипуляции даже ОБХСС не реагировал.

Более сложной была ситуация у продавцов, чьи начальники считали вправе взять свою долю без оплаты и пробивания чека. Решал какой-то директор, что пару килограммов масла ему можно унести домой, и брал без зазрения совести. Круговая порука в торговле не позволяла пожаловаться на беспредел. В большинстве случаев у самих продавцов рыльце в пушку, поэтому были вынуждены прикрывать начальство. Недостающие килограммы разбрасывались на каждого покупателя.

Конечно, в крупных городах при гастрономах всегда стояли весы контрольного взвешивания. Любой покупатель мог проверить купленную продукцию. То же масло, упакованное в многослойную бумагу, демонстрировало правильный вес на контроле.

Там, где требовалось перепроверить с учётом гирь, дело обстояло сложнее. Продавцы могли не дать гири или вызваться помогать с проверкой на контрольных весах. Про высверленные отверстия в гирях для облегчения их веса вообще отдельная тема и уже серьёзная уголовная статья. Крупные гастрономы не рисковали так нагло обманывать покупателей.

В союзных республиках ситуация была в разы хуже. Приведу маленький пример покупки мной кружки кваса в Ашхабаде. Бочковой квас продавался там повсеместно и стоил дёшево. Большая полулитровая кружка всего шесть копеек. Летом на жаре выпить холодный квас — просто мечта. Про то, что он такой температуры из-за плавающих кусков льда, никто не задумывался. Это не разбавление водой, а нормальный сервис!

В общем, покупая квас, я дал продавцу две монеты номиналом пять и две копейки. В Москве обязательно получил бы сдачу, а в Туркмении на меня посмотрели с негодованием. Типа ты что, нищий?! Какая сдача?!

Про недолив того же кваса или пива я вообще молчу. Это считалось в порядке вещей, а граждане если и возмущались, то не слишком активно. Меня во многом удивляла такая покорность обывателей. Но больше всего возмущала наглость продавцов, особенно в овощных отделах. Я понимаю, что у них тоже безвыходная ситуация — привезли гнилую картошку, а как её сбыть, никого не волнует.

Положение дел с овощами в стране было, мягко говоря, идиотским. Вначале дружно боролись за урожай, привлекая студентов, школьников, рядовых инженеров, срывая их с мест работы и учёбы. Затем оказывалось, что овощные базы не в состоянии всё это правильно сохранить. Снова привозили тот же контингент в помощь работникам овощных баз. Гнильё рассортировывали и выбрасывали. От собранного урожая оставалась хорошо если половина.

Хотя я не прав. Всё описанное имело отношение к таким овощам, как картофель, свёкла или морковь. Другое дело, томаты. В свою первую юность побывал я на консервном заводе. Часть студентов собирала томаты на поле, а мы на консервном заводе готовили их на переработку. Казалось бы, чего проще? Есть совхозные поля, расположенные в нескольких километрах от завода. Имеются люди и техника. Достаточно привезти продукцию из пункта «А» в пункт «Б» и успешно переработать. Как бы не так!

Сломался трактор, подвозящий ящики с помидорами, запил тракторист, какая-то ещё

накладка произошла, и в результате собранные томаты остались в таре на два-три дня. На консервный завод их потом всё же доставляли, но в каком виде!

Далее помидоры сортировали на три категории. Первые (самые целые и хорошие) шли на консервирование, вторые, чуть помятые, на томатный сок. Ну а третья категория мало напоминала тот благородный томат, выращенный на поле. Там могли уже завестись личинки, но для переработки в томатную пасту та масса вполне годилась.

Помню, после той практики я несколько лет не употреблял магазинную томатную пасту и не пил сок. Брезговал. Хотя на самом деле тепловая обработка на заводе была серьёзная. И нужно сказать, что потерь у завода считай не имелось. Работу свою делали хорошо, и не вина работников в том, что привозили овощи сомнительного качества. Как говорится, не своё, совхозное или колхозное. Это частник будет следить за урожаем и лелеять его, а глядя на колхозы, у меня создавалось впечатление, что они вообще не заинтересованы в сохранении урожая. Главное в этом деле что? Отчитаться и подать наверх документы о выполнении плана.

С этими планам головняк был везде. Не только предприятия тяжёлой промышленности должны выдавать продукцию согласно плану, а желательно перевыполняя его. Любой захудалый магазин сельпо тоже с кем-то соревновался и обязан был выполнять план продаж. И скажите мне, как этот план могли выполнить те же овощные магазины, если изначально получали гнильё? Вот и крутились товароведы как могли, налаживая связи, выпрашивая дефицит, одаривая начальство и устраивая своеобразный бартер между «соседями».

Что-то, пользовавшееся спросом, придерживалось и пряталось «под прилавок». Тут главное было, чтобы во время проверок не нашли неоплаченный товар. Сами продавцы отлично лавировали в этой системе. Промтовары придерживали для знакомых в продуктовой отрасли, те, в свою очередь, ныкали лучшие куски мяса и прочий дефицит для тех, кто мог достать импортные колготки, магнитофоны и так далее. Безусловно, и для «нужных» людей оставляли товар.

Опять же все эти проблемы касались среднестатистических советских граждан. Будь ты в системе КГБ, в армии или просто известный актёр, тебе будет предоставлена отдельная точка отоваривания. Лиза Жарова рассказывала с обидой, как после смерти отца не успела забрать продуктовый набор. Пошла через несколько дней после похорон Михаила Ивановича и столкнулась с тем, что бывшие ранее любезными продавщицы в грубой форме ответили, что Жаровым уже ничего не положено, нужно было раньше забирать продукты. Кстати, это действительно серьёзная потеря для тех, кто привык без очередей и проблем получать ежемесячно то же мясо.

Не могу сказать, что сам я имел в своём продуктивном наборе всегда отменное мясо. Обычно получал хорошо упакованный бумажный свёрток и только дома мог оценить, что именно мне перепало. Раз на раз не приходилось. Единственное преимущество такого распределения, что стоять в очереди не нужно. Пришёл, расписался в журнале, взял уже приготовленное и расфасованное, доплатил, если перепало нечто сверх положенного.

Таких пунктов распределения не касалась та пересортица, которой поголовно грешили в продуктовых магазинах. Это ещё одна форма воровства. Более дешёвые продукты выдавали за дорогие и частенько подделывали срок годности. По накладным консервы подлежали утилизации. Их списывали и продолжали сбывать населению, получая прибыль уже в личный карман.

В отдельную тему в своём докладе я выделил общепит. Столовые советских времён это

вообще песня! Изобретательности завпроизводством и технологов столовых и ресторанов можно просто позавидовать. Они умудрялись сохранить и сбыть то, что изначально было непросто.

Самый сложный продукт — молоко. Его нужно кипятить, следить, чтобы не прокисло, не подгорело в кашах или молочных супах. Чуть опоздал, и, считай, убыток. Поэтому в молоко добавляли немного соды. Водой тоже разбавляли, но это уже как само собой разумеющееся. И, конечно, списывали якобы испорченный товар. Здесь работникам общепита было где разгуляться. Практически всё, что поступало на кухню, можно было подать как просроченное, прокисшее и взять себе. Дорогие коньяки в ресторанах разбавляли более дешёвой водкой, в мясные блюда добавляли жилы и сало. Да и порции в целом не соответствовали нормам и стандартам.

Больше всего в общепите любили использовать комбижир (в магазинах отчего-то этот вид маргарина называли кулинарным). На самом деле это смесь говяжьего, свиного жира и растительного масла. Отличный ингредиент для приготовления супов, в смысле бульона. Какую-то видимость присутствия мяса комбижир давал, которое в бульоне напрочь отсутствовало. На линии раздачи в тарелку с супом клался кусочек мяса и все были довольны. Порция мяса отличалась от нормы, сколько его положено потратить для приготовления бульона.

Маргарин активно добавлялся при изготовлении тортов. Всякие фигурные розочки у тортов имели характерный маргариновый привкус. Что-то приличное и вкусное можно было заказать в кулинарии, но это касалось крупных городов.

В Средней Азии в состав маргарина входило хлопковое масло. Терпеть не могу его запах. А вся кулинарная продукция азиатских республик имеет именно этот аромат и привкус.

Вторая часть моего доклада была посвящена воровству на заводах и стройках. Тут тащили не хуже, чем в тех же ресторанах. Всё, что можно было списать — списывалось. Всё, что нельзя было легально унести, могли по-простому перебросить через забор, чтобы подобрать с другой стороны охраняемой территории.

Кажется, едва ли не единственная категория советских людей — инженеры — была лишена каких-то явных кормушек.

И что интересно, вора, залезшего в квартиру или обворовавшего магазин, осудят не только по закону, но и общество отнесётся негативно. Соседа же, притащившего с завода инструмент, проволоку и тому подобное, похвалят или позавидуют его удаче.

Машеров, дочитав до этого места мой доклад, возмутился и попытался доказать что-то про строителей коммунизма, о честности советских граждан и прочие лозунги начал выдвигать.

— Пётр Миронович, здесь только факты, и ничего более, — заметил я.

— Получается, всё наше общество прогнило?

— Не всё, — покачал я головой. — Но решать проблему нужно жёстко и сразу. Дальше станет только хуже.

Как решать и с чего начинать, в этом докладе я только наметил. Не так-то просто изменить что-то в стране, конституция которой запрещает простым людям владеть средствами производства. При этом в СССР существовали не только кооперативы, но и всевозможные народные промыслы. На рынке можно было увидеть прилавки, где продавали матрёшек, деревянные ложки и тому подобное. Эти мелкие производители вполне

официально занимались нехитрым бизнесом. Между прочим, платили налоги и имели достаточную прибыль, чтобы быть заинтересованными в том, что делали.

Не самый известный факт, но в СССР существовали надомники из числа инвалидов и прочих категорий граждан, которые не могли работать на обычных предприятиях. Им тоже разрешалось создавать какие-то поделки и сбывать их. В нашем доме в соседнем подъезде жила семья. Сын в детстве переболел полиомиелитом и остался инвалидом. Моя Сашка случайно познакомилась с мамой паренька и рассказала, что женщина делает искусственные цветы. Возможно, что сын-инвалид тоже принимает участие в этом деле, но женщина и сама неплохо справлялась.

В основном делают свадебные венки для невест и букетики. Сколько эта мелочовка стоит, Сашка не знала. Не думаю, что огромные деньги. Главное, подобная деятельность в стране Советов в принципе существует. С другой стороны, шить кому-то одежду за деньги считается незаконным делом. Тонкая грань законности, когда ты по своей инициативе что-то делаешь или официально оформляешь через государство, была еле уловима.

Машеров в моих прогнозах не был уверен. Скептически отнёсся к аналитике и тому, что при должных реформах в стране появится изобилие промышленных товаров, но согласился, что услугами (шьём одежды, к примеру) и продуктами питания люди вполне могут себя обеспечить. Достаточно выделить горожанам участки под дачи и огороды, взяв земли у нерентабельных колхозов и совхозов и просто пустыри. Так-то дачи и сейчас выделялись предприятиями, но я рекомендовал увеличить масштаб, сняв все ограничения на реализацию продовольствия с таких земельных наделов.

— По твоим словам сейчас делают пересортицу и вывозят на рынок то, что могли бы продавать в овощных магазинах, — заметил Пётр Миронович. — Исчезнет дефицит, упадут цены. Частники снова перестанут торговать.

— Законы рыночной конкуренции никто не отменял, — парировал я. — Завмагам станет невыгодно манипулировать. К тому же если поставить вопрос об отмене плановой торговли, то многое изменится.

— Тебе возразят, что в стране наступит анархия и бардак, — полистал дальше доклад Машеров, — но я полностью согласен с этой точкой зрения. Нужно продумать, как это подать.

На самом деле задача непростая. Социалистическое общество от капиталистического, грубо говоря, отличается именно отсутствием рынка и конкуренции. Правда, всё это планирование не работает как должно. Пусть у нас в стране не случаются кризисы перепроизводства, но других проблем выше крыши и прежде всего тотальный дефицит почти всего, что должно производиться предприятиями лёгкой промышленности.

В результате мой доклад решено было разделить на две части и немного дополнить. Первое выступление наметили на первые числа сентября. Этот доклад касался темы того, как прогресс не стоит на месте, «космические корабли бороздят...» и марксистско-ленинское учение претерпевает изменения. Открыто произносить слова о частной собственности мы пока не рискнули. И ссылаясь я в большей степени на реформу, предложенную ещё Косыгиным, который планировал дать предприятиям больше экономической свободы.

Предлагалось упразднить органы территориального управления хозяйством. К примеру, есть колхозник, который может выращивать свиней у себя на подворье. Колхозник имеет над собой председателя, тот своё руководство и так далее. Этот административно-

управленческий аппарат огромен. Для той свиньи, что выращивает колхозник, без разницы, сколько бюрократических пиявок занимается якобы нужным делом. Сельского жителя достаточно материально заинтересовать или предоставить льготы, чтобы он сам захотел выращивать как можно больше мяса или овощей.

Предприятиям же большая экономическая свобода должна была дать стимулирование развития. Одно дело, когда это спущенный сверху обязательный план, и совсем другое, когда завод по выпуску станков должен будет сам их реализовать.

Жёстко и без прикрас я критиковал продукцию, производимую на Кавказе и в Средней Азии. Станки из Грузии и Армении можно было сразу отправлять на переплавку. Осведомители снабдили меня конкретными справками и номерами изделий, а также названиями заводов, вынужденных принимать эти станки, чтобы тут же задвинуть их в дальний угол цеха. Мечтаю посмотреть, как будут продавать станки Ереванского завода в свете предложенных реформ.

Они на свои станки ещё умудряются добавлять к номеру букву «П», что означает прецизионный повышенной точности станок. Стоит это изделие дороже, а по сути г***о, работа на котором подразумевает наличие рядом серьёзного ремонтного участка. Жаловаться или требовать гарантии смысла не было. В кавказских республиках сильно было кумовство. Прикрывали друг дружку руководители всех уровней и на жалобы покупателей не реагировали, поскольку имели план и были стопроцентно уверены, что на следующий год получают премии, сбудут никому не нужный металлолом, по ошибке именуемый станками, двигателями или конденсаторами.

Микроавтобусы ЕРАЗ вообще одна большая насмешка над прототипом Рижской автобусной фабрики (знаменитые РАФики). Про грузинский грузовик «Колхида» отзывы были не лучше. Народный фольклор, насмехаясь, заверял, что «курица не птица, а „Колхида“ не тягач». И какой смысл производить то, что не соответствовало качеству?

Буду объективным. Проблем на заводах и в РСФСР хватало. Не было у людей того материального стимула, чтобы они буквально «рвали жилы» и не за лозунги, которые давно стали формальностью, а из желания заработать и улучшить свою жизнь.

Рассказывал мне один слесарь-инструментальщик, как у них в цеху обстоят дела. Допустим, вышло из строя уплотнительное кольцо на станке. Теоретически купить его на замену можно у завода-изготовителя, но реально это, простите за каламбур, нереально. Планы составлены, продукция отпущена, в том числе и та, что должна стать запчастями. Сверх того, что положено по плану, никто ничего не изготовит, не продаст.

Но уплотнитель для станка нужен. Потому отдел главного механика делал чертёж, с которым шёл в отдел главного технолога, где конструктор выпускал уже чертёж на пресс-форму для вырубки уплотнителя. С чертежом на пресс-форму мастер отправлялся в инструментальный отдел, чтобы там открыть наряд-заказ. Вроде бы все инстанции пройдены. Ан нет. Токарь, который должен точить пресс-форму, в запое. Станок стоит, план горит, а тому токарю по сути наплевать. Ну пожурят его на собрании коллектива, ну поговорят, а толку-то? Это не те стимулы, которым подчиняются.

При определённой экономической свободе предприятий и с возможностью самим устанавливать заработную плату всё будет по-другому. Этого токаря если не погонят взащей, то свои отпинают, чтобы не волянил и давал людям заработать.

Естественно, что реформы потянут за собой изменения цен. Будут и недовольные, и те, кто осудит такие преобразования. В первую очередь, руководители райкомов и обкомов

ощутят, что они перестали быть местными царьками и власть из рук уплывает. Такое положение дел никому не понравится и потому нужно серьёзно готовиться к сопротивлению.

Выступление по центральному телевидению согласовали на второе сентября. Сразу после программы «Время» шла запись моего доклада «О ситуации в торговле, лёгкой промышленности и путях её решения». Волновался я так, как никогда ранее. А ведь мне не привыкать к публичности. Несколько раз перезаписывали выступление и делали поправки, а после в студии я дублировал сам себя.

Чтобы привлечь как можно больше внимания к своему выступлению, я решил дать оригинальную подачу. Не просто тупо зачитывал по бумажке текст, а был снят своеобразный клип, начинающийся с кадров в ГУМе, которые тут же сменялись видом классной комнаты, где я уже у доски рисовал цифры.

Машеров, просмотревший моё выступление, был поражён до глубины души.

— Знаешь, Александр, даже без текста это вот всё цепляет. И вправду сидят у нас лоботрясы, что-то сочиняют годами какую-то ерунду. А ты вон за несколько секунд набросал эскизы необычной обуви. Таких кроссовок и на Западе нет. И чем все наши творческие личности занимаются? Почему не предлагают, не внедряют?

— Не внедряют, что цепочка прохождения от эскиза до готового изделия занимает много времени, — напомнил я очевидное. — К тому же у меня предусмотрены такие материалы, которые проходят тестовые испытания.

В общем, второго сентября моё выступление показали всей стране. Нарядная Сашка заняла место перед телевизором сразу, как началась программа «Время». Чего принарядилась, я так и не понял. Мы же не в театре. Довольный отец тоже сел на почётное место в кресле. Ни он, ни жена совершенно не были в курсе того, о чём я там стану говорить. Сашка видела краем глаза, как я тренировался в рисовании эскизов кроссовок и силуэтов женской одежды, потому решила, что моё выступление будет о моде.

— Маму предупредила, они тоже будут смотреть. И соседям всем рассказали, — похвасталась жена.

Ромка устроился у деда на коленях и тоже ждал, пока папу по телевизору покажут. Он, кстати, единственный, кто просто радовался тому, что моя физиономия в течение получаса мелькала на экране. Выступление закончилось и дальше начался показ художественного фильма. Вот только мои сидели молча, словно онемев от испытанного шока.

— Саша, а тебе за это ничего не будет? — первой опомнилась супруга. — Это точно разрешили?

— Машеров лично подписал, — ответил я.

— Шурка это... это... — нервно протирал линзы очков отец. — Неужели случилось? Я хоть и атеист, но, слава Богу, дожил до изменений в стране.

— Это ещё не изменения, пока слова и подготовка общественного мнения к реформам.

— Люди поддержат, пойдут за тобой и Машеровым! — с жаром стал доказывать отец.

— Ой ли? — усомнился я. — Не бери в пример Москву и Ленинград, подумай о тех баях в Узбекистане и Туркмении. Уверен, что они образуются?

— Так гнать нужно всю эту шваль! — горячился отец.

Обсуждение моего выступления продолжали до середины ночи. Ромку уложили спать, а мы в лучших традициях советской интеллигенции засели на кухне, доказывая друг другу свою точку зрения ситуации.

Какой резонанс получило в стране моё выступление, я ощутил на следующее же утро, когда вышел из лифта. Консьерж дядя Толя, ветеран войны, поспешил мне навстречу и долго тряс руку.

— Александр Дмитриевич, так и надо, так им всем! — грозил он непонятно кому.

Выйдя на улицу, я сообразил, что в ближайшее время мне не стоит пользоваться ни общественным транспортом, ни ходить в магазины. Откуда ранним утром столько людей собралось во дворе, я так и не понял. Меня обступили, похлопывали по плечам, какие-то тётки лезли с поцелуями. Чувствовал себя поп-звездой в окружении фанатов.

— И мне твоей славы перепало, — усмехался Машеров на утреннем совещании. — Что скажете, товарищи? — обратился он уже ко всем присутствующим.

Выступление по телевизору смотрели все. Кто не запомнил, мог ознакомиться в печатном виде. В «Известиях» и «Комсомольской правде» доклад поместили на первой странице. Мне очень захотелось наведаться в родной отдел на Лубянке и почитать, как прокомментировали моё выступление западные СМИ. Думаю, для них это было не меньшим шоком. Подобного в СССР не допускали. Мы же обычно рапортовали о своих успехах в деле строительства самого передового общества в мире. И вдруг такое!

— Пётр Миронович, это недопустимо!

— Был бы жив Сулов...

— Это порочит нашу страну! — начали наезжать на нас с Машеровым те самые товарищи.

— Петров соврал хоть одним словом?! — рыкнул на всех Генеральный секретарь. — Или вы скажете, что этого нет? Нет дефицита, нет воровства в торговле, нет перекоса в сторону тяжёлой промышленности? Если это всё существует, то будем менять. Александр Дмитриевич, раздай товарищам копии второй части.

Никто из присутствующих, конечно, не знал и не мог предположить, что за основу предлагаемых реформ я взял проверенную временем экономику Китая. Эта единственная модель, которая могла быть использована в СССР. Ни в восьмидесятых годах, ни в двадцатых двадцать первого века не существовало ни одного государства в мире, которое могло с уверенностью заявить, что имеет идеальную по всем показателям экономику. А значит, и не нужно стремиться к этим утопическим идеалам, а брать то, что работало.

Сейчас в СССР в основе планового хозяйства лежит общественная собственность на экономические ресурсы с одной стороны и централизованное государственное управление экономикой страны — с другой. При реформировании экономики страны плановое хозяйство никуда не денется, а будет дополнено рыночным. Неповоротливая система сбора статистических данных наверняка не будет успевать за потребностями рынка. Тут уж никуда не деться. Нет ещё развитой компьютерной системы, интернета и просто гибкого мышления руководителей.

— Необходимо объединить функции правительства в распределении ресурсов и рынка, — зачитывал вслух я свой доклад. — При этом ни при каких обстоятельствах мы не должны идти по пути свободной рыночной экономики.

В стране Советов не принято было открыто заявлять о недостатках плановой экономики, поскольку это противоречило идеологии партии. Даже Машеров нет-нет да и морщился, слушая то, что озвучивалось мной без прикрас, хотя и был уже знаком с тем, что я выдвигал.

Первый и самый наглядный недостаток — это как раз невозможность оперативного

реагирования на потребности общества, что приводит к дефициту того или иного товара и услуг. Как следствие этого — неравномерное распределение денежных средств, искусственное сохранение убыточных предприятий. Плюс у производителей отсутствуют стимулы к эффективному использованию ресурсов и расширению ассортимента товаров.

Здесь в качестве примера я привёл пока ещё незаконную деятельность цеховиков. А ведь именно они уже демонстрируют, как можно с прибылью для себя экономить сырьё и материалы или снизить себестоимость продукции. Также раз и не два проходили по нашему ведомству дела о незаконной добыче золота из списанных узлов и деталей, отправленных на помойку. Металлолом сейчас сортируют поверхностно. Никто особо не ценит попавший в утиль алюминий и ту же медь. Нет, конечно, её собирают отдельно, но количество этого металла на свалках поражает своими масштабами. Частенько в утиль попадают драгметаллы, именно их и находят ушлые граждане.

Далее к недостаткам экономики можно отнести ничем не объяснимое стремление к перевыполнению плана, которое зачастую ведёт к потере качества. Без прикрас я откровенно раскритиковал тот самый «миллион тонн Кубанского риса», приведя примеры и последствия перевыполнения того, что изначально не могло быть.

— Смешанная экономика — это путь преодоления трудностей в нашей стране, — продолжал я. — При этом только государство должно управлять экономикой, вся банковская система должна строиться только на наших банках и никаких иностранных. Вмешательство в экономику и регулирование народного хозяйства правительством должны проводиться путём принятия законов и правил, которые будут направлены на поддержание порядка на рынке.

О привлечении иностранного капитала и работе на экспорт я подчеркнул особенно, снова повторив о недопустимости иностранных банков на территории страны.

Моё выступление на рабочем совещании Машерова — это не Пленум ЦК КПСС, но все поняли, что Генеральный секретарь поддерживает реформы. Военные, тот же Соколов, против не выскажутся ровно по той причине, что их это никак не коснётся. Пока не коснётся. На самом деле финансирование урежут, но не сразу и не сейчас. Пусть министр обороны ещё какое-то время пребывает в счастливом неведении в отношении своей отрасли и занимается выводом войск из Афганистана. Остальные старички из ЦК если и будут против, то не наберут нужного числа голосов для возражения.

По результатам заседания мне выделили группу, с которой мы обязаны были в течение трёх месяцев подготовить чёткий проект реформ, касающийся всех областей экономики страны.

Второй мой доклад по телевидению не транслировали, но в центральных газетах его напечатали и объявили всенародное обсуждение.

И плотину прорвало!

Слишком много накопилось того, с чем были несогласны простые люди и о чём не говорили открыто. Даже те продавцы, которые обвешивают покупателей, всего лишь заложники сложившейся системы.

Прибежала в гости тёща за разъяснениями.

— Саша, и что, я смогу работать у нас в ателье и шить дома на заказ вполне официально? — выпрашивала она.

— Нужно ли вам работать в государственной структуре? Вы вправе организовать свой маленький частный бизнес, — пояснял я.

— Да как же сама? Это что же, уволиться? А вдруг ничего не получится? Нет уж, лучше так и буду закройщицей. Но точно, что разрешат шить и брать деньги?

— Точно-точно, — пообещал я.

Тема частного предпринимательства стала самой обсуждаемой в течение всей осени. На этом фоне прошло незамеченным такое событие, как высылка из Великобритании двадцати пяти советских дипломатов и других официальных лиц, обвинённых в шпионаже. СССР в ответных мерах выслал из нашей страны столько же англичан. У Пленума уже не было возможности принять другое решение, отличающееся от положительного. Советский народ такого бы не понял.

Илья добросовестно приносил мне новости из нашего отдела. Кроме того, пусть он и не входил в группу, разрабатывающую проект реформы, но активно советовал и подключал дядю Вову.

— Сашка, это точно сработает? Как там у вас в будущем было? — выпрашивал Илья.

— Ни черта я не уверен, что сработает! И вероятность того, что история инертна, очень высока. Гарантии, что СССР не распадётся, нет.

— Какой всё же процент вероятности? — не унимался друг.

— Илья, я вообще предполагаю, что всё случится как и в той реальности. По сути я уже повторяю знаменитую горбачёвскую гласность.

— И смысл тогда во всём этом? — недоумевал Илья. — Реформа реформой, но получается, что на следующий год нужно будет вносить поправки в Конституцию?

— Смысл в том, чтобы внести изменения. Даже если частично события повторятся, у меня лично имеется шанс стать во главе страны и что-то предпринять, — заявил не стесняясь. — Пусть где-то в двухтысячном году, но именно с этого периода я смогу решать многое в стране.

Илья недоверчиво покосился, но комментировать не стал и снова вернулся к «нашим баранам». Реформа вырисовывалась очень уж спорной. То, с чем КГБ долго и упорно боролся не одно десятилетие, вдруг станет законным. Это он ещё не подозревает, к чему приведет стихийный рынок производства товаров народного потребления. Сейчас «американские» джинсы шьют подпольно, сбывают тоже полулегально. Когда снимут запреты на подобный вид деятельности, то страну заполонят подделки а-ля Америка.

Уж кто-кто, а я хорошо помнил китайский ширпотреб с логотипами известных брендов. В середине девяностых бывший СССР заполонили поддельные товары. «Челноки» тащили товары из Турции и Польши, но основная масса была всё же китайского производства. Люди с огромными клетчатыми сумками стали привычными на улицах городов. Расцвет «челночной» торговли объяснялся не только и не столько тем, что появилась возможность ввозить товары из-за рубежа — разваливающаяся промышленность не могла удовлетворить спрос на потребительские товары, а советская система торговли в условиях нового времени показала свою полную непригодность. В результате в российских городах стали разрастаться рынки, где можно было разжиться разноцветными лосинами и китайской бытовой техникой.

И уж если быть объективным, то помимо снабжения россиян сумочками, яркими футболками с заграничными надписями и кроссовками, «челноки» выполняли и другую важную функцию — обеспечивали людей рабочими местами и стабильным заработком. Люди с высшим образованием, интеллектом, приоритетами, ценностями были вынуждены заниматься торговлей, поскольку все их иллюзии о ценности жизни и порядочности власти были растоптаны. От безвыходности ситуации им приходилось становится «челноками».

Я в то время жил в Забайкалье и наблюдал за тем, как наш народ быстро переделался в китайские шмотки. Пусть и плохонького качества, но яркие и имеющие известные названия. Американцы тогда сильно возражали против использования брендов своих известных торговых марок. Даже попытались воспрепятствовать, наложить санкции. Угу. Это на европейские страны можно как-то повлиять, запугав блокадами. Китайцам на эти угрозы было наплевать. В ответ китайское правительство пригрозило продать оружие какой-то из стран Ближнего Востока (за давностью лет не помню точно кому). Американский президент пошёл на попятную. Пусть, мол, торговые фирмы сами разгуливают ситуацию. Хотя этот вопрос позже всплывал не один раз, китайцы так и продолжали шлёпать подделки, и уже не кустарные, а вполне фабричного качества, заполонив своим товаром весь мир.

Так что насчёт подделок и их реализации я несильно волновался. Когда страна насытится не особо качественным товаром, рынок сам отрегулирует и спрос, и предложение.

Приходила в гости и тётя Роза, тоже с вопросами, как оно и что будет и точно можно выползти из подполья всевозможным ювелирам и дантистам?

Увы, в этом вопросе представительницу еврейской национальности я не порадовал. Ювелирка и золотые коронки по-прежнему вне закона. Ровно по той причине, что прибыль с этого вида деятельности такая, что попадает под статью о хищении в особо крупных размерах. Кстати, глупость полная. Но Машеров в этом вопросе упёрся так, что не сдвинуть. Золото только на государственных предприятиях. Обработка драгоценных камней там же.

Так что как существовал чёрный рынок в этой области, так он и останется. Насколько это правильно или нет, я сказать не мог. Золото, оно и в Африке золото.

К слову об Африке и Азии. СССР стал сокращать поддержку той якобы освободительной борьбы. Попутно Машеров подписал указ о прекращении финансирования коммунистов Запада. Я же аналитику толковую подал. Отчего наши коммунисты платят взносы, а зарубежным мы должны давать деньги? Аргументировали все эти оплаты тем, что братские компартии ведут подрывную деятельность. Не особо-то её и видно. Если нужно будет что-то организовать, то у нас вездесущий КГБ имеется.

Этот указ генерального секретаря прошёл тихо и без рекламы. Из ЦК никто не вякнул против. Приведённые цифры и аргументы были внушительные. Спасибо дяде Вове, который раздобыл мне их. Вкладываемые в компартии миллионы долларов совершенно не окупались. Верят они там в идеалы коммунизма, и слава богу! Только зачем деньги на свою веру просить? Нет уж, будьте добры, сами платите взносы и сами добываете средства для выпуска газет и чего-то ещё. А тайные осведомители-агенты будут оплачиваться отдельно.

Ситуация с этим финансированием действительно сложилась абсурдная. К примеру, компартия Дании, где всего две тысячи человек, не имеющая голосов в парламенте и практически не влияющая ни на что в стране или в мире, ни с того ни с сего получала по триста тысяч долларов в год. За что?!

Машеров, которому я указал на подобный факт, задался тем же вопросом. А затем вторым: кто именно решил выделять подобную сумму?

— Перекрывайте финансирование и смотрите, кто начнёт требовать его возобновления, — озвучил я очевидные вещи. — Рядовым иностранным коммунистам хватит поощрения в виде поездок по нашей стране и в санатории.

— Доказательств, что все выделяемые деньги присваиваются верхушкой компартии, у вас нет? — уточнил Пётр Миронович.

— Только косвенные — виллы, автомобили и подобное. Ну и статистика, сколько за

последнее время привлечено новых агентов.

Каждый Генсек в любой стране имел задание — подбирать для разведки кадры. После войны компартии оказались скомпрометированы — что ни процесс на Западе по делу о шпионаже, то непременно замешаны коммунисты. Поэтому после смерти Сталина ЦК КПСС принял решение о том, чтобы КГБ больше с зарубежными компартиями не работал. Однако это решение оказалось половинчатым. Несвойственная разведке функция — передавать валютные средства зарубежным компартиям — осталась за КГБ.

На бумаге выглядело всё красиво. И агенты привлекались, и коммунистов становилось больше. А вот ответных дел выходило с пшик.

С этими деньгами компартий в моей реальности вышла мутная история. Были деньги да сплыли. Историй о партийном золоте было много. Куда делось всё накопленное?

Позволю себе высказать предположение. Возможно, какую-то сумму сумели умыкнуть на иностранных счетах и кто-то ею распорядился по своему усмотрению. А поскольку эти дела проходили через КГБ, то отыскать концов так и не смогли. Комитет свои секреты хранил добросовестно.

Но вспомним о том, что на момент распада СССР часть денег находилась «на руках». Взносы собирались ежемесячно. И не сразу всё прекратилась. Одна моя знакомая из Эстонии рассказывала, как объявили о роспуске Коммунистической партии этой союзной республики. Вопросов образовалось много. Что делать? Что ждёт всех? На всякий случай парторг решил уничтожить личные дела коммунистов предприятия. А ещё у него имелись деньги из числа тех, что выделялись на поощрения, премии, покупку чего-то агитационного и прочее.

Партию объявили распущенной, а деньги остались. В общем, поделил их парторг со своим замом, да и сжёг документацию. Никто не вспомнил и не узнал о тех деньгах. Предположу, что подобное происходило во многих местах. А уж когда Ельцин свой партбилет швырнул на стол, то многое поменялось. Недоверие к партии достигло своего пика. К ноябрю 1991 года в результате роспуска, приостановления, запрета и других преобразований коммунистические партии республик прекратили свое существование. Это означало, что КПСС перестала отвечать признакам общесоюзной политической партии.

Ну а денежки... они такие. Имеют свойство исчезать.

Когда весной 1986 года вышло постановление Совета Министров СССР «О мерах по созданию и развитию малых предприятий», в котором определены основные документы для государственной регистрации малых предприятий и льготы для малого бизнеса по налогообложению и амортизации, можно было сказать, что реформа вступила в силу.

Ожидаемо, резко и сразу изменений в стране не случилось. Так-то ждали, надеялись, но и шептались, что будет как с НЭПом в двадцатых годах — вначале дадут свободу предпринимательству, а после всех в Сибирь сошлют. Вообще-то поколение людей, выросшее при социализме, с трудом представляло, как можно бросить официальную работу и замутить собственный бизнес. Не буду говорить о том незначительном проценте спекулянтов и фарцовщиков, которые существовали в СССР. В большинстве своём простой народ, такие как моя тёща, пусть и подрабатывали раньше на стороне, но это не отменяло их основной работы. К тому же многих смущало налогообложение и ведение бухгалтерии, пусть и в упрощённом виде.

Практически до лета ничего существенного не происходило. Злые языки нашептывали Машерову, что задумка провалилась. Мол, зря напрягали силы и ресурсы, советским людям чуждо всякое проявление частной собственности, и вообще, мы же к коммунизму идём.

— Предлагайте другие пути решения, — злился Пётр Миронович и косился на меня.

В ответ я пожимал плечами и заверял, что для любых преобразований нужно время.

Первыми, как я и ожидал, отреагировали на свободу в предпринимательстве выходцы из кавказских республик. Когда потеплело, на улицах Москвы стали организоваться стихийные пяточки, где торговали обувью, пошитой в Ереване и вязаными изделиями из Дагестана и откуда-то ещё. Вокруг этих точек концентрировались бабушки с пучками молодой редиски, укропа и прочей зелены.

— Развели грязь! — возмущался отец подобным рыночкам. — Откуда столько мусора притаскивают?

— А я себе туфли купила, — похвасталась Сашка. — Красивые?

— Симпатичные и вроде бы крепкие, — покрутил я то, что приобрела жена на одном из стихийных рынков.

— Да, кожа немного грубовата. Зато цвет как раз под мою сумочку, — радовалась жена. — Мама сказала, что шьют эту обувь небольшими партиями и встретить вторую пару в столице маловероятно.

Вот честно, мне пофигу, носит кто похожие на мои туфли или нет. Для женщин это целая трагедия. Туфли и сумочки ещё не так страшно. А вот попасть на какое-нибудь мероприятие в одинаковых платьях — катастрофа.

Пока я готовил документы по реформе, собирал материал, посещал «Берёзки». Мне под это дело официально чеки выделили. На самом деле социологических опросов не требовалось проводить. Я и без них мог сказать, что народ покупает всё! Всё, что есть импортное в «Берёзках», берут не раздумывая. Разве что продукты наши покупают меньше. Их в основном приобретают иностранцы, отоваривающиеся в этих спецмагазинах. Они же проявляют интерес ко всевозможным матрёшкам и прочим народным промыслам, увозя подобные сувениры за границу.

После тех моих рейдов по «Берёзкам» остались чеки. Довольная Сашка прикупила себе

платье. С позиции двадцать первого века ничего особенного. Трикотаж леопардовой расцветки, коротенькие рукава, скромный вырез. Но Сашкину фигурку обтягивало соблазнительно. Она у меня перед глазами покрутилась, покрутилась, да так, что я не только платье оценил, но и задумался на тему того, что можно Ромке братика или сестричку подарить.

Радовалась новому платью Сашка недолго. Уже через несколько дней столкнулась с кем-то с метро, имеющим схожий наряд. Да и потом встречала в нашем районе дамочек в идентичных платьях. С одной стороны, тем, кто в теме, понятно, что девушка имеет доступ в «Берёзку» и не какая-то там колхозница. С другой, дамам такие совпадения не сильно нравятся. Это юбку из простого магазина можно носить не обращая внимания. А здесь вещь «достали», возможно, по блату, и вдруг такой облом.

По этой причине пока ещё робкие поставки обуви из союзных республик пользовались популярностью.

Меня же больше всего волновало, что и как будут продавать предприятия тяжёлой промышленности. В феврале прошёл XXVII съезд КПСС, где озвучили многие вопросы утвердили реформу и выпустили скорректированный пятилетний план, в котором многие отрасли были указаны с плавающими цифрами. Мало того, заводы теперь сами могли выбирать поставщиков и отказываться от той продукции, которую не хотели покупать. Правда, это пока в теории. Не успевали мы заложить в новой пятилетний план такие преобразования. Хорошо, если к следующей пятилетке сумеем оценить и выставить реальные планы.

Илья добросовестно приносил аналитику. По этим цифрам было видно, что некое оживление наметилось на юге. В городах-курортах уже активно торговали всевозможными пластмассовыми поделками (бусы, прочая женская бижутерия, какие-то предметы для сервировки стола). На южных рынках продавали шитую кустарно одежду, вязаные вещи и обувь. Так-то это и раньше было, но теперь деятельность стала официальной.

В Москве тем временем обитатели блошиных рынков выползли на улицы и тоже занялись активной торговлей, сбывая старые вещи, книги и продукты домашнего консервирования. Это всё не имело отношения к тому, что предполагала реформа. Допустим, варенье, которое продаёт бабушка, можно с большой натяжкой посчитать товаром частного бизнеса, но реализация книг под эту категорию никак не попадала.

Машеров велел не трогать никого из торговцев. Его советники хотели посмотреть, как будет проходить денежный оборот. КГБ в этой области достоверных прогнозов дать не мог, требовалось мнение экономистов. По идее, у людей на руках имеются дензнаки. Не все держат сбережения на сберкнижках, что-то припрятано «на чёрный день».

Стимулирование товарооборота в любом случае подстегнёт движение денежной массы. Но наличных в СССР на самом деле не так много. Рубль привязан к золоту, которое выступает гарантом стабильности советской валюты. Печатать деньги — не вариант. Страна и без этого в сложной экономической ситуации.

Резкий обвал цен на нефть я «спрогнозировал» и преподнёс эту информацию Машерову сразу, как только он вступил в должность. Падение цен стало результатом политических махинаций США. Цена на нефть росла, начиная с 1973 года, когда разразилась египетско-израильская война. Тогда арабские страны — члены организации ОПЕК — объявили эмбарго государствам, поддержавшим Израиль (США, Голландии и другим), и резко уменьшили поставки нефти в основные нефтепотребляющие страны. В результате стала

расти её добыча в странах, не входящих в ОПЕК, в первую очередь в СССР.

С начала 1986 года цена на нефть стала падать. Многие не верили, что случится обвал и нефтяные цены с тридцати двух долларов рухнут до десяти (в некоторые дни на торгах и до шести доходило). Экономические потери нашей страны измерялись миллиардами, и не рублей, а долларов. КГБ участвовать в биржевых операциях посчитал неправильным. Могли бы через подставных лиц что-то заработать на падении цен, но решили, что и без этого идёт подрыв экономики, не стоит дальше усугублять ситуацию, гоняясь за незначительной прибылью.

На этом фоне мелкая суета частников с перепродажей того, что пошили, сделали или собрали на огороде, выглядела незначительной.

К тому же тех огородов и дач, которые предположительно накормят народ, ещё не было. Колхозы и совхозы не хотели расставаться даже с нерентабельными землями. Машеров занял выжидательную позицию. Мы с ним этот вопрос обсуждали неоднократно. И указ нужный он издал ещё в середине марта. Колхозам предлагалось передать часть земель горожанам в аренду. И сделать это добровольно. Ещё никто не знал, что после это будет проводиться в обязательном порядке. И изыматься будут те наделы, которые выберут представители службы обеспечения горожан огородами.

Как мы все помним, битва за урожай начнётся осенью. Колхозы, само собой, ждут на уборку студентов, солдат и прочий люд, которые обычно собирают овощи и фрукты. Только в этом году случится сюрприз. Безусловно, правительство не позволит, чтобы урожай сгнил. Студенты поедут «на картошку», но все колхозы и совхозы, затребовавшие помощь, будут внесены в список хозяйств, не справляющихся со своими обязанностями.

Отчего фермеры Америки вполне успешно собирают урожай, ничего у них не гниёт, наёмным работникам они платят, ещё и налоги государству отстёгивают, а наши колхозники каждый год принимают участие в «битве». Официально земельные наделы не отберут, а возьмут в аренду. На ленинский лозунг — «земля крестьянам» — никто не покушался. Просто временно, ага, заберём ту, где колхозники не справляются.

С выделением дачных наделов было немного сложнее. Где-то в Сибири, в таёжных краях, на том же Дальнем Востоке выделить участки не проблема. Там и со строительными материалами всё проще. В средней полосе, на юге или в Подмоскowie следовало сначала создать материальную базу для строительства. Но в любом случае Машеров разослал распоряжения о том, что по возможности выделять гражданам наделы под дачи, и не шесть соток, а минимум вдвое больше.

И о чудо! Как-то сразу нашлись и земли, и возможности в том же Геледжике, Сочи, в Крыму. Снова Пётр Миронович сделал вид, что не заметил, как странно стали распределять дачные участки. Главное, что народ при деле. Все обсуждают, жалуются на местных начальников, строчат письма и статьи в газеты. При этом о мировых ценах на рынке мало кто задумывается, национальные проблемы как-то отодвинулись на второй план. Какой-то такой национализм, когда тут думаешь, что бы такого если не умыкнуть, то приобрести подешевле, вырастить и продать с выгодой для себя? Узбекские дыни буквально караванами повезли в центральную часть страны. За ними следом арбузы, яблоки и прочее.

Впервые за всю историю страны гражданам, состоявшим в кооперативах или имеющих малый бизнес, было разрешено приобретать грузовые и грузопассажирские автомобили и автобусы, ранее считавшиеся средствами производства, запрещёнными к владению частными лицами. Купить у предприятий или военных списанные, да еще в рассрочку,

машины и просто взять транспорт в аренду стало просто. Естественно, это усилило дефицитность авторынка.

Думаете, никто наверху не сообразил, какие махинации начали проворачиваться со списанием транспорта? Прекрасно всё понимали и видели. Но задача стояла другая — накормить страну, создать изобилие. И в этом деле логистика, быстрая доставка продовольствия из одного региона страны в другой была на первом месте. Позже подкрутим гайки. А может, и нет.

Кто бы и что ни говорил, но я считал, что вести успешный бизнес в соответствии с законом (у нас в стране) невозможно. И тут на первое место выходит ещё и проблема с коррупцией в рядах МВД. Пока представители милиции не особо нагтели. ГАИ мог тормознуть грузовик с арбузами, чтобы взять парочку штук себе, но в том, чтобы платить проценты от дохода, и речи не было. Да и частного бизнеса толком тоже.

Лето пролетело в делах и хлопотах. Сашка немного ворчала, хотя и понимала, что у меня ответственная работа. Ни на день нельзя оставить службу. Только я было собрался попросить несколько дней отпуска, а тут Шеварнадзе в гости приехал. И Машеров потребовал моего присутствия. Первый секретарь Грузии имел серьёзные претензии к руководству страны. Покричал на Машерова, что Кутаисский автомобильный завод испытывает большие проблемы. Слово «банкротство» не прозвучало, но подразумевалось.

— Не выполним мы пятилетний план по производству тягачей, — доказывал Шеварнадзе.

— Эдуард Амросиевич, а нам не нужно, чтобы вы строго придерживались прописанных цифр и гнали откровенный брак, который не желают покупать предприятия, притом что они испытывают нужду в грузовых автомобилях.

— Вы со своими реформаторами совсем голову потеряли! — негодовал Шеварнадзе. — В команде у вас люди молодые, неопытные. Как вести экономику страны, знают из книжек.

В роли того молодого и неопытного я стоял в стороночке с блокнотом в руке, ожидая, когда понадобится что-то записать. Машерову же наезды грузинского лидера начали надоедать. И он решил припомнить то, что я ему в секретной папочке передавал.

— Когда осетинский вопрос решите, тогда и поговорим, — подвёл итог Пётр Миронович. — У вас, кроме КАЗов, проблем в республике предостаточно.

Улетел Шеварнадзе, прибыл Карен Демирчян со схожими вопросами и проблемами. Из республик Средней Азии никто не приезжал. Зато слали послания с просьбами разъяснить ту или иную ситуацию. В Узбекистане продолжали расследовать дело Рашидова, и тамошняя верхушка власти опасалась попасть под пристальное внимание если не КГБ, то МВД.

А проблемы в стране множились. Для развития частного предпринимательства не хватало материальной базы. Наметились некоторые проблемы с наличными деньгами. На зарплаты хватало, а так на заводах и фабриках давно не видели живых денег, полностью перейдя на безналичный расчёт. Доходило до того, что в крупных городах предприятия оплачивали своим рабочим и служащим проезд в городском транспорте, напечатав специальные проездные билеты. А транспортникам деньги перечисляли безналом.

Сашка пожаловалась, что тёща хотела снять деньги со сберкнижки и вынуждена была ждать неделю свой заказ в триста рублей.

— Что она купить собирается? — уточнил я, прикидывая, чем могу помочь.

— Ничего особенного. Мама потратилась на закупку тканей для своего шитья. Хотела Ромке к школе подарков купить, а с деньгами такие ограничения.

Ромка у нас в этом году пойдёт в школу. Введённые Черненко преобразования Машеров отменять не стал. На основе продлёнок устроили для первоклашек спальные места. Педагоги никак не воспринимали шестилеток как полноценных учеников. Для них это детсадовцы, у которых правительство урезало один год детства.

Ромка так не считал и рвался в школу. Дед его настраивал на серьёзную учёбу. Сашка вызвала мастера-настройщика. С нашего пианино наконец смахнули пыль. Роман, кроме общеобразовательной школы, будет в музыкальной учиться. Они с Сашкой ходили на собеседование. Сына похвалили за врождённый слух. О том, что он у нас на двух иностранных языках разговаривает, школьным учителям только придётся узнать. Сам Ромка воспринимал это как само собой разумеющееся, сильно удивляясь тому, что кто-то знает один русский язык.

— Чтобы песенки понимать, — просветил он второго деда. — Ты знаешь, про что «АББА» поют? У мамы целая кассета их песен.

Тесть о том, что поёт популярная шведская группа, не был в курсе и решил, что знание языков дело нужное, но не всегда.

— И руками работать нужно уметь, — заявил он, невольно напомнив мне анекдот этих времён про японскую делегацию, которые на вопрос, что им больше всего понравилось в СССР, ответили: «Дети. Но всё, что вы делаете руками, никуда не годится».

Сами родственники уже серьёзно размышляли о собственном бизнесе, предполагая, что в случае чего могут рассчитывать на мою поддержку. Правда помочь снять всю сумму со сберкнижки я не мог. Не хватало стране наличных денег. К середине осени дефицитными стали многие товары, которые раньше залёживались на прилавках. Наш народ проявлял смекалку и изворотливость, создавая новые вещи.

Были, конечно, и недовольные. В основном это касалось директоров предприятий, не желающих усложнять себе жизнь. Если их продукция продавалась, то они и не искали для себя дополнительной работы, не желая помогать кому-то.

«Кооператоров просим не беспокоить» — принёс Илья мне табличку, раздобытую на одном из таких предприятий.

Были и хорошие моменты. Автомобильный завод в Кутаиси, тот самый, за который лично хлопотал Шеварнадзе, стал выпускать запчасти для своих же тягачей. Запчасти едва с руками не отрывали! И это притом, что на заводе осуществлялась компоновка. Узлы и агрегаты использовались от серийного грузовика ЗИЛ и поставлялись из Москвы. Изначально завод в Кутаиси был ориентирован на выпуск самосвалов и тягачей, необходимых в сельском хозяйстве. Но военным требовался другой автомобиль. Запустили серийное производство, взяв за основу наработки ЗИЛа. Получилось не очень. А тут ещё Машеров с реформами и нежелание предприятий покупать откровенный брак. Как нашли резервы, станки, где разместили и нашли рабочих, я не интересовался.

Главное, результат. А там, глядишь, и качество самого КАЗа улучшится. Так-то он считается достаточно прогрессивным для этого времени. Водителю предоставлен хороший уровень комфорта: спальное место, вентилятор, противотуманные фары. К тому же транспорта в стране действительно не хватает. Особенно легкового.

И снова пресловутый пятилетний план. Тольяттинский завод, выпускающий «Жигули», который год держал планку выполнения плана и перешагнуть её не мог не только потому, что не позволяли мощности конвейера, но и по ещё очень распространённой причине — заводу не нужны лишние безналичные деньги и проблемы с их освоением. Личной

заинтересованности в этих деньгах у руководства нет. Всё, что можно освоить в виде детских садов, санаториев, домов отдыха, давно сделано. Каждый пансионат тянет за собой другие проблемы. К чему напрягаться, если и без этого всё хорошо. А вопрос с личным автотранспортом для граждан страны становится всё более актуальным.

Машерову я предоставил аналитику, где указывал, что автомобили уже давно перестали быть только предметами роскоши. Кроме того, дефицит на этот вид товаров роняет престиж страны. Тольяттинскому заводу есть куда расширяться и стоит поставить этот вопрос на рассмотрение Пленума в ближайшее время.

— Каждой советской семье личный автомобиль, — хмыкнул Машеров, прочитав документы.

— И квартиру, — дополнил я.

— И квартиру, — теперь уже тяжело вздохнул Пётр Миронович. — Что там с ценами на нефть? Долго ещё будут падать?

— Весь следующий год будут колебания. Цена возрастёт вдвое от той, что сейчас, и задержится на этом уровне на пару лет, — сообщил я.

— Значит, нельзя формировать бюджет страны, ориентируясь только на нефть, — сделал разумный вывод Машеров. И снова вздохнул: — И как именно это сделать?

Эстонская потребкооперация неожиданно удивила всю страну. Илья по своим каналам простимулировал газетных писак, заинтересовал телевидение. Вначале республиканское, а затем общесоюзные программы стали восхвалять Эстонию. К примеру, в Москве имелось официально зарегистрированных кооперативов и малых частных предприятий чуть меньше тысячи. А в Таллине почти полторы, по республике около десяти тысяч. Сумасшедшие цифры того, что с таким скрипом внедряется в СССР.

Я не сразу понял, откуда такой взлёт. Спасибо Илье, принёс в клювике подробный анализ. Начнём с того, что в Эстонии всё, что мы внедряли по реформе, уже было. Эта потребкооперация и до революции, и при немцах работала. Крупнейшими промышленными и сельскохозяйственными предприятиями в составе ЕТКVL были химический завод Orto, производственная группа Коопераатор, Пыльтсамааский сельскохозяйственный комбинат и Пярнусский рыбный завод. Каждое из этих предприятий оказывало очень сильное влияние на региональное развитие.

Меня поражало то, что такой опыт не взяли на вооружение повсеместно. Почему другие регионы предпочитают выдвигать лозунги вместо того, чтобы реально заботиться о благосостоянии простых людей? По прогнозам Ильи, эстонские кооператоры впишутся в проводимые реформы самыми первыми и без проблем.

Отдельной справкой была выделена продукция «Промприбора». Это не кооператив, а государственное предприятие, снабжающее приборами, бесконтактными датчиками и тому подобным химическую, нефтеперерабатывающую, текстильную и машиностроительную отрасли всего Советского Союза. Что произойдёт в случае отделения республики (притом что разговоры о национальной независимости внутри республики ведутся давно) понятно без длинных описаний. На данном этапе СССР имеет серьёзную зависимость от продукции Эстонии. Хотя опыт этой республики в плане потребительской кооперации будем распространять.

Что же такое потребительская кооперация вообще? В широком смысле это то, что позволяет связать город и деревню. То, что делает жизнь на селе менее однообразной, насыщая не только денежными знаками и товарами, но и культурой, каковой всё-таки больше в городе. Это то, что сближает социалистическую и капиталистическую формации общества. Можно сказать, что это элемент социализма, который зародился при капитализме, а также это элемент капитализма, который оставался в несколько изменённой форме и при социализме.

Мне даже ничего доказывать Машерову не пришлось, он сам пришёл к тем же выводам — опыт полезный, нужно распространять. Про то, что все эти кооперативные предприятия возникли в прошлом веке в Великобритании, я нигде писать не стал. Хотя мог бы. На самом деле создатели кооперативов ставили перед собой задачу улучшить жизнь рабочих и крестьян.

Крестьяне приобретали напрямую продукцию заводов и фабрик, а рабочие получали сельскохозяйственную продукцию прямо от производителя, следовательно, и дешевле. Учитывая, что число посредников сокращалось, обеим сторонам удавалось не только удерживать более низкие цены, но также постепенно увеличивать величину общего кооперативного капитала.

В России ссыльные декабристы основали первое кооперативное предприятие в Забайкалье, сохранив те же базовые принципы, назвав себя «Большой артелью». Как говорится, ничто не ново под луной. Дать больше свободы и возможностей реализации, и по идее, потребительская кооперация должна заработать.

На самом деле сложностей возникало немало. Прежде всего советские люди выросли с другими принципами и ценностями, называя скупщиков сельхозпродукции не иначе как спекулянтами. Чего далеко ходить? Тёща мне как раз поведала такую историю. Родня у них из деревни. Там кто-то из соседей стал скупать яйца, чтобы продать на рынке в городе. То есть человек тратил своё время, использовал мотоцикл, ездил в город на рынок, а в глазах соседей — спекулянт, и никак иначе. А ведь принцип потребительской кооперации очень схож. Только там группа людей работает.

Машеров всячески поддерживал инициативу кооператоров по снабжению города продукцией сельского хозяйства. Не дурак, понял и оценил представленные мной документы с вероятными прогнозами.

На самом деле эти «вероятности» в прошлой моей жизни были настоящими ситуациями. Когда в магазинах на полках в свободной торговле стоит морская капуста, а масло, сахар и водка (очень важный продукт в стране Советов!) по карточкам, то недовольство народных масс возрастает в геометрической прогрессии. Люди задаются вопросами, почему мы летаем в космос и не имеем мясо на прилавках? Почему, как и в послевоенное время, введены карточки?

В разных регионах немного варьировался товар. В Ташкенте, к примеру, по карточкам продавали калоши. Кто не понял, поясню. Это удобная обувь в сельской местности. И блещут красиво. В Туркмении их невеста на второй день свадьбы надевала подобный дефицит.

Если не создать изобилие в стране, то развалится вся система. Недовольных будет много, сразу найдутся те, кто захочет власти и воспользуется ситуацией, возглавив народные массы, требующие как обычно «хлеба и зрелищ».

Насчёт того хлеба Машеров был настроен серьёзно. На ноябрьском Пленуме 1986 года он выступил с речью, подвергнув критике колхозы. За последние три десятилетия мало что поменялось в этих коллективных хозяйствах. Они работают согласно плану и отчитываются о его выполнении. Конечно, руководство страны тоже виновато в том, что сдерживало любую инициативу.

Но нельзя всё списывать на отсутствие техники. Сбор тех же томатов всегда выполняется вручную. И этих рабочих рук в колхозах не хватает. И снова вопрос, как фермеры на западе решают эту проблему, да ещё и обеспечивают своей продукцией многие страны. Зачем Советскому Союзу столько гнилых овощей? Не проще ли те земельные участки отдать под огороды? Частник сам себе вырастит сколько нужно томатов, капусты, картофеля.

В этом случае снизятся поставки на овощные базы. И тут же Машеров озвучил колоссальные по своему масштабу цифры, которые раньше стыдливо умалчивали, рапортуя о выполнении плана по сбору урожая. Сколько его сохранялось, страшная по своей бесхозяйственности цифра. Так зачем же столько собирать, если потом выбрасывается?

Критики в адрес Машерова было много. По сути он обещал накормить страну и тут же предлагал сократить посадки овощей. Но! Но при этом он предлагал увеличить личные наделы колхозникам, раздать земли под огороды горожанам, организовать потребительскую

кооперацию, чтобы городские рабочие сами забирали то, что предлагали сельские жители, давая взамен промышленные товары по ценам ниже магазинных.

Лизоблюды всегда есть у любого руководителя страны. Нашлись и у Машерова такие. Идеи, озвученные генеральным секретарём, подобные прихвостни стали восхвалять. Снова появились статьи в центральных изданиях, создание видимости диалога и обсуждение того, что в реальности уже решено. Председатели колхозов, ожидаемо, категорически возражали.

На самом деле не всех колхозов касались преобразования. Начнём с того, что выделять горожанам огороды имело смысл в непосредственной близости от города. Не все колхозы подходили под эту категорию. А вот выделить десять процентов (для начала) земель в личные наделы своим же колхозникам, обязали поголовно всех. В очередной раз не самая работающая идея. Даже увеличение числа контор по закупке не решало проблему.

Всю зиму и весну я мотался по стране, отслеживая и проверяя, как и что делалось. Увы... Не кинулись колхозники пахать пусть и на своих наделах. Не хотели сельские жители тех самых огородов, не хотели вкалывать на личных участках и думать, куда сбывать этот урожай. Возможностью приобрести трактора и прочую технику в рассрочку воспользовались единицы. Как правило это были родственники или приближенные к председателю колхоза люди. Пусть так. Нас устраивал и подобный вариант. И снова, увы, таковых в масштабе страны было слишком мало.

— Когда нам ещё дополнительным огородом заниматься? — отмахивались колхозники.

Не верил я в подобные отмазки. Сам лично видел, что и как происходило. В средней семье из четырёх человек отец мог быть трактористом и действительно был занят в работе с бригадой. Супруга же чаще всего только числилась «колхозницей». У многих были дети такого возраста, что могли помогать на огороде. Но не было ни рычага, ни стимула. Им вполне хватало того, что имели. В какой-то мере устраивали зарплаты и социальные льготы в виде пионерских лагерей для детей и домов отдыха для взрослых.

Не скажу, что поголовно и везде всё было так грустно. Под Куйбышевом в одном из колхозов я познакомился с зоотехником. Напомню, что зоотехник в колхозе второй человек после председателя. Зарплата соизмерима с моей. То есть семья не бедствует. И тем не менее зоотехник у себя на огороде выращивал картофель, чтобы сдать заготовителям и заработать. На мой шуточный вопрос, куда столько денег, ответил, что собирает на автомобиль. Уже шесть лет копят семьёй. Нормальный у человека стимул и желание жить лучше.

— Соседи, конечно, завидуют, злословят. Дочке сапоги импортные купил. Так сразу вопрос: что и где украл, — возмущался мой собеседник. — Почему украл? Дочка сама на них заработала. Мы двадцать мешков картофеля собрали. Да и доставку колхозным грузовиком я оплатил лично.

Подобных ситуаций по стране было много. Почему такое происходило, я не понимал. Спасибо, Илья пояснил.

— У вас в той реальности дошли до критической точки. Ты сам рассказывал, как во многих регионах при Горбачёве детям молока не могли купить. Люди выходили на улицы с требованиями не потому, что были недовольны политикой правительства, а по той причине, что магазины стояли пустыми. Зарплаты получали прежние, но отовариться на них могли только на рынках.

— К тому времени даже у нас на Кубани мясо на рынках купить было проблематично.

— Вот видишь, — кивнул Илья. — Отсутствие продовольствия явилось спусковым

крючком.

— И по этой причине люди сами перестроились на самообеспечение, — согласился я. — Всякие самодельные книжки стали печатать, где описывалось, как сварить пиво, изготовить мыло и тому подобное. Получается, что сейчас народ не готов?

— Не совсем так. В торговле непродовольственными товарами изменения уже заметны. Спекулянты повыползали, как грибы после дождя, — усмехнулся Илья.

— Эй, эй! Это полезные люди, — возмутился я.

— Они ничего не производят, а занимаются перепродажей, — возразил друг. — Правильно их раньше сажали.

— Увы... вся мировая экономика основана на этом принципе, — возразил я. — Кто-то покупает нашу нефть и перепродаёт, кто-то отпускает уже нам зерно, и тоже не из первых рук.

— А денег у населения всё меньше и меньше, — напомнил Илья другую проблему. — Что там экономисты Машерова прогнозируют, советуют?

— Ты думаешь, мне докладывают раньше, чем генеральному секретарю? — съязвил я.

Безусловно, никто меня просвещать на эту тему специально не собирался, но эскизы новых монет по три и пять рублей Машеров мне действительно показал. Ещё у него имелся эскиз новой пятирублёвой купюры. По ней вопрос решался. Казначейский билет номиналом в пять рублей не обеспечивался золотом и драгоценными металлами. При остром дефиците денежной массы печать пяти рублей могла стать выходом из положения. Единственное, чего я не понимал, так это зачем менять дизайн и что-то изобретать. Машеров тоже этого не понимал. Незачем советскому народу сомневаться в стабильности рубля.

Разменной мелочи потом тоже напечатали. Об этом не объявляли во всеуслышание и пусть заметили многие, но не связали это с увеличением денежной массы в стране. Ромка мне продемонстрировал свои сокровища: блестящие монеты по три и пять копеек.

— Правда же как золото? — радовался сын яркому блеску новых монет.

— Собирай свои сокровища или прячь, — рекомендовал я.

На начало лета я выкупил Саше с сыном путёвку в дом отдыха в Крыму. Отца отправил туда же в санаторий. Плох он совсем стал. Восемьдесят лет уже. Не юноша, хотя и храбрится. Дядя Вова обещал в санатории отцу составить компанию. Вместе будут здоровье поправлять.

Пока же в стране воцарилось некоторое затишье. Первые восторги по поводу того, что всем можно торговать, утихли. Оказалось, чтобы продать «что-то ненужное», его нужно иметь или сделать своими руками. В этом плане бабушки, вяжущие носки, дедушки, плетущие корзины, и прочий мастеровой люд свои возможности исчерпали. На сцену стали выходить группы тех, кто имел больше возможностей.

И снова удивила Грузия. Они там у себя начали осваивать производство малой механизации для сельской местности. Какие-то культиваторы, мотоблоки, подобие минитракторов. По слухам (сам не видел, не пробовал), качество так себе. И ломаются, и конструктивные проблемы имеются, но сам факт, что стала появляться новая продукция, не могло не радовать.

Машеров с нетерпением ждал конца лета и начала осени. Как и что изменится в этом году в плане поставки продовольствия? Колхозы писали жалобы, но на самом деле свободы у них появилось больше. Спущенные сверху планы касались зерновых и кормов. Всё остальное — на усмотрение правления и не имело ограничений. Разве что дармовой рабочей силы в виде солдат не обещали. Студентов на осенние сельхозработы, безусловно, отправят, но

зарплату им придётся пересмотреть. На самом деле у меня имелся материал о колхозах, которые откажутся от такой помощи. Сами справятся. Ведь план поставок овощей им действительно снизили. При этом недовольных хватало. Это же и уменьшение прибыли. Так оно и было. Но Машеров сказал: «Сами зарабатывайте». И кто бы поспорил? Пока ещё слов партии и её руководителя имеет авторитет.

Совхозам в этом плане оказалось проще. Они и раньше были более гибкими во многих отношениях. А из-за близости к городу имели возможность без проблем нанимать людей.

Пока семья отдыхала, я посетил несколько городов юга. Ушлые совхозные руководители стали посылать автобусы за людьми, к примеру, для сбора огурцов. Норма — сколько-то там ящиков, но и себе ведро берёшь бесплатно. Желающих, особенно в выходные дни, было столько, что чуть не до драк доходило. Эти же огурцы быстро и оперативно вывозились с полей, чтобы уже вечером их могли купить горожане в передвижных лавках.

Если так и дальше пойдёт, то рынок страны начнёт насыщаться. Здесь важно ещё вести умелую пропаганду. Именно это я умел делать виртуозно. Спасибо опыту прошлой жизни. Изложенный мною план Машеров полностью поддержал. Пусть мы и слукавили немного, но никто этого не заметил. А я всего лишь организовал три маленьких колбасных цеха. Не своих, конечно! В ходе своих поездок нашёл заинтересованных людей, которым была оказана не только материальная помощь, но и выделено оборудование.

И вот теперь посмотрите, люди добрые, как при желании и должном трудолюбии можно самим производить колбасу! Вам колбасы в магазине мало? Так делайте её сами на собственных заводиках! Пусть мощность этих цехов не превышает сто килограммов за смену, зато всё остальное выше всяких похвал. И с соблюдением санитарных норм проблем не возникло. Зря я, что ли, курировал этих энтузиастов? Без меня они и холодильники не приобрели бы. На самом деле показуха в чистом виде, но это сработало.

Народ задумался. Это почему кто-то там делает колбасы, а я страдаю у пустых прилавков? Пусть не на продажу, а для семьи и родни сделать можно. Тут у нас ещё журналы «Крестьянка» и «Работница» начали печатать рецепты колбас и методы копчения. Народ вообще воодушевился. Выдержав критику и спор с Машеровым, я ещё и рецепт пива распорядился напечатать в журналах. «Нехай», — как говорил мой дед.

В целом лето 1987 года проходило неплохо. Саша с Ромкой вернулись в Москву, затем и отец. Я их в Валентиновку отправил. Жена поворчала, но быстро нашла себе дело в виде консервирования ягод и фруктов. Умница у меня супруга. Понимает, что я не могу собой распорядиться в полной мере. Тут такие дела разворачиваются, что только глаз да глаз нужен. Других проблем пока не предвиделось. Национальные вопросы если и были, то себя не демонстрировали.

И тут вдруг — бах! Чернобыль!

Как так? Мы же приличный такой донос накатали от КГБ. Их там должны были проверки замучить. Как такое могло случиться?

— Ты же сам намекал, что конструктивные ошибки реактора, — напомнил мне дядя Вова.

Машерову я от «лица товарищей» рекомендовал сразу и на весь мир заявить об аварии, не скрывая того, что мы не знаем причин и предостерегаем все страны, имеющие атомные электростанции.

— Как же так? — тоже недоумевал Илья.

— Я тебе ещё раньше говорил, что история очень инертна. А ты мне не верил.

— И что, развал СССР неизбежен?

— Не знаю. Мы многое сделали, чтобы этого избежать. Пока на повестке дня Чернобыль.

О чернобыльской аварии из прошлой жизни я мало чего помнил. Самая распространённая версия случившегося — совпадение ряда факторов. Не только нарушение правил эксплуатации АЭС и неудачный эксперимент, но и изначальная ошибка в конструкции данного типа сооружений. В сентябре 1982 года во время запуска первого энергоблока разрушился один из технологических каналов реактора. Потом-то всё восстановили, и деформированная графитовая кладка активной зоны проблем не доставила.

КГБ в лице Владимира Петровича подал документ о якобы готовящемся теракте и рекомендовал усилить нормы соблюдения безопасности. Специальная комиссия отметила, что обслуживающий персонал не до конца осознаёт важность соблюдения инструкций. Кого-то сняли с должности, кого-то просто пожурили.

Отслеживать события в Чернобыле по ряду обстоятельств я не мог. Не входило это в мою компетенцию, да и объяснить подобный интерес не получилось бы. Поскольку весной 1986 года в Чернобыле ничего не случилось, я практически успокоился. Как оказалось, объективные причины аварии не исчезли.

Машеров если и колебался касательно того, чтобы на весь мир заявить о возникшей проблеме, но я подсунул ему прогноз-аналитику того, что произойдёт, задержись он с сообщением. Случившееся уже не скрыть, а авторитет страны сейчас важен как никогда.

ТАСС и другие средства массовой информации довели информацию об аварии на АЭС через три часа после того, как узнали «наверху». И тут же огласили рекомендации жителям близлежащей зоны и Киева. Насколько сильная авария и повторится ли прежний сценарий, я не знал. Что-то сможет разъяснить поднятый по тревоге 21-й полк химической защиты. Пока же на месте аварии разбирались местные службы защиты. Но самое важное, что я увидел в донесениях, — пожара не было!

На совещание, срочно собранное Машеровым, пригласили специалистов в разных областях. Спешно были доставлена вся документация на АЭС, а также отчёты комиссии по проверке. Да и сами представители комиссии прибыли в Кремль в кратчайшие сроки.

— Петров, просмотри и выводы предоставь, — сунул мне папку Машеров, посчитав, что моё присутствие на совещании не нужно.

Действительно, моя работа анализировать, а не выслушивать длинные речи тех, кто пытается прикрыть свой зад.

В первых же страницах текста я прочитал то, о чем слышал ранее: ядерный реактор серии РБМК-1000 изначально отличался некоторой непредсказуемостью и трудностью в управлении. Комиссия, проверявшая работу ЧАЭС, отметила то, как меняется мощность. Автоматический регулятор срабатывал, подавая сигнал об опасности, которой, по заверению конструкторов, не было.

Следующее, что меня поразило в документах, это то, что АЭС находилась в ведении Министерства энергетики. Почему объект такой значимости был на балансе у «гражданских», а не военных? Жаль, раньше мне не дали всю информацию. Как исполняются инструкции и какова дисциплина на гражданских объектах, я знал не понаслышке. Пусть кто-то и насмехается над военными, слагает анекдоты, что у них одна извилина в голове, и то от фуражки, зато дисциплина на секретных объектах суровая.

В данном случае разгильдяйство было видно невооруженным глазом даже по

документам. Я не специалист и ничего не смыслил в «выбегах ротора турбогенератора», но сопоставить факты мог. Во время остановок энергоблоков для планового осмотра и ремонта по непонятной для меня причине проводились испытания оборудования, как регламентные, так и нестандартные.

Послав комиссию на проверку, КГБ приостановил один из таких экспериментов, предложенный генеральным проектировщиком в качестве дополнительной системы аварийного электроснабжения. Первая же попытка использования режима «выбега» и остаточной кинетической энергии для собственных нужд станции в 1982 году показала, что напряжение падает быстрее, чем предполагал проектировщик.

В моём представлении проводить дальнейшие попытки чего-то там сэкономить смысла не было. Тем не менее испытания проводились. По поступившим данным, это был уже четвертый по счёту эксперимент. Естественно, за те несколько часов с момента происшествия на АЭС восстановить полную картину никто не успел, но отчёты выглядели пугающе: «Зарегистрирован сигнал аварийной защиты АЗ-5... Кратковременное увеличение реактивности... Разгон реактора вместо торможения... Нерегламентное состояние реактора...» Много непонятных слов и практически ничего по сути.

Я искал в поступивших донесениях одно — был взрыв или не был? То, что не случилось пожара, не показатель, он мог произойти в ближайшее время. Пока таких данных не имелось, но Машеров всё равно объявил эвакуацию населения в радиусе пятидесяти километров от АЭС.

Все утренние газеты следующего дня пестрели заголовками о Чернобыльской АЭС. Илья принёс выжимки из западных СМИ. Там истерических нот было на порядок больше. Эти умники уже успели просчитать скорость ветра, направление и возможные регионы заражения. Северо-западный ветер представлял опасность для Румынии и Венгрии в первую очередь. То, что возможное заражение коснётся жителей Украины, иностранных журналистов несильно волновало. Они истерили по поводу самого факта частичного разрушения атомного реактора, о котором заявило правительство СССР.

— Саша, страшно-то как. Ты знаешь больше? — охала жена.

— Чуть больше, чем вы, — отговаривался я. — Возможно, обойдёмся малыми потерями.

— Шурка, а этот заместитель директора ИАЭ, что по телевидению выступал, заявил, что разрушение топливных каналов и чего-то ещё не критично, — решил разобраться с непонятным для себя и отец.

Пришлось мне рассказывать подробно. Секретными эти данные не были. Скорее принадлежали к области узких специалистов. Сам бы я никогда не стал вникать в то, что в процессе работы реактора через активную зону прокачивается вода и как она становится своего рода замедлителем и поглотителем нейтронов. Но это вода. В топливных каналах она, естественно, кипит от той температуры, что производит реактор. Пар уже не такой хороший поглотитель. Однако увеличение содержания пара может привести как к росту реактивности (положительный паровой коэффициент), так и к её уменьшению (отрицательный паровой коэффициент), это зависит от нейтронно-физических характеристик. Конкретно в конструкции этого реактора паровой коэффициент реактивности был положительным. А теперь представьте, что случилось при разрушении топливных каналов, где кипела вода?

На самом деле точных данных случившегося ещё не было. Как и в прошлой реальности, погиб оператор. Если и были свидетели происшествия, то ими занимались более компетентные люди. В отчёте комиссии, проверяющей АЭС два года назад, значилось, что

большинство нарушений можно рассматривать двояко. В любой другой ситуации их таковыми и не посчитали бы. Но мы-то подали информацию как готовящийся теракт, потому некоторым пунктам эксплуатации реактора комиссия уделила особое внимание, категорически запретив отключение аварийной защиты.

Тем не менее АЗ-5 не сработала как нужно или скорее всего повлиял тот самый пресловутый человеческий фактор. КГБ, конечно же, стал разрабатывать версию вмешательства посторонних сил. Предупреждение о диверсии было, значит, там и нужно искать виновных. То, что это ни к чему не приведёт, я знал, главное сейчас, предотвратить последствия аварии.

В последующие несколько дней к Машерову продолжали стекаться данные о Чернобыльской АЭС. Мне из этой лавины документов тоже перепало. Я не сразу вспомнил, что одной из версий в другой реальности и сопутствующим фактором посчитали землетрясение. Оно не было основной причиной, но добавило проблем. Трудно поверить в подобное совпадение. С другой стороны, на АЭС трижды проводили ремонтно-профилактические работы. Пусть имелись проблемы, но проявили они себя во время четвёртой остановки реактора. Опять же это было в другой реальности.

В совпадение я не верил, хотя и пролистал документы Института физики Земли. Геофизики заявляли, что четвертый энергоблок стоит на узле тектонического разлома земных плит. В качестве подтверждения своей теории они приводили тот факт, что третий энергоблок не пострадал. Так в нем и не проводили испытания! Вибрация же почвы с большой долей вероятности стала следствием аварии реактора, а не землетрясения.

Иностранные СМИ продолжали мусолить тему атомных электростанций вообще. В Западной Европе начались протесты, направленные на предотвращение строительства АЭС. Общественное мнение в СССР тоже выражало несогласие с использованием в дальнейшем этого вида энергии.

Через два месяца после аварии, несмотря на положительную тенденцию устранения последствий, Машеров был вынужден подписать документы о приостановлении и замораживании строительства новых АЭС. Здесь основную роль сыграло давление со стороны Запада и создание организаций, следящих за последствиями экологических катастроф.

Экономические потери от замороженных строек не шли ни в какое сравнение с тем, что могло реально случиться в Чернобыле. Машерову я предоставил объёмную справку, и он впечатлился. Не только миллионы рублей на предотвращение самой аварии, болезни людей вследствие радиационного заражения, наследственные патологии и снижение иммунитета. И всего этого не произошло.

На какое-то время внимание всех жителей страны было сконцентрировано только на Чернобыле. Но осень приближалась, а вместе с ней очередные проблемы в сельском хозяйстве. Меры, предпринятые генеральным секретарём, вызывали споры. Народ кормить сам себя не хотел. И это притом, что льгот предоставили немерено. Никаких налогов и поборов для тех, кто решил продавать продукцию с собственных огородов и дач. Спешно вводились новые автобусные маршруты, чтобы облегчить доставку этих «даров природы» в город.

Закупочные цены колхозникам подняли в два раза. Соответственно, и цена в магазинах за овощи и фрукты поднялась. Не самые популярные меры. А куда деваться? Цена за картофель, стоивший 10 копеек^[5] за килограмм (в средней полосе), увеличилась и стала 22

копейки, свёкла — не 9, а 20 копеек, и так далее. На самом деле подняли расценки не на все овощи. Летом, напротив, даже снижали на скоропортящиеся продукты. Продаже абрикосов, к примеру, журналисты уделили особое внимание, об этом говорили во всех новостях. В результате на абрикосы снизили цену. Это чтобы у народа создалось впечатление о том, как правительство о нём заботится. Кто там реально посчитает, сколько получилось прибыли с поднятия цены и её снижения?

Не думайте, что я один такой умный на всю страну был. Некий Иван Карпов на Кубани проявил инициативу. Я только поддержал её и поспособствовал освещению на телевидении. Этот Карпов взялся отслеживать, как доставляется в магазины конкретная продукция. Для примера он выбрал совхоз «Солнечный» и следил за отгруженными овощами и фруктами. Там чуть до драки не доходило. Заведующим овощными базами такой соглядатай совсем не нравился. И не только по той причине, что они не умели хорошо хранить овощи. Существующая в стране система позволяла списывать гнильё, и под это дело шли вполне качественные продукты, чтобы реализовать их на рынке.

Разница между магазинной ценой и рыночной была огромной. Если уборщица, имеющая зарплату в семьдесят рублей, не особо заметит разницу в цене за картофель 10 или 22 копейки, то 50 копеек на рынке для семейного бюджета уже ощутимо.

Карпов же лез во всё это, не опасаясь последствий, зная, что у него за спиной серьёзная поддержка. Я ему ещё подкинул письма трудящихся.

Из письма Г. И. Терновой (Краснодар):

«За последние годы у нас почему-то плохо стало со снабжением овощами. И это на Кубани, где в избытке влага, тепло, прекрасные черноземные поля. Вы, наверное, не поверите, что три месяца подряд в Краснодаре не было в продаже капусты, лука, моркови. Этим не преминули воспользоваться спекулянты. Где это видано, чтобы обычные овощи продавались по ценам экзотических фруктов? Капуста на базаре стоит 80 копеек — 1 рубль за килограмм, лук до 1 рубля 40 копеек, морковь — 60–80 копеек. Спекулянты, имеющие в своем распоряжении машины, рыщут по совхозам, скупают по дешевке овощи и везут на рынок, чтобы продать в три раза дороже».

Б. П. Пугачевич (Черновцы):

«В наш город в начале октября прибыл из Рязанской области вагон картофеля. Его разгрузили, но в продажу сразу не пустили. Картофель лежал под открытым небом, и понятно, частые в эту пору дожди сделали свое дело: почти весь картофель сгнил. Еще один пример. Объединение „Коопторг“ закупило в Азербайджанской ССР 20 тонн помидоров. Однако они до покупателя не дошли. Дело в том, что, когда доставили груз, половина помидоров оказалась побитой, значительная часть сгнила».

Ф. И. Строгов (Горький):

«Я был в Астрахани целый месяц и наблюдал, как стояли на реке Сузонке караваны с помидорами. На жаре в 30 градусов помидоры, красные как кровь, протекали из всех ящиков. Караваны стояли без охраны, и все кому не лень

растаскивали помидоры ящиками. Как горько было все это видеть... У нас в Горьком помидоры на рынках по 2 руб. за килограмм, а тут они тоннами гибнут».

Н. Розендор (Москва):

«Недавно сотрудники нашего института ЦНИИС работали в счет Всесоюзного Ленинского субботника на Дзержинской плодоовощной базе. Нам эта база хорошо знакома, так как работаем на ней ежегодно по разгрузке и сортировке овощей. В этот раз пришлось перебирать не овощи, а гнилое месиво. Особенно в плохом состоянии оказалась морковь, которую перебирала наша бригада в хранилище №15. Большие контейнеры были наполнены полужидкой массой, из которой мы должны были найти и отобрать уцелевшие хотя бы наполовину корнеплоды для отправки в магазины и столовые. Интересно, какова пищевая ценность таких остатков, пролежавших в глубине гнилой массы? Во всяком случае, смрад от этих овощей исходил отвратительный. Больно выбрасывать в отходы труд тысяч колхозников, сумевших, несмотря на неблагоприятные условия погоды, вырастить, собрать и сдать государству хорошие овощи. Неужели нельзя было продумать технологию хранения, своевременной переработки и сортировки овощей, чтобы не доводить дело до такого критического положения? Ведь те же самые бригады инженеров и научных работников могли бы перебрать контейнеры на несколько недель раньше, и тогда магазины и столовые получили бы овощи, пригодные в пищу. Сейчас же большая часть идет в помойку. Несет ли кто-нибудь ответственность за это? С нами сотрудники базы об этом разговаривать не пожелали.

Мы понимаем, что сохранение урожая — дело общенародное. И всегда готовы прийти на помощь. Но с таким отношением как к труду колхозников, так и к нашему мы не согласны».

Народ возмущался и поддерживал комсомольца Карпова, который чуть ли не каждую тонну овощей выбранного совхоза контролировал, сверял с накладными и не стеснялся ставить на место руководителей овощных баз и магазинов. И всё равно цены на рынках держались высокими по той причине, что изобилия не имелось.

Реформа шла со скрипом. Разве что бывшие фарцовщики, получившие свободу своей предпринимательской деятельности, были счастливы и активно торговали не скрываясь от властей.

Следующей проблемой были низкие зарплаты основной массы населения. Даже инженерам дорого питаться с рынка, не говоря уже о тех самых уборщицах. Вот ещё одна проблема. Платить больше этому специфическому персоналу не позволяли установленные тарифные ставки. На крупных предприятиях ещё как-то выкручивались, а основной массе платить больше не могли.

Объявления «Требуется на работу уборщица» пестрели на воротах многих заводов, фабрик, проектных институтов и прочих мест.

Уборщица советского периода — это особый персонаж. Тётки в тёмно-синих халатах, наглые и не сильно-то аккуратные, были специфическим контингентом работников, с которым считались даже директора. Это инженеров сомнительной квалификации массово выпускали институты. Инженеров было хоть завались, а вот уборщиц не хватало. Работать за

такие гроши соглашались немногие. Заманить можно было какими-то особыми привилегиями, часами работы или совмещённой ставкой.

Машеров почти сразу занялся проблемой тарифных ставок. Оно, конечно, удобно, что всё прописано и решено на верхах, но на практике такие ограничения создавали много проблем. Одна из них — невозможность поощрить денежно. Это, безусловно, лазейка для нечестных на руку, но Машеров намеревался дать крупным предприятиям возможность за счёт своих средств менять заработную плату. Первые пять оборонных заводов, применившие эту гибкую систему, породили много слухов по стране. Тёща рассказала очередную сплетню, как в Куйбышеве уборщикам платят по триста рублей в месяц! Допустим, не триста, а всего двести пятьдесят, и то на одном заводе имени Масленникова. И действительно уборщикам. А что такого? Предприятие богатое. Возможности получили. Как это применяют на местах, трудно сказать, но первый опыт воодушевил многих. Это они пока не в курсе, что конкретно на таких предприятиях будет проведён серьёзный контроль за распределением денежных средств.

В целом в промышленности успехов наметилось больше, чем в сельском хозяйстве. Руководители предприятий, почувствовав некую свободу, развернулись. И средства, и материалы, и возможности нашлись, чтобы клепать некую продукцию народного потребления и распределять полученную прибыль по своим работникам.

Хорошо, что подобных предприятий по стране было не так много. Нехватка наличности всё ещё ощущалась. Хотя некоторые идеи (не от себя лично, а от неких товарищей) я подал. На сберкнижках у многих советских граждан скопились приличные средства. Они их копят и не расходуют. Как влить в оборот эту денежную массу? Есть один не самый популярный способ. К примеру, предложить государству продавать квартиры в собственность. На данный момент граждане могут менять и якобы «продавать» своё жильё. Все эти манипуляции проводятся на грани законности. Мало того, существует ограничение на количество квадратных метров на человека.

Семья, имеющая двух детей одного пола, получит от завода (фабрики и так далее) двухкомнатную квартиру. И всё. Это предел мечтаний. А что если предложить выкупить жильё в свою собственность и не ставить ограничений по количеству квадратных метров? Машеров не сразу понял, в чём тут выгода государству. Но я же запасливый. У меня все циферки подготовлены. И про северные надбавки, и самих северян, тех, кто накапливает или уже накопил денег. Пусть растрясут мощну, стимул мы им предоставим и по-любому государство останется в выгоде.

— Напиши подробнее, — попросил Машеров, и я мысленно «потёр лапки».

У меня самого и накоплений, и того, что хотел бы прикупить, имелось достаточно. Предположу, что первыми воспользуются этими льготами работники ЦК, затем вся партийная верхушка. Пусть. Главное, что бюджет страны пополнят.

Моя Сашка тоже решила заняться бизнесом. Типа раз можно, то почему она должна стоять в стороне? Сын ходит в школу, домашней работы убавилось, да и училась она в институте не для того, чтобы всю жизнь быть домохозяйкой.

Первый раз, когда жена заикнулась о «личном деле», я только пожал плечами, с трудом представляя, куда она сможет применить свои навыки переводчика, но с умным видом попросил Сашку составить бизнес-план, просчитать вложения и предполагаемую прибыль.

Неделю супруга чем-то занималась, что-то печатала на машинке, листала журналы «Огонёк» и «Смена». У меня в голове были другие дела и я на эту суету не обращал внимания. Владимир Петрович ушёл на пенсию, освободив своё генеральское кресло для Ильи. На работе аналитического отдела это никак не сказалось, но поздравить друга нужно было с размахом. Да и дядя Вове памятный подарок прикупить. Вообще-то он намекнул, что согласен на портрет маслом, но отец хотел что-то от себя преподнести.

На фоне этой приятной суеты и подготовки к празднованию Сашкин бизнес-план я совсем позабыл, а она возьми и преподнеси мне сюрприз.

— Думаю, без твоих связей с КГБ ничего не получится, — пробормотала она подсовывая листки с текстом.

Не сразу я въехал в то, что задумал жена. А она замахнулась на издание собственного журнала для молодёжи! Ещё и обоснование толковое подала. Мол, это одна из трибун и влияние на умы. Вначале я, конечно, ошалел. Иметь частную печатную продукцию в СССР никому не позволят. Это действительно средство идеологической войны. С другой стороны... Чем таким особенным отличается, к примеру, журнал «Крестьянка»? Только тем, что зарплату редакционные работники получают от государства. Премии им перепадают, но толком распоряжаться полученной прибылью они не вправе, хотя и сильно зависят от тиража продаваемых журналов.

— Саша, журнал частной собственностью на данном этапе развития нашего общества быть не может, — сразу ограничил я планы супруги, промолчав, что в будущем любые варианты вероятны.

Но идея с новым журналом мне понравилась. Влезть со своими статьями и выступлениями в ряды тех монстров, что выпускались в стране, я не мог при всём желании. Зато сразу припомнился популярный в своё время журнал «Отдохни», где было много-много кроссвордов, интервью с артистами и прочей попсой. В конце 90-х, когда появились «Лиза» и «Отдохни», они имели бешеную популярность у населения. Потом-то народ уже привык и к ярким обложкам, и к незатейливому содержанию. И вообще, большинство стало предпочитать интернет бумажным версиям.

Но самое интересное, в тех журналах имелась возможность обратной связи с читателями. Купон с последней страницы можно было отправить по почте. Специальные ящики собирали корреспонденцию для этих журналов. Вообще-то написать гневное или похвальное письмо в тот же «Огонёк» никто не запрещал, но такой массовой читательской активности, которую имел «Отдохни» за счёт того, что обещал подарки тем, кто пришлёт правильные ответы на кроссворды, не знало ни одно издание в стране.

Безусловно, перед нами не стояла задача охватить все регионы и мелкие деревушки, но в крупных городах имело смысл заняться распространением нового журнала. К тому же у меня

имеется дядя Вова, сбросивший с себя груз службы в КГБ, но имеющий обширные связи и нашей системе, плюс Семичастный с его завязками в обществе «Знание», энтузиазм Сашки и моё желание.

Общая направленность нового журнала будет развлекательной. Никакого прямого влияния на умы. Статьи ведь можно по-разному писать, так чтобы читатель сам пришёл к нужному выводу. Когда-то давно я читал интересный текст в «Смене» времён перестройки. Редакция, не сдерживаемая более цензурой, печатала статьи на те темы, которые раньше замалчивались. Пресловутая гласность от Горбачёва. Никакой чернухи тогда не было. Самыми популярными героями статей стали Берия и Сталин. Скажу честно, именно в те перестроечные времена я чуть ли не впервые услышал фамилию Берия. Возможно, в школьных учебниках он и упоминался, но у меня в памяти это не отложилось.

Ладно, Берия, мы и про Сталина узнавали, когда начинали изучать историю Великой Отечественной войны. Помню на одном уроке забавную ситуацию. Ученики поочерёдно зачитывали части параграфа из учебника. Дошла очередь до одной моей одноклассницы. В тексте стояло имя «И.В.Сталин». На просьбу преподавательницы расшифровать инициалы сообщила: «Иван Васильевич». Во как! Вполне реальная ситуация советского периода. Если родители не диссиденты, не устраивали интеллигентные беседы на кухне в кружке таких же единомышленников и им было пофигу, кто там и что делается в стране, то информация о таких личностях, как Сталин и Берия, проходила мимо подрастающего поколения.

Но вернусь к той статье, что меня заинтересовала в «Смене». В ней рассказывалось о пламенном борце за идеалы революции Сергее Мироновиче Кирове. И подана информация была так, что сам собой напрашивался вывод — это Сталин убил конкурента, а при Кирове наша страна могла развиваться по-другому и начало массовых репрессий, устроенных Сталиным, лишь повод прикрыть свои грязные методы борьбы за власть.

Так что как подать нужную информацию, чтобы люди её приняли и сами сделали выводы, я знал хорошо и хотел получить журнал. Оставалось много других технических вопросов, начиная с помещения, оборудования и заканчивая подбором редакционного состава. Сашка ещё слабо представляла куда ввязалась. Не было у неё подобного опыта работы и вообще опыта.

Мне же идея приглянулась настолько, что выпускать из своих рук я её не хотел. Необходимая поддержка будет, прикрытые спины со стороны КГБ — тоже. Эскизы обложек, наполнение, сканворды и прочее я подготовил сам. И со всем этим материалом, не забыв прихватить жену, отправился к Семичастному в гости. Ему тоже понравилась идея иметь подобный журнал и он активно подключился к работе.

Небольшой затык случился в статусе оформления. Мы же не кооператив и не частные предприниматели. Но ушлый дядя Вова устроил всё наилучшим образом. Журнал будет считаться на балансе комсомола, а там несколько хитрых вывертов, как получить прибыль, он сумел устроить. Жаль, до конца года только и успели со всеми документами разобраться. Не так-то быстро всё делается с нашим чиновничьим аппаратом.

Помещение подобрали, а ремонтировать его нужны деньги. Своих столько не набрать. Провели как кредитование малого бизнеса. И снова проблема — где купить оборудование. То, что современные типографии не выдерживают критики, я и раньше знал, но и приобрести станки оказалось проблемой. Даже «хромые» и списанные пристраивались в институты и учебные заведения. К тому же КГБ строго следил за каждой единицей станка позволяющего массово печатать листовки и газеты.

Был вариант купить за рубежом при условии, что найдётся валюта.

— Давай, братишка, устраивай персональную выставку-продажу, а мы подсобим, — предложил Илья. — Семичастный к Демичеву ходит, договорится.

Как потом оказалось, министр культуры Пётр Нилович Демичев возможности получить валюту очень обрадовался, даже предпринял попытку поделить шкуру этого неубитого медведя. И это притом, что у меня работ в нужном количестве не было. Не повезёшь же в ту же Францию десяток картин. Снова решили продвигать космическую тему. К тому, что я наскрёб «по сусекам», планировал добавить портреты советских и французских космонавтов. Заодно и Гагарина. Постаревший, но по-прежнему с обаятельной улыбкой, академик, член каких-то там обществ и так далее, Юрий Алексеевич дал согласие на позирование. Первый написанный мной портрет так же было решено вытащить из загашников Лубянки.

Сашкина задумка найти себе дело стала обрастать такими деталями, что она и сама уже не рада была. У меня и без этого на семью времени не оставалось, а тут я нагрузился сверх меры. Французов Кретьена и Жан-Лу Жак Мари специально для меня пригласили в Москву. Якобы для интервью на телевидении, но попозировать они успели. Комитетчики рьяно ухватились за идею провести выставку в Париже, Демичев для своего министерства мечтал валюту заработать (моими руками), Семичастный — купить новейшие типографские станки, а мне хоть разорвись.

Думаю, по этой причине я немного ослабил влияние на Машерова. У него и без меня советчиков хватало. К тому же он и сам себе на уме. Бывший партизан порой был слишком прямолинеен в решениях. Мог, как говорится, махнуть шашкой, не просчитывая влияние поступка на ситуацию в будущем.

В общем, отпраздновали мы всей страной новый 1988 год, а второго января, в субботу, вышел указ правительства, разрешающий советским гражданам выезд за рубеж на постоянное место жительства.

Мои ничего не поняли и кинулись за пояснениями. На что я развёл руками, изобразив степень своего полного офигевания. Ни проекта указа, ни чего-то, его предвещавшего, в моё поле зрения не попадало. И кто такое мог присоветовать Машерову, оставалось гадать до понедельника. Приехавший к вечеру Илья внёс ещё больше сумятицы. КГБ также в полном составе хлопал глазами, узнав о такой инициативе генерального секретаря, когда всё уже было решено и заявлено на весь мир.

Я ещё надеялся, что неправильно понял или не увидел каких-то ограничений, но первый же рабочий день развеял мои надежды. Машеров действительно протащил это странное решение и объявил всенародно, что те, кого не устраивает страна Советов, пусть получают загранпаспорта, сдают или оставляют квартиры, и валят куда подальше.

Аналитики, и я в том числе, засели просчитывать вероятные проблемы такого широкого жеста. Москва наполнилась слухами. Тёща мне их любезно пересказывала.

— Говорят, мильён людей уедет в Америку, — с жаром доказывала она.

Отметилась тётя Роза. Она-таки тоже думает насчёт исторической родины.

Новость взбудоражила всю страну. Запад очумел от перспектив получения неожиданных-негаданных нахлебников. Одно дело рассуждать об СССР, объявляя его страной за железным занавесом. И совсем другое — получить толпу разношёрстных переселенцев. Помню я, как Европа стонала вначале от обилия беженцев и иммигрантов, легальных и не очень. Конечно, в двадцатых годах двадцать первого века социальная защищённость у людей была больше.

Беженцам же требовалось предоставлять помощь. Не везде и не всем везло в одинаковой мере, но это не отменяло сам факт обязательств.

В 80-х годах те немногие бывшие советские граждане, кто добирался до Америки, получали не особо много помощи. Их могли привлечь к участию в ряде радио или телевизионных передач, чтобы они рассказали о тяжёлой доле советских людей. Случалось это пару раз и дальше интерес пропадал. Крутись сам как можешь, устраивайся и ищи работу. Если нет родственников и каких-то заначек, то найти своё место в той же Америке не так-то просто.

Тут еще Эфиопия заявила на весь мир, что в северных провинциях от голода страдает пять миллионов человек. Мировое сообщество дружно решало, что делать. Лишних денег для оказания помощи ни у кого нет, а выгоду занять особо не получится. На этом фоне неожиданные мигранты из СССР совсем не в тему.

Безусловно, американцы приняли бы у себя с распростёртыми объятиями учёных и тех, кто представляет интеллектуальную ценность, но на таких людей распространялось ограничение. Работники закрытых предприятий, военные, носители секретной информации и им подобные не попали в список предполагаемых эмигрантов.

На самом деле и без этого перечня желающих уехать образовалось колоссальное количество, в основном евреи. Число заявлений, поступивших в первые недели, ошеломляли. Более полумиллиона семей собралось именно в Израиль. В Германию, Америку, Францию и прочие страны Европы тоже было много заявлений.

— Пусть едут, это шваль и отбросы! — возмущался Машеров, когда я ему предоставил информацию.

За неполный январь месяц только по Москве подало заявок более ста восьмидесяти тысяч человек. Причём это были только заявления на получение заграничного паспорта. Со страной большинство людей не определилось. Иностранные представительства в Москве не могли принять всю эту массу даже по упрощённой системе получения визы.

Братья-славяне, те же поляки, югославы, болгары, не сразу сообразили, чем им это грозит. И в первое время спокойно шлёпали визы прямо по прибытии в страну, в аэропортах. Западные СМИ захлёбывались в радостном визге на тему того, как много людей в СССР не согласны с существующим строем.

И снова выступал Машеров по телевидению, заявляя на весь мир, что он не держит на цепях тех, кому не нравится страна, проводимые реформы, партия и правительство.

Говорил он уверенно ещё и по той причине, что аналитики своё дело знали и уже предоставили данные. Первые побежали на Запад самые «обиженные» интеллигенты. Некоторых диссидентов прямо из тюрем освобождали и выпроваживали из страны. Они же и попадут под каток реальности жизни в странах капитализма. Мало того, что дипломы инженеров и конструкторов потребуется подтвердить, но и знание языка нужно не «со словарём», как имеет большинство выпускников ВУЗов, а намного выше. Учителя тоже почти все будут в пролёте. Если и найдут работу, то низкоквалифицированную. Пристроиться и найти себя смогут единицы.

Неплохо должны устроиться все бывшие фарцовщики и спекулянты. Тех, конечно, ждёт сюрприз, что схема продать-купить за кордоном работает по-другому. Это у нас в стране любую заграничную шмотку оторвут с руками. Не нужна никакая реклама и продвижение товара. Торговцы в Америке знают не понаслышке, что такое кризис перепроизводства, когда падают цены вследствие наступившего избытка товаров и услуг. Продать те же

джинсы не так-то просто.

— Таким образом, есть предпосылки, что часть народа начнёт проситься обратно в СССР, — предоставил я очередной доклад Машерову.

Это поднимет не только имидж страны, но и авторитет генерального секретаря. Кроме того, скоро немцам, французам и прочим европейцам надоест принимать у себя столько нахлебников. Откровенно голодать и побираться людям из СССР они не смогут позволить. Опять же из-за высокой политики. Придётся оплачивать, раскошелиться и как-то пристраивать иммигрантов.

Ладно, одну-две тысячи человек, но, судя по данным, цифра действительно приближалась к тому «милльёну», что упоминала тёща. Запад так долго и активно пропагандировал свой строй и стиль жизни, что скоро начнут пожинать плоды этой пропаганды. В какой-то мере с решением Машерова я был согласен. Пусть едут те, кто не нашёл себя здесь, кто считает, что мог бы достичь лучшего в другой стране.

Потеря рабочих рук, возможно, где-то и скажется. Уехала, к примеру, работница парикмахерской. А за ней следом еще пять семей. Но они же и не будут пользоваться парикмахерскими услугами на родине. Посчитать точно плюсы и минусы пока не получалось. Одно я видел точно, что именно улучшит ситуацию в стране.

Прошлогодний указ Машерова о квартирах в большинстве своём не нашёл отклика. Не спешили советские граждане доставать кубышки и выкупать то, что им дало государство бесплатно. И как результат, все, выезжающие за рубеж на ПМЖ, сдавали квартиры обратно в госфонд. Кто-то пытался выкрутиться, прописать племянников, дальних родственников или так далее. Но в этом случае им отказывали в загранпаспорте. Продавай дачу, машину, сдавай квартиру и в одних трусах вали в Америку! Это я утрирую, конечно.

Еврейские семьи покидали СССР степенно и везли прилично барахла. Им разрешен было забирать личные вещи, немного золотых украшений, сервизы и прочие предметы, не представляющие историческую или художественную ценность. В отличие от евреев, всевозможные диссиденты действительно бежали «голожопыми», разглагольствуя о свободе слова и тех притеснениях, которые имели в СССР.

За неполных три месяца страну покинуло семьдесят шесть тысяч из разных регионов и республик. Больше не успели переправить, хотя и добавили рейсов Аэрофлота. Машеров разрешил на зимний период снять часть рейсов и перебросить на международные. Поезда в Варшаву, Прагу и Берлин (восточный и западный), шли переполненными.

Из Москвы уехало двадцать две тысячи семей. Не так-то много для многомиллионного города и капля в море по сравнению со всей страной. Соответственно, столько же квартир ушло на баланс города, освободились места в детских садах и школах. Это всё и было озвучено по телевидению. Тон заявления Машерова был бодрым. Народ единого мнения не имел. Никто не понял, хорошо это или плохо? По идее, прирост населения достаточный, но чего так разбрасываться кадрами?

Запад потихоньку стал понимать, что не всё так хорошо, как они думали. Страны социалистического лагеря уже не хотели принимать бывших советских людей. Польша опомнилась одной из первой, заявив, что готова предоставить транзит, но не примет тех, кто не имеет родни. К тому же все эти выезжающие якобы покидали СССР из-за несогласия с политикой, проводимой коммунистической партией. Вот пусть и двигаются дальше в Европу, туда, где «самое справедливое капиталистическое общество».

Лично меня волновало, куда Машеров планирует пристроить тех, кто начнёт

возвращаться? Такие наверняка будут. Помыкаются, помыкаются и, чтобы не помереть с голоду, начнут движение в обратную сторону. А квартир-то уже не будет, как и прописки по месту жительства. Очередной головняк.

Оставалось надеяться, что волна желающих уехать скоро схлынет. Евреи благополучно переберутся в Израиль, оттуда в Америку или еще куда-нибудь. Бывшие фарцовщики пристроятся в сфере торговли. Выходцы из союзных республик, в большинстве своём ориентирующиеся на родню за рубежом, вскоре тоже успокоятся.

Больше проблем могли доставить массовым исходом в Финляндию и близлежащие страны жители Прибалтики. Я помню, к чему это привело. Сейчас население этих республик задействовано на важных предприятиях страны и недостаток рабочих рук может серьёзно сказаться на экономике. С другой стороны, жители Эстонии, с самым высоким уровнем жизни населения, могли свободно ездить в Финляндию и отчего-то не спешили там оставаться.

Чем закончится такой реформистский эксперимент Машерова, никто не знал. Это была новая история, которую я уже не предсказывал. Из всех моих послезнаний осталось только то, что не могло измениться. К примеру, Спитакское землетрясение, точной даты которого я, к сожалению, не помнил.

Волнения в Нагорном Карабахе всё же случились, хотя и не имели такого резонанса, чтобы потребовалось вводить войска. Зато жители этой автономии получили загранпаспорта и возможность уехать одними из первых по стране. Тут определенную роль сыграли мои справки, где я предсказывал самый нехороший сценарий конфликтов двух национальностей и религий. Негласно руководству республики рекомендовали не останавливать и всячески способствовать переселению. На самом деле я сильно сомневался, что кто-то сдвинется с насиженных места. У людей здесь дома, квартиры, хозяйство...

И тут неожиданно активизировалась армянская диаспора в Калифорнии. Это были бывшие узники немецких концлагерей армянского происхождения, сбежавшие после войны в Америку, и их дети. Они, оказывается, не только внимательно следили за событиями в СССР, но и поспешили прийти на помощь Нагорному Карабаху. «Маленькая Армения» Лос-Анджелеса готова была принять беженцев. Я сильно сомневался, что все сто двадцать тысяч человек захотят уехать в Америку, но напряжённость в регионе резко упала.

Евреи тоже продолжали покидать страну, и очень активно. Их совсем не смущало начавшееся восстание палестинцев, считая, что главное — выехать, а там вроде как само собой всё урегулируется. Представитель Израиля впервые после разрыва дипломатических отношений с СССР в 1967 году приехал с официальным визитом в Москву, подтверждая готовность принять всех желающих у себя в стране.

Польша же, напротив, категорически отказалась от любых переселенцев. Ей и своих проблем хватало. Правительство закрыло Гданьский кораблестроительный завод, посчитав его нерентабельным, выставив за ворота не одну сотню высококлассных специалистов. Рабочие устроили забастовку. Руководителей профсоюза арестовали, но рабочие места не вернули. По нашему телевидению эти волнения не показывали, чтобы не смущать народ. Пропаганда самого лучшего социалистического строя не могла себе позволить такого. И вообще, у советских людей складывалось немного неверное представление о Польше и поляках. Отчего-то наши верили, что мы все братья-славяне.

Польская актриса Барбара Брыльска, известная по роли Нади Шевелёвой — главной героини фильма Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С лёгким паром!», была любимицей всей страны. «Кабачок 13 стульев», одна из популярных передач советского периода (до 1980 года), разыгрывала сценки из юмористических журналов Польши, Венгрии, Болгарии. Очень уж нравилось нашим людям всё иностранное. Хотя «ответной любви» со стороны стран социалистического содружества не наблюдалось. Безусловно, братскую помощь, особенно денежную, принимали, и с удовольствием, но про себя считали СССР захватчиком. По этой причине хлынувший на Запад поток иммигрантов Европу совсем не порадовал.

Англия со своими тремя миллионами безработными также не стремилась получить дополнительных нахлебников. Америка хоть и кричала больше всех о правах человека, но американский доллар, упавший в 1988 году до минимальной отметки относительно курсов основных мировых валют за всю историю существования США, до сих пор не поднялся на приемлемый уровень. Бюджет Америки трещал по швам, что, впрочем, не мешало политикам продолжать разглагольствовать о тех свободах. Ну-ну, подождём, что они скажут о наплыве мигрантов из СССР через полгода.

Тем временем слухи и сплетни по стране множились. Кто-то по-тихому поддерживал,

кто-то кричал: «Пусть проваливаются!» Внимание граждан страны резко переключилось с сельскохозяйственных проблем и повышения цен на другие вопросы.

Просчитывал я и то, что даст освобождённое жильё. Получалось, что если действительно уедут все те, кто стоял на очереди или просто сдал квартиры государству, то освободится объём квадратных метров, соизмеримый тому количеству, что строят в стране за год. Однако часть рабочих рук мы потеряем. Зато и кормить их же, и оказывать услуги не будем. Тут бы мощный компьютер для вычисления всех этих вероятностей пригодился, но пока в СССР с компьютерами беда.

Илья купил себе бытовой компьютер для домашнего применения — «Электронику БК-0010». Я же посмотрел, поплевался и приобретать не стал. Подожду, когда появится что-то более приличное. Не то чтобы мне шестьсот рублей жалко. Вообще-то да, жалко на эту допотопную технологию. Тому, кто знает, как будет развиваться электроника, трудно воспринимать серьёзно шарманку, имеющую оперативную память 32 КБ, из которых половина отведена на видеопамять. Это чудо техники имело минимальный набор программ, включая программу печати на матричных принтерах. Инженеры как-то применяли эти компьютеры для расчётов, но по мне проще на калькуляторе посчитать.

Пацаны Ильи использовали компьютер для примитивных игрушек, рассказывая мне, какие дополнительные «мощности» можно к нему припаять и во что ещё играть. Не стал мальчишек разочаровывать. Сами всё узнают со временем. Жаль, что я в этой области не разбираюсь на таком уровне, чтобы сдвинуть с мёртвой точки производство в СССР.

Не то чтобы бытовые компьютеры в стране совсем не производились. За последние три года выпустили около ста тысяч. Заводы в Павловском Посаде, Казани, в Шяуляй (Литва), в Армении и Йошкар-Оле изготавливали бытовые компьютеры. Для того, кто знает, что компьютеры появятся в каждой семье (и не по одному), смешно было читать цифры этих продаж. Капля в море, да ещё и сомнительного качества. Но как и положено, справочку о технологиях будущего, я Машерову подал. Правда, его на данный момент волновали другие проблемы. Сказал, что переслал копию военным, и велел мне снова засесть за анализ малого бизнеса в стране.

То, что эта область вышла из-под контроля государства, было давно понятно. Скоро сработают законы рынка. Мелкие предприниматели, вернее, кто мнит себя таковыми, уступят место тем, кто действительно займётся бизнесом, а не перепродажей того, что завалилось дома.

Моя тёща как раз к последним и относилась. Она отчего-то посчитала себя гением в этой области. Поначалу ещё опасалась открыто торговать и предлагать свои услуги в качестве швеи, но уже через полгода осмелела. Уволилась с прежнего места работы и теперь поучала всех, кто попадался ей на глаза. При очередном визите она конкретно проредила содержимое наших шкафов.

— Сашенька, эти туфли уже немодные. Да и не надевала с прошлого года. Возьму на продажу. Юбку ты тоже не носишь. Что там ещё... — копалась тёща в том, что я давно хотел выкинуть.

Старых вещей было не жалко, но меня немного коробило, что кто-то чужой перетряхивает наши залежи. Отец был также сдержан в эмоциях, правда поинтересовался у тестя, много ли доходов получается с этой перепродажи.

— Кто его знает? — пожал плечами тот. — Жена продаёт и тут же что-то покупает. Совсем баба помешалась.

— Бабушка, возьми меня с собой торговать, — начал клянчить Ромка, но я это дело быстро пресёк, процитировав параграф, ограничивающий возраст «торговцев».

Нагрузив мужа объёмными сумками, тёща, довольная собой, удалилась. Мне, честно говоря, вывоз барахла из нашей кладовой даже понравился.

— В следующий раз пусть антресоли разберёт, — предложил я Сашке.

Супруга хихикнула и согласилась, что внеплановая уборка дома оказалась полезной, а то я вечно всё лишнее уношу в мастерскую. Там уже скоро будет не протолкнуться от вещей, которые вроде и не нужны, но выкинуть жалко.

Следующий визит тёщи случился через несколько дней.

— Думаю расширить оборот и ассортимент товаров, — поделилась родственница планами на будущее. — У меня есть коммерческая жилка.

Используемые слова и определения немного удивили. Мне показалось, что кто-то неплохо промыл женщине мозги, уверив её в несуществующих способностях, и я решил послушать более внимательно. История, рассказанная тёщей, мне совершенно не понравилась, хотя она сама пребывала в восторге.

Торговала она шмотками неподалёку от дома на одном из стихийных рынков. У неё там даже своё место имелось. Пару дней назад к ней подошёл молодой парень и предложил «увеличить ассортимент» за счет фармакологического товара. При этой фразе я тихо скрипнул зубами, уже понимая, что ничего хорошего не услышу.

— Лекарство желудочное. Немного срок годности вышел, но Костик сказал, что это допустимо, — заливалась соловьём тёща. — И брали его хорошо.

Некий Костик сам торговать не стал, ссылаясь на занятость, и попросил помочь за небольшой процент. Стоило только разложить лекарство на прилавке, как почти сразу парочка молодых людей купила три пачки, затем еще один парень подошёл, безошибочно распознав «дефицитный препарат», и под конец пожилой мужчина, жалуясь на желудок, выгреб всё подчистую. Скорость продажи «немного просроченного» лекарства поразил как саму бизнесменшу, так и тех, кто стоял с ней рядом (таких же торговков).

Вернувшийся Костик в знак благодарности сунул пятёрку за хлопоты и посетовал, что этого лекарства у него ещё много осталось, а вот времени совсем нет, поезд вечером и задержаться в Москве нет возможности. Тёща, простая душа, согласилась выкупить то, что осталось. Товар-то ходовой! Жаль, с собой денег было меньше ста рублей.

— Повезло, что Костик товаром у меня взял. И туфельки Сашины, и юбку джинсовую, — похвалилась родственница. — У меня же чутьё на коммерцию! Жалко, вчера дождливо было, люди не шли, но завтра обязательно всё продам.

Втянув в себя воздух, я постарался успокоиться и не начать крыть матом нашего «экономического гения».

— То есть вас не смутил такой правовой аспект, как товар, запрещённый к перепродаже вне государственных структур? — начал я.

Затем кратко описал всю схему мошенников. Не сталкивались ещё советские люди с откровенными подставами. В данном случае разводилово было примитивным. Не знаю, на какой мусорке те дельцы подобрали ту партию лекарства. Предположу, что могли договориться о списанном товаре прямо у аптекарей, главное, что им оно ничего не стоило. Затем группа из нескольких человек изобразила театральную постановку и интерес к лекарству.

— Со стороны кажется, что оно пользуется прямо бешеной популярностью. На самом

деле это подставные покупатели, — пояснял я.

— Не может быть! — возмутилась тёща. — Вам, кэргэбэшникам, вечно всякое мерещится.

— Возможно, я бы согласился с вашим мнением при условии, что Костик продал через вас лекарство и, забрав деньги, ушёл, — вклинился отец в обсуждение темы. — Но он навязал свой товар за деньги и ещё сверх того забрал вещами. Неужели такое дорогое лекарство?

— Оно же дефицитное, — с умным выражением лица заявила тёща. — Я его по три рубля продавала, а Костик потом целую коробку принёс, сто пачек всего по два рубля!

— Мама, ну ты и... — покачала Сашка головой.

Слово «дура» не было произнесено, но подразумевалось. Самое поразительное, что убедить в своей правоте тещу мы так и не смогли. Она, поджав губы, удалилась с недовольным видом. Напоследок я напомнил ей, что реализовывать медикаменты запрещено законом. И ежели чего, то я её выручать не буду. Не убедил.

Сашка потом сходила к родителям узнать чего и как. Открыто продавать на прилавке сомнительный товар тёща после моих слов побоялась (если и пробовала, то осторожно). Она сунулась с просроченным лекарством по знакомым и соседкам. Народ только что у виска пальцем не покрутил. Мало того, что это совсем не дефицит и стоит копейки в аптеках (название не самое популярное, но те, кому нужно, в курсе), так ещё и запрашиваемая цена не выдерживала критики.

Коробку просроченных медикаментов тесть от греха подальше выкинул, вставив жене такого пистона, что она временно перестала торговать.

Меня же заинтересовала ситуация с аферистами сама по себе. Помню, в прошлой реальности в девяностых годах расплодилось мошенников как грибов после дождя. Советские люди в большинстве своём немного доверчивые (тёща тому пример), не привыкли к тому, что их могут так нагло обманывать. С Ильёй я эту тему обсудил, пояснив, что нужно просветить всех заранее.

— Напиши статью, а я найду куда её пристроить, — предложил друг. — Лучше представить всё как юмористический фельетон, но это уж как получится.

До «нигерийских писем» нам еще далеко, как и до интернета. Позже появятся всякие МММ, «канадские компании», «Гербалайф» и им подобные. К слову, основатель «Гербалайфа» скончался на сорок четвёртом году жизни. Рекламуемая им «трава жизни» как чудо-препарат не помогла.

Всевозможные лохотроны в виде беспроигрышных лотерей тоже не появятся ещё долго, но и от других мошенников стоит предупредить людей.

Одна из популярных схем — обнаружение якобы потерянного кошелька, очевидцем которого становится проходящая мимо жертва. Делается это по следующей схеме: один находит и поднимает кошелек с земли и спрашивает у невольного очевидца, в дальнейшем потерпевшего, его ли это имущество и видел ли он человека, уронившего портмоне. Естественно, жертва аферы не могла видеть момент запланированной утери, на что обманщик предлагает осмотреть содержимое находки. В момент, когда «нашедший» начинает рыскать в кошельке при разинувшем рот свидетеле, подходит якобы владелец и возмущенно требует вернуть его имущество. Проверив содержимое найденного кошелька, владелец не досчитывается денег и начинает обвинять нашедших в краже.

Далее идет самый настоящий развод с угрозами, сценарий которого может

варьироваться. Мошенники, если чувствовали, что удалось запугать жертву, просто забирали «недостающую» сумму или требовали показать кошелек, (содержимое карманов) и уже за счёт ловкости рук изымали деньги. Это самые грубые мошеннические трюки.

В советский период, например, неплохо устраивались поддельные мужья. Слышал я о таких случаях, когда красавчик-мужчина охмурял «серенькую мышку», желательную обеспеченную и незамужнюю. Подобных особо талантливых аферистов поймать и изобличить сложно. Ещё сложнее доказать их вину. Редко какая жертва обращалась в милицию. Но и с перепродажами чего-нибудь ненужного дела обстояли также плохо (для правоохранительных органов).

Одно время (в 90-х) стало популярно покупать советские деньги. Покупатель выдвигал условие, что продавец должен сам отобрать из коллекции монеты, которые представляют реальную ценность и котируются у нумизматов. И поможет им в этом каталог, пересылку которого нужно оплатить. Был вариант и с подставным нумизматом, берущим деньги за свои услуги. Естественно, никого не интересовали те копейки. Мошенники продавали «услуги», и весьма неплохо.

«Письма счастья» всегда гуляли по стране, но скоро они станут источником ещё одного вида афер. Получив письмо со списком адресов, обыватели слали на каждый по указанной сумме — а потом сами распространяли копии этого послания, добавив в список себя. Те, кто стоял у истоков такой пирамиды или включался в нее в самом начале, действительно могли получить немало.

Впрочем, таких как афера американского финансиста Бернарда Медоффа, десятки лет маскировавшаяся под солидную инвестиционную компанию, — у нас не было. Наши пирамиды были рассчитаны не на делового человека, а на бывшего советского обывателя.

Мне много чего вспомнилось из афер будущего. Чего стоит слоган «Работа за рубежом!»

Из всех видов трудоустройства самым «мошенническим» было зарубежное. Клиенту объясняли, что полученные от него несколько сотен долларов в основном идут на взятки: «Это нашим пограничникам, это чиновнику в американском посольстве, это сотруднику иммиграционной службы в США...»

Чтобы человек решил, что «тут все серьезно», его заставляли собирать самые немыслимые справки из различных инстанций. А через месяц-другой огорошивали: «Наш партнер в Штатах получил деньги, но попал под следствие. Мы в шоке — у нас бизнес горит!» Искать правды было негде. Не пойдешь же в милицию признаваться, что неудачно дал взятку.

Не в курсе, появились уже наперсточники или нет. В криминальной среде эти умельцы всегда крутились, но открыто у метро ещё не сидели. Пришёл к нам данный вид отъёма денег у населения из стран Ближнего Востока и по сути являлся работой профессионального фокусника при поддержке замаскированных поделщиков.

Ввязавшись в игру, гражданин начинал выигрывать и зарабатывать, а когда окончательно втягивался, слышал за своей спиной подбадривающие выкрики: «Что играешь по мелочам? Увеличивай ставку! У тебя же не глаз, а алмаз! Вот это талант! Этот фокусник против тебя бессилён!» И как только игрок входил в раж и начинал играть по-крупному, удача от него отворачивалась. Жертва проигрывала в пух и прах, теряя не только выигранное, но и все имеющиеся наличные деньги, а иногда и свои вещи.

Был у меня один знакомый, который проиграл солидную сумму. В залог оставил обручальное кольцо. Потом вернулся с деньгами и выкупил кольцо. Но самое интересное в

той истории было то, что урок не пошёл впрок. Наверное, есть такая категория азартных людей, которые верят в слепую удачу.

Сделки купли-продаж квартир — ещё одна область лазеек для нечистых на руку людей. Тут я тоже много чего написал в статье. Потом добавил похожую схему про автомобили и дачи. Пришедший в гости Илья «урезал осетра», заявив, что если кому в голову не пришла подобная мысль, то после моей статьи будет, как в том анекдоте про мужика в бане без полотенца. Не стоит подавать даже идеи не только про квартиры, но и финансовые пирамиды и лотереи.

Самое поразительное, что лохотроны успешно действовали с 90-х годов и до 2014, пока в России не приняли закон, запрещающий негосударственные лотереи. А до этого времени власти закрывали глаза на процветающее мошенничество.

В конце 80-х советские люди если и знали о таких мировых аферах, как продажа Бруклинского моста или Эйфелевой башни на металлолом, то только как курьёзные случаи. Всё же сама система социалистического строя не позволяла плодиться армии мошенников. Но с появлением малого бизнеса вострепнулись нечистые на руку людишки. Тёща моя как раз стала жертвой подобных.

Кстати, она еще и погордилась тому, что попала, пусть и без упоминания имени, в статью. Ходила по своим приятельницам, демонстрируя фельетон в «Комсомолке». Надеюсь, она вынесла из этой истории хоть что-то полезное для себя.

К выставке-продаже во Франции я тщательно готовился, хотя сам поехать по понятным причинам не мог. Решено было, что представлять меня в Париже будет супруга. Ну и Ромку заодно возьмёт в поездку. На фоне общей иммигрантской волны и резко подскочившей популярности людей из страны Советов выставка должна была привлечь к себе внимание.

Комитет имел свои интересы, связанные с этой выставкой, и реклама в газетах была оплачена. Пара шустриков из МИДа попыталась примазаться и оформить командировку, но тут я неожиданно для себя понял, что являюсь уже такой величиной, что могу заткнуть за пояс чиновников. Пусть я и числюсь на невнятной должности секретаря-помощника, зато у самого Машерова. Со мной считаются и мне отчитываются аналитики КГБ во главе с новым генералом Ильёй Андреевичем.

Взлетел я, безусловно, высоко. Как говорится в поговорке, больно будет падать, случись что с Машеровым. Его здоровье внушало некоторые опасения. Так-то здравости ума он не терял, речь имел связную, но отсутствие одной почки и болячки — наследие войны — не могли не сказаться на его здоровье.

Хочешь не хочешь, а приходится задумываться о следующем кандидате «на престол». Нужно будет эту тему на досуге с дядей Вовой обсудить. И вообще, постараться сделать как можно больше, пока позволяют условия и негласная защита со стороны Машерова. Владимир Петрович помочь мог разве что советом. После своего семидесятилетия он как-то резко стал сдавать. Раны полученные на войне и после в Венгрии давали о себе знать.

Жена с Ромкой улетела в Париж в начале августа. Сами картины были отправлены во Францию морским путём еще месяц назад. Для коммерческой выставки я успел собрать достаточно материала. Без излишней пропаганды, с большим упором на космос. Ничего нового и экстраординарного. К мировой славе я не стремился. Мне бы денег на станки заработать, и ладно.

Министр культуры рассчитывал, что и ему что-то перепадёт, так сказать, за услуги. Но Сашка имела указания брать «всего и побольше» бартером. Помещение под издательство и типографию мы в Москве подобрали. В конце 80-х не так-то сложно найти бесхозное помещение. Как правило, такое здание требовало ремонта и серьёзных денежных вложений. Подобную двухэтажную развалюху с протекающей крышей Семичастный и отыскал. Спихнуть со своего баланса здание желающих хватало.

Правда, и мы не имели достаточно средств для его восстановления. По этой причине Сашка должна была купить не только оборудование, но и стройматериалы, включая краску и прочие материалы. Кто-то скажет, разве в СССР не было той же водоэмульсионки или цемента? Были, конечно. Но вопрос стоял о таких объёмах, что свой личный кошелёк было жалко. Оборудование из Франции прибудет в контейнере. Подумаешь, еще один следом со стройматериалами. Тут главное, чтобы министерство культуры вовремя не сообразило, что потрачено во Франции будет почти всё, что я надеялся заработать.

Ромка уже перед отлётом высказал мне претензию по поводу того, что он не изучал ранее французский язык. И вообще он ещё и немецкий намерен освоить.

— Дерзай! — подбодрил я сына и всучил ему краткий словарик.

Забегая вперёд скажу, что популярных выражений и фразочек Ромка в Париже нахватался. И желание изучать этот язык только усилилось. Я и не возражал. К тому же у

сына способности к языкам и их запоминанию явно выше, чем у меня. Возможно, это еще связано с тем, что он занимался музыкой. Но и тот факт, что с ним чуть ли не с рождения разговаривали на двух языках, не мог не сказаться.

— Удачи, — проводил я своих в аэропорту, очень надеясь на то, что наша авантюра не провалится.

Ажиотаж в Европе по поводу иммигрантов из СССР достиг самого пика. Мы ещё «утку» запустили о том, что якобы эта выставка художника, пострадавшего от советской власти. То ли несостоявшийся космонавт, то ли научный работник, которого не выпускают из страны, а жена, чтобы не помереть с голоду, вынуждена продавать картины. Слухи позже обросли невероятными подробностями, которые еще больше подстегнули интерес к довольно заурядной выставке.

Саша из Парижа не звонила (деньги сэкономила), но Илья по своим каналам получил информацию из посольства — успех выставки получился ошеломляющий. Главное, что всё было продано. Парочку картин, на которые не нашлось покупателей, супруга широким жестом подарила какому-то фонду. Ну и первый портрет Гагарина, написанный мной, без вопросов возвращался на родину. Продавать его ни сейчас, ни позже я не собирался. Это уже история и никакими деньгами она не измеряется. Да и заработного вполне хватало для наших целей.

Оборудование и бумага были закуплены, стройматериалы тоже. Министерству культуры достались крохи той валюты, на которую рассчитывал Демичев. Министр потом-то что-то вякнул против. Но куда ему с КГБ тягаться? А у меня за спиной был именно комитет. Илья как-то всё подал умно, заинтересовав всё высшее руководство. Никто против нового печатного издания возражать не стал. Или скорее всего не поняли, что эта деятельность будет относиться к частной.

На самом деле я рассчитывал, что, пока мы сделаем ремонт здания, пока соберём штат и наладим выпуск журнала, в стране произойдут ещё какие-то изменения. Закрутить гайки и пойти на попятную в деле развития рыночной экономики уже не получится. Джина выпустили из бутылки и с каждым месяцем всё заметнее становились преобразования в стране.

Мои вернулись из Парижа довольные и счастливые. И пусть личных денег для покупки модных шмоток имели мало, зато впечатлений привезли много. Несколько фотопленок и с сотню рассказов о том, как оно у них там. В рамках культурного обмена супругу с сыном свозили в Лувр, конечно же, на Эйфелеву башню и просто покатали по столице.

— Париж только в центре чистый и красивый, — назидательно поясняла Сашка родне. — Капиталисты и эксплуататоры имеют богатые дома, простые люди живут скромно.

— А я вино пробовал! — выдал Ромка.

— Угостили на открытии, — потупилась жена.

— В школе у Ромки, когда будешь выступать, про вино не упоминай, — усмехнулся я.

— Меня еще из твоего Союза художников просили устроить встречу, — напомнила супруга.

Сам я от таких лекций категорически отказался. Во-первых, некогда. А потом не я же в Париж летал.

Мишка приходил послушать жену, задавал вопросы о возможной иммиграция.

— Сиди дома, — в очередной раз тормознул я друга.

— Мама всё же решила ехать в Израиль, — тяжело вздохнул Михаил. — Мы пока

обменом занимаемся. В мою квартиру пропишем племянника, а я вернусь в мамину. Как ты думаешь, не заставят сдавать жильё? — посмотрел он на меня вопросительно.

— Подготовим заранее документы и то, что ты внештатный сотрудник КГБ. Возможно, от тёти Розы какое-нибудь согласие на сотрудничество оформим. Сейчас многие так делают. Союзу нужны «свои» люди за рубежом.

— Это же сколько легальных шпионов! — охнул Мишка.

— Был бы толк, — отмахнулся я от тех смутных перспектив. — Но ты обменом жилья занимайся спокойно и подключай меня, если возникнут проблемы.

То, что они будут, я знал почти наверняка. Чиновники и работники домоуправлений первыми сообразили, как можно под ту волну, что поднялась в связи с массовым отъездом людей, получить выгоду. Машеров уже отдал команду разбираться со всеми такими злоупотреблениями. Не сильно я верил, что поможет. В Москве, конечно, проще. Но где-то в глубинке докричаться до правды проблематично.

С другой стороны, оформить здание в аварийном состоянии на себя любимого я смог без проблем. Ремонтные работы в будущем издательстве начались ещё летом, но в середине сентября удалось нанять не студентов, а серьёзную бригаду опытных строителей. Кооператив «Домовой» подписал со мной контракт на услуги и бодро начал приводить в порядок здание.

В первую очередь я попросил отремонтировать подвальную часть, куда завезут оборудование для печати. Остальные помещения не так актуальны. Готовить материалы можно и дома. Набирать людей пока не спешили. Жена уверяла, что на первое время хватит «добровольных помощников» в лице нашей родни и близких Ильи. Его старшенький вполне годился на роль корреспондента. И вообще, профессионалов подключить мы всегда успеем. Если у меня не будет загруженности по работе, то я тоже помогу.

Осень, несмотря на очередную «битву за урожай», для меня выдалась спокойной. Машеров никуда не отправлял, поручив заниматься текучкой. Дачного и огородного бума в стране не случилось, но и колхозы уже пересматривали свою работу. Повышение закупочных цен стимулировало народ гораздо лучше пустых лозунгов и призывов.

Меня же волновала другая тема — Спитакское землетрясение. Мало того, что я не помнил дату, я за давностью лет позабыл, какие ещё населённые пункты пострадают.

— Ты уверен, что это было зимой? — вопрошал Илья.

— Думаю, да, — с сомнением ответил я. — Я в прежней жизни в это время жил в Ташкенте. Сам понимаешь, что там снега не было, поэтому могу ориентироваться на общие события.

— Допустим, землетрясение коснётся всей северной части республики, — прикидывал Илья по карте. — Возможно, что и Грузию захватит.

Илья продолжил расспросы и сделал почти невозможное, собрав из разрозненной мозаики моих воспоминаний нечто цельное. Вспомнил я, как на работе проходило собрание, где мы собирали деньги в помощь пострадавшей Армении, и как один знакомый-бульдозерист жаловался на то, что их срочно перебросили в республику. Технику гнали даже с Урала, её катастрофически не хватало. Да и прибыла она с запозданием в несколько суток.

— В первых числах декабря, — наконец уверенно сообщил я Илье.

Далее он уже по своим каналам начал работать. Первое, чего будет не хватать в пострадавших районах — это инструментов и техники. Мы не в силах предотвратить стихийное бедствие, зато можем заранее провести подготовку. И не только материальную,

но и информационную. Почему школьников в Японии обучают, как действовать в случае подземных толчков, а у нас не проводятся подобные учения?

Мелочиться я не стал. Подсунул Машерову документ. Тот пожал плечами и поставил подпись на печать статей в центральных и республиканских газетах.

Найти рекомендации на случай землетрясений труда не составило. Среди них были общеизвестные о том, что с начала первых толчков имеется около 15–20 секунд. Далее в правилах рекомендовалось за это время успеть взять деньги с документами и уже после этого выбегать из дома. Я категорически отмел этот пункт, как и тот, где вместо лифта советовали пользоваться лестницей. Лестничные пролёты как раз сыпятся в первую очередь. В высотном здании не успеть за двадцать секунд куда-то спуститься. Единственный верный способ — встать возле несущей стены, лучше в углу из двух стен, ну и помолиться, поскольку при сильном колебании почвы шансы выжить невелики.

«Жители сейсмоопасных районов заблаговременно должны выполнить следующие мероприятия:

Заранее продумать план действий во время землетрясения при нахождении дома, на работе, в кино, театре, в транспорте и на улице.

Ощувив колебания здания, увидев покачивание светильников, падение предметов, услышав нарастающий гул и звон бьющегося стекла, не поддавайтесь панике. Если возможно, спрячьтесь под стол — он защитит вас от падающих предметов и обломков. Держаться подальше от окон и тяжелой мебели. Если с Вами дети — необходимо прикрыть их собой. Школьникам можно залезть под парты, отвернуться от окон и закрыть лицо и голову руками.

Имейте дома запас питьевой воды и консервов в расчете на несколько дней. Уберите кровати от окон и наружных стен. В любом здании необходимо держаться подальше от окон, также следует опасаться стеклянных перегородок.

Закрепите шкафы, полки и стеллажи в квартирах, а с верхних полок и антресолей снимите тяжелые предметы.

Находясь в движущемся автомобиле, плавно затормозите подальше от высоких зданий, мостов и эстакад. Оставайтесь в машине до окончания толчков.

Не подходите к явно поврежденным зданиям, не входите в них. Будьте готовы к сильным повторным толчкам, так как наиболее опасны первые 2–3 часа после землетрясения...»

С большим удивлением я узнал, что в современных панельных домах одним из надёжных мест считается туалет. Он, в отличие от стен, был монолитной и целостной конструкцией, но капитальные стены всё же предпочтительнее. И как бы это ни выглядело странным, но кирпичные хрущёвки считались достаточно сейсмоустойчивыми зданиями. Зато всё, что строилось с начала восьмидесятых годов, не выдерживало критики. Помню репортажи из Армении, когда спасатели, разбирая завалы, возмущались тому, что в фундаментах вместо цемента практически один песок. Экономия и воровство стройматериалов сыграют свою печальную роль.

В последних числах ноября я устроил бурную деятельность в Москве, подключив ДОСААФ и туристические организации, особенно альпинистов. МЧС в привычном мне виде

ещё не существовало. Имелась государственная противопожарная служба, военные специалисты, тот же ДОСААФ, но без единого центра управления.

Пётр Миронович не понимал, почему я бегаю как ужаленный в одно место и суечусь. Справки о вероятной сейсмической активности на Кавказе его не впечатлили. Он больше волновался из-за того же Чернобыля. Решено было закрыть реактор в саркофаг. Демонтировать и восстановить его работу не представлялось возможным. Плюс западные СМИ продолжали мусолить тему радиации, экологии и прочего. На фоне этих вопросов землетрясения, которые еще не случились, выглядели чем-то абстрактным и несущественным.

В среду седьмого декабря произошло то, о чём я предупреждал.

— Александр Дмитриевич, вам телефонограмма, — принёс мой помощник Иван документ сразу после обеда. — Землетрясение. Спитак, Ле-ни-на-кан, — прочитал он по слогам, — Кировакан, возможно ещё где-то, но это всё, что передали из Еревана.

— Спасибо, — поблагодарил я и начал собираться. Штаб будет организован в Московском ДОСААФ, поэтому сразу после доклада Машерову последовал туда.

Следующие три дня слились в один. Нам в штабе пришлось принимать всю приходящую информацию и координировать действия.

— Пожар на нефтебазе в Ленинакане потушен... — докладывали мне.

— Военный госпиталь развёрнут на стадионе...

— Александр Дмитриевич, подпишите, чтобы отпустили партию рукавиц без оплаты.

— Военные спрашивают, что важнее — лопаты или продовольствие? Летит борт с медиками, но вес ограничен...

— Италия запрашивает разрешение...

Машеров, образно выражаясь, открыл границу. Иностранные самолёты начали прилетать в Ереван с материальной помощью со всех уголков мира. Америка, Австралия, Пакистан, Израиль. На разгрузку самолёта в среднем отводилось десять минут. И тут же команда на взлёт, чтобы освободить место следующим прибывающим бортам. Кроме вещей и медикаментов, доставляли врачей и спасателей. Многие из них честно признавались, что понятия не имеют, где находится Армения. Они вообще впервые слышали это название, но откликнулись на призыв о помощи.

В Спитаке интенсивность толчков достигла одиннадцати баллов по двенадцатибальной шкале, а волна, вызванная землетрясением, обошла планету два раза и была зарегистрирована от Азии до Америки.

Сам я вылетел в Спитак одиннадцатого числа. Вообще-то не хотел лететь. Толку и помощи от моего пребывания там? Я не медик, не профессионал-спасатель. Только лишнее место в самолёте займу, но Машеров был категоричен. Ему требовалось показать, что правительство «держит руку на пульсе» и прилагает все усилия по оказанию помощи. Я, как его доверенное лицо, должен был это продемонстрировать.

Военным бортом мы добрались до Адлера. Оттуда уже вертолётном в Спитак. Летели вчетвером. Большую часть салона занимало продовольствие и ёмкости с горючим. Вертолёту нужен был запас и взять его на месте было неоткуда, а для эвакуации людей этот транспорт наиболее предпочтителен.

Первое впечатление было ошеломляющим. Я же сам писал рекомендации по землетрясениям для газетных статей. Про то, как лучше выбирать место в доме, забираться под стол и так далее. Какие несущие стены?! Какой стол?! Это сплошные развалины!

Частично уцелевших домов было единицы. Вместо населённого пункта груды кирпичей и по какой-то причине сохранившиеся крыши. Мой личный помощник взял на себя функции корреспондента и снимал всё на камеру. Сам я щёлкал фотоаппаратом.

— Иван, обязательно потом зафиксируй экипировку иностранных спасателей, — напомнил я.

Мне так и не удалось сдвинуть с мёртвой точки нашу службу. Но для итогового доклада я хотел иметь материалы.

К тому, что увидели, мы оказались совершенно не готовы. Даже с вертолётa масштаб трагедии не демонстрировал того, что было на самом деле. Первое впечатление — никакой организации нет. Кто куда идёт? Где штаб, как добраться? Сохранившееся подобие подъездных путей было забито транспортом. Нас с вертолётa высадили неподалёку от палаток, предоставив дальше самим разбираться. Медики проявили большую организованность. Они лучше знали, кого в первую очередь эвакуировать, и вертолёт тут же был вначале загружен, а затем заполнен ранеными.

Первый день я провел словно в кошмарном сне. Запомнился дым, пыль, скрипящий на зубах песок, а под ногами хруст стекла. Прошло четыре дня с момента трагедии. Многих достали из-под завалов. Погибших раскладывали прямо на улице, прикрыв скудными тряпицами. Запах разложения уже витал в воздухе, а похоронная служба просто не успевала не то что регистрировать, но и вывозить мертвецов. Никто не разбирался чьи это тела, не фиксировал. Иван начал было снимать, чтобы потом передать на опознание, но я его тормознул. Без этого дел хватало.

Хотели пройти к центру, но не получилось, поскольку постоянно слышали:

— Мужчины! Помогите!

Подразумевалось, что мы должны извлечь кого-то из-под завала. Кирки и лопаты несли с собой, но практически везде требовалась сила, соизмеримая с подъёмным краном. Смотреть на то, как люди голыми руками пытаются выкапывать своих близких, мы не могли, потому и подключались к помощи. Невольно выступали на глазах слёзы, когда я видел матерей, продолжавших кутать в одеяла уже мёртвых детей.

Подвозить гробы стали уже к вечеру. Все деревообрабатывающие предприятия Армении получили команду делать гробы разных размеров (сам рассылал распоряжения из Москвы). Их и начали выгружать на окраинах, куда могли проехать грузовики, а люди и сами подходили, разбирали.

К начальнику спасательной службы мы добрались около семи вечера. До этого кидались на помощь, хотя толком оказать её не могли. Не ожидал от себя такого поведения. А ведь знал примерно, какая ситуация ждёт нас, но оказался не готовым к такому горю.

— Не плачут уже, всё выплакали. Слышали, как мало говорят? — скупое пояснял мне Сергей Азарян психологическое состояние людей.

Психологи бы здесь точно не помешали. Но в СССР не было подобной службы. Здесь даже успокоительной валерьянки некому было накапать. Все медики заняты. То, что, к примеру, случилась истерика у крановщика, поднявшего бетонную плиту над школьным классом, никого не волновало. И снова мне припомнились собственные рекомендации по спасению школьников. Сам я не видел, не смог пересилить себя. Иван один сходил.

— Целый класс детей, и всех... разом... — пробормотал он, меняя фотоплёнку.

Толку от моего присутствия в Спитаке практически не было. Поисковые работы, регистрация погибших и выживших будет продолжаться не один месяц. Но что-то для

доклада Машерову я собирал. Пригодится на будущее. Прежде всего оказалось, что наши спасатели не умели правильно вытаскивать людей из-под завалов.

Пролежав долго в одном положении, придавленные тела людей не имели нормального кровообращения. И когда их извлекали, циркуляция крови возобновлялась и часто приводила к плачевным результатам. Могли отказать почки или из ран резко начинала течь кровь. Детских медиков практически не было. Те врачи, которые специализировались на взрослых, порой допускали ошибки, обрабатывая маленьких пациентов. В общем, проблем было столько, что описать все невозможно.

Не хватало еды, воды, люди ночевали у костров прямо на улицах. Мы расположились в штабной палатке, но в первые два дня толком спать не могли.

С каждым днём шансов извлечь живыми людей оставалось всё меньше. Декабрь месяц даже в Армении не такой уж тёплый. Тем, кто оставался под завалами без тепла, грозила если не смерть от голода или жажды, то от переохлаждения. Прибывшие иностранные спасатели научили такому способу, как минута тишины: когда смолкает техника и люди слушают или фиксируют приборами.

Спасатели привезли с собой и собак. При мне немецкая команда с ротвейлером отыскала молодую женщину. Самое поразительное, что она была с грудным (живым!) ребёнком. Удивлены были все. Немцы через переводчика стали расспрашивать. Женщина отвечала на смеси русского и армянского языков, я понял, что вода у неё была, но когда пропало молоко, поила младенца своей кровью. Так и спасла малыша.

Помощи прибывало всё больше. Кто-то приезжал на личном транспорте и привозил продукты. Грузовики сновали туда-сюда, доставляя продовольствие и вывозя гробы или просто тела. И, собственно, моё участие уже не требовалось. К тому же Машеро поторапливал и ждал доклада. В штабе была налажена связь и мне передали, что вызывают в Москву для отчёта.

Снова мы заняли место тех, кому эвакуация была важнее, и полетели переполненные тяжёлыми впечатлениями домой.

Доставленные мной в Москву фото- и видеоматериалы были первыми, которые увидел Машеров. До этого он читал сухие строчки отчётов и, судя по всему, видео произвело самое тяжёлое впечатление. На самом просмотре я не присутствовал, поскольку дел скопилось по горло. Шуршал в московском штабе по чрезвычайным ситуациям. Разгребал бумажные завалы и ругался на бестолковых сотрудников.

Долго развлекаться всей этой бюрократией Машеров не позволил и уже через день вызвал на Старую площадь. К тому, что будет расширенное совещание с представителями разных структур (военные, КГБ, учёные) я не был готов, но и особых проблем не видел до того момента, пока из меня не сделали мальчика для битья. Всю подготовительную работу вывернули против меня же. Мол, ты знал и ничего не сделал! То, что данные от сейсмологов, мягко говоря, притянуты за уши, никого не смущало.

— Хорошо, перечислите мне мероприятия, чтобы в следующий раз я четко им следовал, — внёс я предложение после выступления Соколова.

И тут у всех случился затык.

— Эвакуация... — несмело пробормотал кто-то из научных работников.

— Двадцать пять тысяч человек из того же Спитака эвакуировать по той причине, что сейсмологи предсказали с вероятностью плюс-минус полгода колебания земной коры? — задал я вопрос. — Или кто-то из вас мог заменить цемент в фундаментах на более качественный?

В общем, на все те заявы, что мне бросили, я выдвинул не меньше требований. И прежде всего о специальной службе, которая будет заниматься подобными проблемами.

— Необходимо создать министерство чрезвычайных ситуаций, — подвёл я итог.

Петру Мироновичу позже подал проект МЧС. Он отреагировал довольно странно предложив мне самому подготовить схему организации, структуру и так далее. То есть взвалить на свои плечи подготовку. Нет, не подумайте, что мне кто-то решил предложить пост руководителя МЧС. Для этой должности я в свои тридцать семь лет считался слишком молодым. Тогда какой смысл суетиться?

В более завуалированной форме я так и ответил Петру Мироновичу, отбрыкавшись от сомнительной обязанности. Пусть скажут спасибо, что я хоть что-то предпринял заранее. Хотя ошибок в организации работ по разборке завалов оказалось много. Толку, что через несколько дней нагнали техники и спасателей. Они же сами себе и мешались. На подступах к Ленинанкану и Спитаку было не протолкнуться.

Ещё и всякие родственники кинулись на помощь своим. Ладно бы просто привозили продукты и воду, но и мародёров среди них хватало. Первое время трупы из-под завалов доставали, не имея возможности унести дальше и похоронить. Начало толчков случилось в 11:41. Большинство людей было на работе, дети — в школах и детских садах. Тех же работников фабрики пытались вытащить, но живых оказалось мало. Опознать кого-то было сложно, но чаще всего и некому делать это. Безымянные трупы лежали вдоль дорог. И нашлись те, кто воспользовался этим. Снимали наручные часы, золотые украшения, искали по карманам деньги.

При мне военные остановили автомобиль с гробом, торчащим из кузова. Почему и кто обратил на это внимание, я тогда не понял. Устал как собака, замотался и на какие-то

странности не смотрел. Сообразил, что что-то не так, когда вскрыли гроб, а он весь был завален часами и ювелиркой. И так от этого зрелища стало мерзко, что я еле успел выкрикнуть команду, чтобы тех негодяев задержали, а не прибили под шумок.

Не скажу, что мародеров оказалось много. В первые дней пять все были ошеломлены и потеряны, искали под завалами близких, затем их хоронили. Много было искалеченных, которые выжили, но дальше госпитальных палаток уйти не могли. Потому грабить мертвецов начали позже. Милиция и армия поначалу не успевали выполнять свои функции. К тому же никто не запрещал людям ковыряться на развалинах собственных домов. Но кто там в многоквартирном доме определит где чья квартира, когда кругом одни руины?

Люди разгребали завалы, пытались вытащить для себя теплые вещи, обувь, одеяла и даже продукты. К слову, советские рыбные консервы неплохо пережили катаклизм. Возле одного бывшего продмага я лично наблюдал, как народ вытаскивал ящики с иваси и килькой в томате. Банки оказались целенькими. Мне тоже попытались всучить парочку, но я отмахнулся, попросив, чтобы отнесли в госпиталь.

Трансляции по поводу землетрясения в Армении на центральному телевидению были более чем скромные. Не существовало ещё интернета и социальных сетей, из человеческой трагедии не создали шоу. Тем не менее вся страна знала и откликнулась на призыв о помощи. Московский штаб не справлялся с тем потоком вещей и продуктов, которые доставляли люди. Пришлось в программе «Время» передать обращение от лица Машерова о том, что на данном этапе пригодится помощь в виде денежных средств.

Снова Петр Миронович насел на меня с организацией МЧС. И снова я отказался Генеральского звания мне не присудят (не за что), а ниже чем генерал-полковника на место руководителя этого министерства не поставят. Вот пусть тот генерал сам и разрабатывает систему, исходя из того, что я уже сделал и подготовил документально. Основные пункты для МЧС определены и согласованы с Машеровым. Это мониторинг, контроль и прогнозирование чрезвычайных ситуаций;

— Предупреждение и тушение пожаров; предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций на подводных потенциально опасных объектах во внутренних водах и территориальном море Российской Федерации;

— Координация деятельности по поиску и спасению людей во внутренних водах и территориальном море.

Набирать штат, искать людей, помещения и прочие детали должен сделать тот, кто непосредственно будет руководить службой. Я от этой команды отбрыкивался всеми силами. Да и кто Машерову будет аналитику готовить? Наконец он согласился со всеми моими доводами и потребовал «предсказаний» на 1989 год. Мол, аналитик, выполняй свои непосредственные обязанности.

В моё время последние годы правления Брежнева станут называть «периодом застоя». Предположу, что и в этой вероятности название сохранится. Однако мне, как аналитику и человеку, живущему вторую жизнь, было видно, что этот самый «застой» характерен был не только для СССР. Или на фоне спокойного течения жизни так всё воспринималось? Были в стране какие-то события и «великие свершения», но пройдут годы и никто их таковыми не станет считать. Даже аббревиатура «БАМ» станет непонятной для поколения начала двадцать первого века. А уж о «великих» комсомольских стройках и вовсе забудут.

С уходом Брежнева события и напряжённость в СССР нарастали. Всё больше было недовольных и тех, кому не нравилась жизнь в стране. Уезжали, конечно, кто мог, но

оставалось много народа, который, в принципе, не желал менять родину, но и видеть, как неравномерно распределяются материальные блага, не хотел.

Ладно бы только в нашей стране проявлялись волнения. По всему миру наметились изменения. Бывшие колонии Великобритании стали объявлять о независимости, активизировалась Африка с её проблемами, плюс Китай, Камбоджа, Иран и так далее, вроде того, как сирийские войска освободили в Ливане лагерь палестинских беженцев.

Летом польские власти начали вести переговоры с независимым профсоюзом «Солидарность». Для кого-то это малопонятный и незначительный факт, но именно он приведёт к свержению коммунистического строя в этой стране. Участники общественного движения «Солидарность» по итогам переговоров с властями Польской Народной Республики возглавят правительство и первыми в странах социалистического блока проведут демократические выборы. Католическая церковь также примет в этом активное участие.

Примеру Польши последуют венгры, а там уже и до падения Берлинской стены недалеко.

Безусловно, многое в этой истории изменилось, но она (история) настолько инертна, что можно рассчитывать лишь на незначительное смещение дат этих событий. Если и разрушат немцы стену на год или два позже, то что от этого изменится? Хотя события в Европе развивались по уже незнакомому сценарию. Хлынувшая волна иммигрантов из СССР предпочла ФРГ, а не ГДР.

Мне не хватало данных, чтобы свести воедино картинку, но о том, что Берлинская стена скорее всего не устоит, Машерову сообщил. События последних месяцев показали, что моей аналитике стоит доверять безоговорочно, и Пётр Миронович серьёзно задумался о последствиях объединения двух немецких стран. Попросил на эту тему подробную справку.

То, что в большем выигрыше окажется ГДР, было и так понятно, но подавать генеральному секретарю информацию о том, что «братья» по социалистическому лагерю спят и видят себя живущими в капиталистическом строе, следовало осторожно. В СССР десятилетиями насаждалась марксистско-ленинская идеология. И Машеров был её продуктом до мозга костей.

По этой причине я перечислил известные проблемы: то, что немцам в восточной части видится проживание на Западе более сытным, и мечтают они в большей степени о доступных товарах народного потребления. Про свободу слова и тому подобные идеологические составляющие я специально не упоминал. Только про шмотки, продукты и автомобили.

Наличие родственников с двух сторон от Берлинской стены также сыграет свою роль. Ну и, конечно же, основной фактор — международное мнение. Если США, Великобритания и Франция поддержат и сосредоточат своё внимание на этом событии, то СССР не стоит пытаться что-то изменить, особенно силовым методом. Сейчас, как никогда ранее, внимание всей мировой общественности приковано к Европе, куда направился основной поток иммигрантов из СССР.

Вот это как раз интересный фактор, который безусловно повлияет. Как именно, моей фантазии не хватало. Но согласитесь, что даже те диссиденты, разглагольствующие о правах и свободах, выросли в СССР. Как ни крути, но западный образ жизни им чужд. Это в начале двухтысячных многое поменяется. К тому же наличие интернета сделает доступным общение с родственниками, которые будут находиться за тысячи километров. Сам я, уехав на

ПМЖ в Англию, ничуть не испытывал проблем с общением с кем-то из друзей или родни в России. В конце же 80-х получение обычного письма из-за границы целое событие. И не всегда письма доходили до адресата. Десятилетиями КГБ отслеживало подобную корреспонденцию и, будем до конца честными, читало её. Кто-то пытался обойти систему, передать письма с людьми, едущими в СССР, но таких было совсем немного.

Приказ № 00124 (два нуля в начале означают, что приказ совсекретный) Председателя КГБ от 1968 года предполагал негласный контроль за почтово-телеграфными отправлениями. Правда, это противоречило Конституции СССР, потому проводилось всегда тайно.

Самое смешное, что в преамбуле приказа № 00124 содержалась ссылка на ст. 128 Конституции. Чекистам вменялось в обязанность «не допускать превышения предоставленных прав и обеспечивать сохранение тайны переписки граждан, гарантированной ст. 128...» То есть сначала эту тайну нарушать согласно Инструкции, а потом ее сохранять в соответствии с Конституцией.

Идеологическим прикрытием служило, естественно, усиление борьбы «против подрывных действий империалистических государств, пресечению враждебной деятельности их разведок, идеологических и пропагандистских центров противника, зарубежных националистических, религиозных и антисоветских организаций».

Шёл также отбор по фамилиям, адресам и почеркам отправок по заданиям оперативных подразделений КГБ, МВД и ГРУ. В частности, подлежала изъятию корреспонденция лиц, находящихся под НН — наружным наблюдением, проводилось сличение корреспонденции по почеркам, образцам оттисков шрифтов пишущих машинок с целью розыска агентуры иностранных разведок, государственных преступников, исполнителей шпионских писем, авторов анонимных антисоветских документов (листовок, воззваний) и отбора документов от разрабатываемых лиц.

Кто бы чего ни думал, но в СССР существовала помощь в поиске государственных преступников и розыске авторов анонимок. Для многих анонимщиков это оказалось неприятным сюрпризом. Эта обязанность силовых структур была тоже отражена в инструкциях к секретному приказу № 00124. Особое место в почтовом контроле занимала переписка осужденных. «Получаемая и отправляемая осужденными корреспонденция подвергается цензуре со стороны администрации исправительного учреждения». Оно и понятно, почему и тут вопросов ни у кого не возникало.

Ещё в СССР вёлся обязательный картотечный учет лиц, ведущих международную переписку с капстранами, в том числе получающих письма от иностранцев, временно находящихся в СССР.

Не могу сказать, как именно вскрывались письма и посылки. В стране имелось огромное количество пунктов почтового контроля, где проводилась перлюстрация. Сам никогда не интересовался, для меня это всё напоминало детскую игру в песочнице.

Пройдёт совсем немного времени и с развитием технологий эти все «дедушкины» методы покажутся смешными. Силовые структуры начнут следить через сервисы, такие как Facebook, Twitter, «ВКонтакте» и им подобные. Не обойдут стороной и мобильные телефоны.

Технология мобильной связи изначально разрабатывалась и внедрялась с учетом требований государственных органов по уровню защищенности. Для поддержания этой безопасности большинство государств мира запрещали использовать и продавать мощные

шифраторы, скремблеры, криптооборудование, равно как очень защищенные технологии общедоступной связи.

Сами же операторы связи будут защищать свои радиоканалы путем шифрования, используя для этого достаточно сложные алгоритмы.

И тем не менее контроль абонентов (активный и пассивный) будет использоваться, и не только госструктурами. Для пассивного контроля абонента потребуется применение дорогостоящего оборудования и наличие специально подготовленного персонала. Любой человек на «сером» рынке сможет купить комплексы, с помощью которых можно прослушивать абонентов в радиусе пятисот метров. Дорого, конечно, но кому нужно, тот приобретёт.

Система будет отслеживать GSM-разговоры в реальном времени, основываясь на доступе к SIM-карте объекта или к базе данных оператора сотовой связи. Если же такового доступа нет, то контроль можно осуществлять с задержкой, в зависимости от уровня шифрования, используемого оператором. Система также может являться частью передвижного комплекса для отслеживания и контроля движущихся объектов.

Второй способ контроля — это активное вмешательство в эфире в протоколы управления и аутентификации с помощью специальных мобильных комплексов. Такое оборудование, несмотря на кажущуюся простоту (по сути, это пара модифицированных телефонов и компьютер), может стоить от нескольких десятков до сотен тысяч долларов. Работа с такими комплексами требует высокой квалификации обслуживающего персонала в области связи.

Принцип действия такой атаки следующий: мобильный комплекс за счет более близкого местонахождения к абоненту (до 500 метров) «перехватывает» сигналы для установления соединения и передачи данных, замещая ближайшую базовую станцию. Фактически комплекс становится «посредником» между абонентом и базовой станцией со всеми вытекающими отсюда проблемами безопасности. «Поймав» таким образом абонента, этот мобильный комплекс может выполнить любую функцию по управлению соединением абонента, в том числе связать его с любым нужным злоумышленникам номером, установить «слабый» криптоалгоритм шифрования либо вообще отменить шифрование для данного сеанса связи, и многое другое.

Есть еще третья возможность перехвата трафика мобильного абонента. Для этого на смартфон жертвы нужно установить вирусное программное обеспечение. Напрямую определить, прослушивается ли в данный момент телефон, невозможно, но получить косвенное подтверждение некоторой вероятности имеется. Многие модели старых кнопочных телефонов даже отображали специальную иконку (закрытый либо открытый замочек), которая демонстрировала, используется в данный момент шифрование разговора или нет. Для смартфонов разработают специальные приложения, которые могут сообщать пользователю о конфигурации настроек текущего сеанса связи, в том числе — передается ли его речь открыто или с использованием алгоритма шифрования.

В конце 80-х годов знание о подобных технологиях кажется чем-то вроде научной фантастики. Домашние и служебные телефоны по старинке слушали связисты. А вот перлюстрация писем уже не была столь актуальной. Те, чьи письма ранее читал КГБ, массово рванули на Запад.

Я до сих пор не был уверен на сто процентов, что наш домашний телефон не прослушивается, и старался каких-то особых разговоров дома не вести. Собственно, с Ильёй

и дядей Вовой мы всегда беседовали на нейтральных территориях, если, конечно, это были важные темы. Обычный трёп пусть слушают те, кому это нужно. В КГБ принято следить за всеми, не делая различий на своих и чужих.

Как сотрудник комитета, я писал отчёты и добросовестно «стучал» на того же Машерова и его замов. Информацию подавал обтекаемую, но такую, чтобы никто не придрался. С одной стороны, вроде как и работаю, и каждый месяц присылаю документы, а с другой — толку от них никакого. Всё это и открытым доступе можно взять. Не думайте, что это я такой порядочный и проявлял принципиальность. На самом деле на Машерова нечего было писать. Бывший партизан и честный человек не давал повода, чтобы комитет заимел на него компромат.

В отношении меня Пётр Миронович не питал иллюзий. Он прекрасно понимал — за моей спиной всемогущий КГБ, что, впрочем, не мешало Машерову пользоваться аналитикой, которую я подавал. И выражал он недовольство по недополученной информации вполне искренне.

Я ещё понимал Владимира Петровича, который в курсе моего попаданчества, но Машеров отчего-то считал, что из сухих строчек отчетов различных структур я могу в буквальном смысле предсказывать события.

Очередной выговор получил в конце января нового года, когда случилось землетрясение в Таджикистане. Не помнил я этого события совершенно. Уверен, что в прошлой реальности оно тоже происходило. Но на фоне недавней трагедии в Армении не столь впечатлило меня, чтобы запомнить. А МЧС в стране до сих пор ещё не создано. И снова бардак в деле спасения людей и в организации эвакуации выживших.

Эпицентр бедствия находился в тридцати километрах юго-западнее Душанбе. Сила толчков здесь достигала семи баллов. Больше остальных пострадали три кишлака, расположенные в центре Гиссарского района. Основной ущерб нанесли вторичные последствия — сели, лавины, обвалы и оползни. В толще глинистого холма произошло скопление влаги, возник увлажненный слой грунтов. Сравнительно слабого подземного толчка оказалось достаточно, чтобы верхняя часть холма сдвинулась, водный горизонт вскрылся и образовались потоки глины, которые сошли на кишлаки Окули-Боло и Окули-Боев.

Собственно, сами колебания почвы не были так страшны для людей. В отличие от того же Спитака, постройки в кишлаках глиняные, одноэтажные, без сложных бетонных конструкций. Но оползень шириной в два километра собрал столько жертв, что словами не передать. Мало того, оползень высвободил грунтовые воды, осложнившие проведение спасательных операций.

Машеров устроил разнос всем (мне в первую очередь). Ругал сейсмологов, генералов, учёных и тех, кто подвернулся под руку. Затребовал от меня пояснения о причинах катастрофы. Это он успел просмотреть выписки из Западных СМИ. Те всю спекулировали темой землетрясений на территории СССР. Одной из самых распространённых версий называли испытание ядерного и даже геофизического оружия под землёй.

Пришлось мне в срочном порядке брать за шкиряк учёную братию. Они-то и написали, что во время Спитакского землетрясения в зоне разрыва земной коры была высвобождена энергия, эквивалентная взрыву десяти атомных бомб, каждая из которых была подобна сброшенной в 1945 году на Хиросиму. Причиной называли естественные движения тектонических плит. Была ещё одна скромная версия о том, что строительство Ахурянского

водохранилища могло стать одним из факторов, но я в своём отчёте об этом писать не стал. Незачем смущать умы советских граждан.

Информацию, что в Таджикистане причиной трагедии стала деятельность людей, подал только Машерову. Вернее, землетрясение имело естественных характер. А вот оползни — результат обводнения лёссовидных суглинков (горных пород), которое произошло в результате двадцатилетней инфильтрации воды из оросительной системы.

Как бы то ни было, но трагедии уже случились, и задача правительства заключалась в том, чтобы уменьшить последствия катастроф. Снова вернулись к скорейшему созданию МЧС и подготовке специалистов. Машеров привлечь меня в этом деле не стал, разумно посчитав, что я на своем месте. К тому же начались волнения в Венгрии и ГДР. Кажется, Петру Мироновичу уже самому было интересно, насколько верны прогнозы по разрушению Берлинской стены.

Скажу честно, мне и самому хотелось узнать, повлияло или нет моё появление на события в мире.

События 1989 года в стране и в мире удивляли всё больше и больше. С начала лета я с головой погрузился в поступающие отчёты и сводки. Порой казалось, что мир сошёл с ума. Столько всего и сразу происходило, что Илья хватался за голову, поскольку его отдел не успевал обрабатывать информацию, напоминая снежную лавину.

Анализировать было непросто, но некоторая тенденция за всеми событиями просматривалась. Тут, наверное, уместно вспомнить работы В.И. Ленина. Не думайте, что я во второй жизни проникся его идеалами, но не могу не отметить имеющиеся аналитические способности у товарища Ульянова. Он абсолютно верно собрал события, происходящие на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков и написал в одной из своих работ о признаках революционной ситуации и прочем. Имея послезнания, я и сам мог бы перечислить всё то напряжение, что охватило общество в царской России на рубеже двух веков. Здесь не только стачки и забастовки рабочих, это и общее недовольство всех, начиная от кухарок и заканчивая аристократами.

Так вот, лето 1989 года имело схожие «симптомы». Сельскохозяйственная тема, которую курировал Машеров, если и не провалилась, то была близка к этому. Пустые полки овощных магазинов и заоблачные цены на рынках служили тому подтверждением. Малый бизнес пока развивался недостаточно быстро. Вернее, были неплохие попытки производства товаров народного потребления, но в основном в больших городах и в недостаточном количестве. Колхозам, как обычно, ничего не перепало.

К этим проблемам добавились национальные. Первыми громко заявили о себе эстонцы, создав некий Национальный фронт. Силовые методы по подавлению этой инициативы не годились. По сути этот «фронт» ничего не делал такого, чтобы задействовать милицию или армию. А вести идеологическую пропаганду уже не имело смысла. Время упущено. Если за все годы советской власти не удалось, то несколько месяцев ничего не решали. К тому же вся Европа внимательно следила за тем, что происходило в этой республике.

Радио «Свобода» и «Голос Америки» с ликованием отмечали не только внутренние проблемы в СССР, но и раскол в лагере социалистических стран. Протесты против существующего строя прошли в Чехословакии и Румынии. Почти сразу венгры заявили, что не приемлют однопартийную систему, им вторили немцы из ГДР. В Югославии обозначились известные религиозные разногласия. Они и у нас в стране имелись. Мусульмане в Казани стали требовать постройки мечети, Нагорный Карабах опять конфликтовал с Азербайджаном. Там-то и населения осталось несколько тысяч, но и тех активно вытесняли. Пока без резни и применения оружия, но от этого ситуация лучше не выглядела.

Конечно, эти события не сравнить с теми вооруженными выступлениями, которые сотрясали Африку. К примеру, Конго, перестав получать «братскую помощь» от СССР, заявил, что не будет продолжать строительство социализма советского образца. И тут же повыползали местные царьки, желающие управлять страной по собственному разумению. Политическая ситуация в Конго дестабилизировалась, конфликты переросли в вооруженные столкновения.

В Зимбабве объявились какие-то повстанцы и начали бузить на границе с ЮАР. А у тех свои проблемы — новый президент начал предпринимать активные действия по ликвидации

системы апартеида, отменяя некоторые законы, но напряжённые отношения между расовыми и этническими группами никуда не делись. Третью Африку воевала или потрясала оружием. Правительство Америки готово было буквально разорваться. Им же везде нужно сунуть свой нос и насадить свои правила. И как тут успеть, когда в СССР обозначилось непонятное национальное движение, Европа ошалела от наплыва иммигрантов, а страны социалистического лагеря стали проявлять неповиновение «Большому брату».

— Ничего не изменить, не исправить? — задавал мне вопросы Илья.

— Скорее всего, — разводил я руками. — Распад СССР неизбежен. Хорошо, если получится это смягчить, но Прибалтика уже, считай, откололась.

— Ввести войска, подавить, — не сдавался Илья.

— Скажут, что мы коммунисты-завоеватели, и через год-два всё вернётся к тому же. Поэтому, как я уже говорил, только идеология, только пропаганда.

— Совсем уж открыто ты ничего пропагандировать не сможешь. Пятое управление и без того в затылок дышит.

Идеологическую пропаганду, как вы поняли, мы собирались проводить через журнал. Практически всё уже было готово к выпуску небольших тиражей. Народ нужно приучить, заманить. Для этого были обещаны денежные призы за ответы на кроссворды. В первых выпусках развлекательные статьи будут носить безобидный характер. Немного карикатур на западных политиков и дальше сплошные развлечения.

Петру Мироновичу я рассказал на словах основную задумку. Решил быть честным до конца, пояснил, что в виде развлекательной литературы будут завуалированно подаваться идеи того, что нам нужно. Выслушал в ответ пространственную речь про роль партии и комсомола. Покивал головой, со всем соглашаясь, и тут же ввернул фразу, что для не особо сознательных граждан как раз подойдёт подобная низкосортная литература.

На самом деле я и сам особо не верил в результаты. С другой стороны, это была идея жены. Она вообще-то заработать хотела. В этом плане журнал должен оправдать надежды.

Плохо, что читательскую аудиторию мы охватывали только в РСФСР. Возможно, и получим разрешение на распространение журнала в союзных республиках, но толку от этого будет мало. Читать его станут именно русские, а не поднимающие голову различные националисты. К сожалению, такие уже появились в той же Чечне. Пусть вместо Дудаева, которого Илья элегантно «опорочил», найдется другой военный деятель, но проблемы всё равно возникнут.

Заведующему идеологическим отделом ЦК КПУ Леониду Кравчуку мы тоже репутацию подпортили. Его уже сместили, вернув на предыдущую должность. Первым президентом Украины он не станет. Я надеялся, что удастся избежать отделения этой союзной республики, как и Белоруссии.

Самое интересное, что я так и не смог вспомнить, кто руководил Белоруссией до того, как пришёл Лукашенко. Ни одной значимой фамилии не припомнил, хотя имел полный расклад и толковые справки от подчинённых Ильи. Из всех, на кого было предоставлено досье, только имя Зенон Позняк показалось знакомым. Но археолог, диссидент, поэт и прозаик вряд ли мог стать значимым политиком. Галочки напротив этой фамилии и ещё Кузнецова я поставил, чтобы Илья имел в виду, на кого дальше копать компромат.

Вообще-то этого добра за годы моей службы в КГБ я насобирав много. Что-то припрятано в тайниках на даче в Валентиновке, что-то на Рублёвке. Доступ к архиву был затруднён, но эти бумаги понадобятся мне не скоро. По крайней мере, пока жив Машеров,

суетиться не буду. Я у Петра Мироновича в любимчиках и исполняю роль серого кардинала. Все видят во мне советника и аналитика.

Разве что Ивашутина моя маскировка не обманула. С ним я имел одну беседу на пространные темы. Ивашутин, как и Машеров, был уверен, что за моей спиной находятся некие комитетчики, которые тайно управляют страной. Разубеждать я его не стал, поскольку действительно такие люди были. Пусть не управляли, но тот же Илья делился порой очень интересными документами, которые при умелом использовании могли повлиять на многое, но не на всё.

Мне казалось, что в истории произошли незначительные изменения. Пусть сменился государственный лидер в СССР, но это не могло кардинально сдвинуть исторические процессы в мире. Лишь менялись даты, как это было с Чернобыльской аварией.

По этой причине я не удивился, когда в конце августа начались волнения у немцев. Дату демонтажа Берлинской стены я знал очень хорошо. Это должен быть декабрь и никак не август месяц. Просветил меня в том знаменательном событии один приятель-англичанин. Он как раз с восемьдесят шестого по девяностый служил в Берлине. Если бы я услышал эту историю один раз, то, возможно, и не запомнил бы, но все наши посиделки в пабе заканчивалась очередной историей от Найджела, как он в Берлине лично наблюдал за разбором стены. Произошло то событие в декабре 1989 года. А тут ещё лето не закончилось, но события явно развивались по схожему сценарию.

Для многих людей, далёких от политики, было непонятно, зачем ФРГ упорно держало часть Берлина в качестве своей территории. По сути это малый островок в центре чужого государства, обнесённый пятиметровый стеной и колючей проволокой.

Попасть в Западный Берлин можно было на специальном поезде или автомобильном транспорте по особой магистрали. Особо тщательно охраняли эту границу со стороны ГДР при поддержке советского контингента войск. Проходящая через жилые районы Берлина стена местами имела колючую проволоку под напряжением. Что, впрочем, не мешало перебежчикам проникать на западную сторону столицы. За все годы существования стены не так-то и много их было. И не потому, что желающих не находилось, а по причине опасности. Пограничники могли выстрелить в спину, да и ограждение под напряжением — смертельное препятствие.

Совсем отчаявшиеся и желающие во что бы то ни стало оказаться в ФРГ придумывали неординарные приёмы. Даже на воздушных шарах перелетали. Хотя это были единичные случаи. В основном предпочитали использовать старые канализационные ходы или пробиваться на автомобиле через наименее защищённые участки границы. Пока существовала стена, жители социалистической Германии верили (как и граждане СССР), что жизнь на Западе на порядок лучше.

Лучше. Правда для тех, кто сумел приспособиться, имел свой бизнес или престижную работу. В той реальности для восточных немцев, которые объединились с ФРГ, стало сюрпризом то, что они потеряли свои социальные льготы. Их пенсии выглядели смешными, коммунальные платежи неприятно удивили дороговизной. То, что в ГДР было бесплатно, разом исчезло, а уровень жизни упал. Пока же и та, и другая сторона истово хотели преобразований.

Проблемы с пересечением границы возникали только у восточных немцев и советских солдат. Англичане, французы и американцы не имели ограничений по передвижению. Мне же историю прохождения из Западного Берлина в Восточный рассказывал бывший

военнослужащий английских войск. Ему достаточно было показать документ вначале на одном КПП, потом на другом, и на этом формальности заканчивались.

— Как так можно?! — искренне недоумевал я.

— Мы же оккупанты, — терпеливо пояснял Найджел. — В конце восьмидесятых в ФРГ американских, французских и английских военных было почти четыреста тысяч.

Найджел жил в Alexander Barracks (в Западном Берлине), но сама воинская часть располагалась в Hohover. Это примерно двести пятьдесят километров от Берлина. Многие солдаты в увольнение ездили на поезде в столицу ГДР. Билет даже по тамошним ценам стоил дешево — всего пять марок (туда и обратно). Ещё одна крупная казарма англичан располагалась в районе Олимпийского стадиона. Британцы как захватили эту территорию во время Второй мировой войны, так и держали её до начала девяностых.

Английские солдаты, в отличие от русских, совершенно свободно передвигались по Западному и Восточному Берлину. На мой очевидный вопрос, зачем вообще гуляли по советской территории, был дан ответ, что всё дело в ценах. Курс валюты в ФРГ и ГДР соотносился примерно 1:2. Это официально. Реально же марки с рук обменивались 1:17. Выпить того же пива по стоимости меньшей в семнадцать раз было предпочтительнее. К тому же качество этого напитка по всей Германии было на высоте.

Ещё английских военнослужащих привлекали в Восточном Берлине рестораны. Найджел расписывал, как ходил с друзьями в заведения, соизмеримые по пафосу и уровню сервиса с Simpson's или Savoy в Лондоне. При этом потраченные деньги даже простому солдату казались смешными.

Гуляли и осматривали Берлин англичане и как обычные туристы, особых шопингов не устраивали, поскольку магазины с одеждой их не привлекали (у всех военная форма). Продуктовые тоже (зачем, когда есть рестораны?), зато интересовались продававшимся в то время чешским хрусталём. Найджел приобрёл для себя семьдесят шесть единиц хрустальных бокалов, успешно вывез их в Англию, сложил в контейнер и... больше никогда не доставал. Что, впрочем, не мешало ему хвастаться покупками из ГДР.

Передвигался по Берлину он исключительно на автомобиле и никаких препятствий по пересечению границы на машине не испытывал. Военная форма служила пропуском. Один раз Найджел повстречался с русскими туристами в Treptower Park. Те поначалу решили, что он американец, но, услышав, что англичанин, поменяли отношение и даже попросили сфотографироваться на память. Отчего-то у советских граждан того времени отношение к британцам было более дружелюбное.

Самим немцам по большому счёту было без разницы, американцы или англичане «оберегают их покой» — и те, и другие оккупанты. Я никогда не задумывался раньше, но по сути суверенитет Германия приобрела уже после крушения Берлинской стены и вывода советских, американских, французских и английских войск. Конечно, осталась какая-то часть сил НАТО, но это уже было несоизмеримо с тем тотальным контролем страны, который существовал в послевоенный период.

К слову, в Восточной части Берлина ни один полицейский не мог остановить американского или английского военнослужащего. Разве что советский патруль имел право как-то препятствовать, если действительно происходило что-то противозаконное. Хотя, по словам Найджела, вели себя британцы прилично и в большей степени напоминали туристов.

Да и не в каждую увольнительную они посещали ГДР. Им и в Западном Берлине развлечений хватало. На «Берлинской лесной сцене» (Berliner Waldbuehne) проходили

выступления знаменитостей. Найджелу удалось побывать на концерте Тины Тёрнер и ещё получить бесплатные билеты на «Queen». Это было одно из последних выступлений группы с вокалистом Фредди Меркьюри, уже заражённым СПИДом.

Из личных впечатлений Найджела о концерте «Queen» — очень громко. Организаторы немного переусердствовали с количеством динамиков. К тому же в то время ещё не существовало огромных транслирующих экранов. Самого Фредди, скачущего по сцене, с дальних рядов было не разглядеть. Похвастаться тем, что был на концерте «Queen», можно, но реально впечатлений от видео больше.

В общем и целом англичане и американцы вели себя в ФРГ как полноценные хозяева. Неудивительно, что недовольство немцев росло с каждым годом. А тут еще некоторые изменения во внешней политике, ослабление «железного занавеса» СССР и волны иммигрантов.

Машеров мои выкладки по поводу объединения Германии помнил. Единственное, удивился тому, что я дал неправильную оценку по месяцам. Для меня это тоже стало сюрпризом. Я ещё раз предупредил Петра Мироновича, что решение проблемы в Германии силовым методом неприемлемо. Немцы в любом случае объединятся, а следящие внимательным образом за ситуацией американцы могут устроить мировой скандал.

Самым интересным фактом в этой ситуации с Берлинской стеной было то, что годом ранее немцы и вякнуть не осмелились бы. Но пример Чехословакии, Венгрии, Румынии и Польши способствовал тому, что всколыхнулись обе Германии.

Не прояви немцы настойчивости, годом позже могло всё случиться более кроваво и с жертвами. Военный конфликт между Кувейтом и Ираком отвлечёт американцев, французов и англичан. После ареста иракских счетов и введения эмбарго американцы начнут перебрасывать войска. Великобритания не останется в стороне и тоже отправит войска из Германии, ослабляя тем самым своё влияние в ФРГ и предоставляя больше возможности для советских войск.

Вообще-то эти события могут и не произойти в этой истории. Хотя общие европейские тенденции повторялись и немцы орали во всё горло: «Мы одна нация!», кирками и молотками разрушая стену.

Тут главное, вовремя напомнить Машерову о том, что немцы нам серьёзно задолжали. Тысячи военных и гражданских объектов были построены на деньги Советского Союза и прощать их не стоит. Нашей стране эти миллиарды ой как пригодятся!

Для меня же Берлинская стена стала символом переломного момента в истории и моей жизни. Не знаю, что именно случится в ближайшие годы, но к борьбе за власть я подключусь. Уверен, что до начала двухтысячных смогу подвинуть многих претендентов (компромата хватит, а деньги раздобудем) и встать во главе страны.

Так что вперёд! Изменим историю!

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Бугримова являлась первой в СССР женщиной-дрессировщиком. В её группе животных было около 80 львов, восемь лошадей, двенадцать собак.

Шотландский анекдот про англичан: «Правительство обеспокоено тем, сколько англичан имеют пенис размером меньше среднего, поэтому они просят всех мужчин, у которых имеется эта проблема, вывесить из окон флаг Святого Георгия». (Белый флаг с красным крестом — флаг Англии).

Руководство мясокомбината в панике: по слухам, товарищ Брежнев в последнем выступлении подверг резкой критике качество продукции комбината. К счастью, тревога оказалась ложной. Как выяснилось, Леонид Ильич сказал вовсе не «сосиски сраные», а «социалистические страны».

Брежнев читает доклад на съезде партии: — Социалистические государства идут на говно... (задумывается) — На говно... (хмурится) — На говно... (тут ему шепчут: переверните, мол, страницу) — Нога в ногу со временем...

Черненко захотел стать спортсменом и завоевать какую-нибудь медаль. Долго высматривал подходящий вид соревнований. И выбрал самое подходящее для собственной конституции, не противоречащей, впрочем, основному закону государства. Ежедекадные гонки на лафетах. Черненко тренировался, набрал команду, на старте немного шлифанул протекторами, но все впустую. Пришел вторым, какой-то выскочка Андропов обогнал.

Цена на картофель варьировалась от региона и по годам. Была и за 8, 12, 14 копеек. Мне запомнилась по 10 копеек, гнилая и с комьями грязи.